

*Об одном анаграмматическом
стихотворении Хлебникова*

К реконструкции «московского мифа»

М. И. ШАПНР

«Петербургский миф», «петербургский текст», «семиотика Петербурга» — эти понятия стали уже привычными. Москве в этом отношении повезло куда меньше — по сравнению не только с Петербургом, но даже с Киском или Вильно (см., впрочем: Топоров В. Н. Древняя Москва в балтийской перспективе//Балто-славянские исследования 1981. М., 1982. С. 3—61; Он же. О следах эпической стихотворной традиции в старорусских повестях о начале Москвы//Балто-славянские исследования 1982. М., 1983. С. 223—227; Он же. Петербург и петербургский текст русской литературы//Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1984. Вып. 664. С. 6 и далее). Возможно, отчасти это вызвано тем парадоксальным обстоятельством, что семиотическая история «старшей столицы» действительно кажется беднее по сравнению с историей «младшей», — по крайней мере, на первый взгляд. Именно так, скорее всего, рассуждал Хлебников, когда называл Москву «городом, обиженным в чуде» (ср.: Григорьев В. П., Парнис А. Е. Примечания//Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 661):

Вы помните о городе, обиженном в чуде,
Чей звук так мило нежит слух
И изятый из языка старинной чуды.

«Вы помните о городе, обиженном в чуде. . .», 1909?

В этом стихотворении, а точнее в той его части, где речь идет о «звуке» города, Хлебников почти повторяет Пушкина: «Москва... как много в этом звуке / Для сердца русского слилось!» Видимо, в семиотике Москвы звучание основного топонима имеет большее значение, нежели в семиотике Петербурга, — как «свое» в отличие от «чужого» (ср.: Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст. . .

С. 7). При этом восприятию «своей» Москвы ничуть не мешает отношение к ее имени как к заимствованию «из языка старинной чуди»: по летописи, чудь (наряду со славянами) была среди народов, призвавших варягов на княжение («Повесть временных лет»).

Однако Москва в стихотворении Хлебникова открыто нигде не названа. Поэтому естественно предположить, что «звук», или вернее звуки, в которые вслушивается поэт, даны им не только описательно, через зрительные образы, но также и напрямую, как подлинные герои стихотворения, — через образы слуховые:

Зовет увидеть вас пастух,
С свирелью сельской (есть много неги в сельском имени),
Молочный скот с обильным выменем,
Немного робкий перейти реку, журчащий брод.

«(. . .) есть много неги в сельском имени (. . .)» — Мо-ск-вы. [Это согласуется с представлением о Москве как «большой деревне», в противовес городу — Петербургу (см.: Там же. С. 7 и далее).]

На протяжении двух строк Хлебников на все лады варьирует фонемы ключевого слова, одновременно его этимологизируя. «Молочный скот», «переходящий реку», — это намек на отвергнутую лингвистами, но некогда популярную (благодаря поддержке В. О. Ключевского) гипотезу о происхождении топонима «из коми *mōsk* „корова“ и *va* „вода“» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. II. С. 660) — «Все это передал нам в названии чужой народ» (=чудь). Подтверждение этой этимологии Хлебников, скорее всего, видел в названии (в действительности — позднем) одной из московских улиц — *Коровий Брод* [у Хлебникова — «журчащий брод» (см.: Григорьев В. П., Парнис А. Е. Указ. соч. с. 661)], то есть брод через Язу, по которому вели коров на скотопригонный двор у Красных ворот [ср. также *Коровий Вал* и четыре *Коровьих переулка*, находившихся рядом с Животинным двором в другой части города (см.: Имена московских улиц. Изд. перераб. и доп. М., 1988. С. 49, 121)]. Несколькими ниже «коровья» тема из тайной делается явной: «Где отражался в водах отсвет коровьих ног(. . .)» (а спустя еще строку Хлебников называет Москву «город ясли»), но уже почти в самом начале стихотворения эта тема заявлена через поэтическую этимологию, межъязыковую паронимию, остраннение устойчивого словосочетания (*Коровий Брод*), а, может быть, и через некое подобие анаграммы (но только скрытой намного тщательнее, чем предыдущая):

Зовет увидеть вас пастух,
С свирелью сельской (есть много неги в сельском имени),
Молочный скот с обильным выменем,
Немного робкий перейти реку, журчащий брод.

Здесь пять *к*, тринадцать *о*, шесть *р* и шесть *в* (в том числе три *ко*, два *ро* и одно *ов*), подготавливающие следующий стих: «Пастух с свирелью из березовой коры . . .» [ср. в другом отрывке о Москве: «(. . .)Уселась на свой короб (. . .)» («В тебе, любимый город. . .», 1909?)]. Отметим также пять случаев полногласия в начальной части стихотворения «Вы помните о городе, обиженном в чуде. . .»: *городе, молочный, перейти, передал, березовой*.

Но и это еще не все. Помимо первых двух в стихотворении закодирован еще один топоним, третий. В последней строке упомянут боярин Степан Иванович Кучка, на землях которого по преданию князь Юрий Долгорукий основал город: «(. . .) Я помню о тебе, боярин непокорный Кучка!» Отсюда и другое название Москвы, незримо присутствующее в тексте, — Кучково: так «именовалось до основания города село (ср. в летописи „Москва, рекше Кучково“)» — (Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 115) — «(. . .) есть много неги в сельском имени (. . .)». Это старое название тоже нашло свой отклик в фонике, хотя еще более слабый, чем два других имени. Кроме многочисленных *к*, *о* и *в*, входящих в состав всех трех топонимов, в первых восьми строках стихотворения девять раз встречается *у* и шесть раз — *ч* [звуки, надо заметить, достаточно редкие: в обычном тексте первый попадаетея в полтора, а второй — в два раза реже (см.: Пиотровский Р. Г., Бектаев К. Б., Пиотровская А. А. Математическая лингвистика. М., 1977. С. 120)]:

(. . .) Немного робкий перейти реку, журчащий брод.
Все это нам передал в названии чужой народ.

Вместе с тем частая встречаемость *ч* и *у* может быть объяснена также их вхождением в этноним *чудь*.

Все три топонима — Москва, Коровий Брод и Кучково — связаны между собой «метонимически», кроме того, первые два — еще «этимологически» (ибо Москва для Хлебникова — это «коровья вода»), а первый и третий — композиционно: на вопрос, заданный в начале («Вы помните о городе, обиженном в чуде (. . .)»), поэт отвечает в конце («Я помню о тебе, боярин непокорный Кучка!»), показывая, что Москва — в то же время Кучково. Следовательно, все три названия могут восприниматься как окказиональные синонимы. Ни одно из них прямо не называется, но все они легко угадываются, спрятанные в поэтическом тексте. Москва зашифрована в анаграмме — двуслойной и потому бесспорной: имя города дается Хлебниковым как через повтор фонем (*м, о, с, к, в*), достигающих порой высокой степени концентрации (в *сельском*), так и через красноречивую последовательность их комбинаций: *Мо-ск-вы*. Фонетические «темы» двух других имен звучат более приглушенно, но зато в стихотворении обнаруживаются однокорневые с этими топонимами лексемы («ответ *коровьих* ног», «боярин *непокорный Кучка*»). В анаграмматической экспозиции

они соотносятся: первая — с существительным *брод*, вторая — с прилагательным *сельский*. [Ср. в «Повести о зачале Москвы»: «И прииде на место, иде же ныне царствующий град Москва, оба полы Москвы-реки. Сими же селы владущу тогда боярину некому, богату сушу, зовому Кучку [Стефану] Иванову» (Повести о начале Москвы. М.-Л., 1964. С. 175, ср. с. 176, 194, 200, 208—210 и др.). Таким образом, Москва — град, село же — Кучково.]

Любопытно, что лирические медитации на тему первопрестольного града иногда порождают сходные композиционные и образные структуры. Укажем в этой связи на одно восьмистишие А. Страхова (1981, опубл. 1989):

Будь этот город тяжких снов
И яви, надорвавшей душу,
По мановению разрушен
До усталых костыли основ,
И не смогу. . . Хотя случись. . .
Не поручусь, что броню камень
В того, кто долгими руками
Вновь стащит в кучку кирпичи.

Здесь, как и у Хлебникова, с первой же строки вводится тема не названного вслух города, в последней — возникает имя боярина Степана Кучки (у Страхова — полунамском), а между ними — анаграмма-этимология, которая точно указывает, что за город имеется в виду: «(. . .)В того, кто долгими руками (. . .)». Оба поэта формулируют и тут же снимают антитезы: у Хлебникова — прошлое/настоящее, природа/цивилизация, сельское/городское; у Страхова — настоящее/будущее, сон/явь, разрушение/созидание. Оба говорят о жертвах: Хлебников — о загубленных когда-то, Страхов — о тех, что грядут. Как и Хлебников, Страхов компенсирует нанесенную Москве «обиду», создавая свой вариант «московского мифа» — о разрушаемом и созидасмом, умирающем и воскресающем городе. Такой поворот темы не только находит опору в реальной истории Москвы, неоднократно горевшей и отстраивавшейся заново (будто бы «краше прежнего»), но имеет и характерную поэтическую традицию: «(. . .) Пожар способствовал ей много к украшенью».

«Московские» стихи Хлебникова — это, судя по всему, один из его первых опытов построения текста по анаграмматическому принципу, по времени совпавший с разысканиями Ф. де Соссюра в области поэтики анаграмм (1906—1909) (см.: Jakobson R. Subliminal Verbal Pattering in Poetry//Jakobson R. Selected Writings. The Hague—Paris—N.Y., 1981. Vol. III: Poetry of Grammar and Grammar of Poetry. P. 138; а также: Hansen-Löve A. A. Velimir Chlebnikovs Onomatopoeitik: Name und Anagramm//Wien. slav. Almanach. 1988. Bd. 21. S. 135—223). Этот эксперимент раннего Хлебникова интересен, в первую очередь, тем, что в нем заложены многие из тех принципов семантизации звуковой формы, которые

во всей полноте проявились позже, когда поэт разрабатывал свои многочисленные языки и составлял их алфавиты (см., например: Григорьев В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. М., 1983. С. 83 и далее). Один из таких принципов, положенный в основу двуслойной анаграммы и последовательно реализованный в словообразовании зрелого Хлебникова, — это морфологизация фонем и фонемных сочетаний (как правило, по типу «согласный + гласный»). Так, в стихах о Москве первая фонема основного топонима повторяется не только сама по себе, но и в сочетании *мо-* [подобно тому, например, как в «Зангези» в качестве окказиональных морфем выступат не только *м-* (*м-огатырь*←*б-огатырь*), но и *мо-* (*мо-гровый*←*ба-гровый*); ср. также *мог-есные*←*чу-десные*, *мо-го-гур*←*бала-гур*, где, в свою очередь, можно выделить уже *мо=* и *-го-*, и т.д. (подробнее см.: Шапир М. И. Комментарии//Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990. С. 266)]. Желание увидеть в слове Москва значащие составные части дополнительно мотивировано тем, что в контексте стихотворения топоним этимологизируется и превращается в композит (*mösk-va* = „коровья вода“).

Еще один принцип хлебниковской поэтики, который обнимает собою все творчество «будетлянина», — это его стремление к незнакомому языку (см.: Там же. С. 362 и далее). Если принятая датировка верна, значит, лирический отрывок о Москве создавался в одно время с «Бобзоби. . .», «Крылышка. . .» и «Песню мирязя» — произведениями, в которых реализована «важная возможность поэтического неологизма — беспредметность» (Якобсон Р. Новейшая русская поэзия: набросок первый. Прага, 1921. С. 47). О словах типа у *омера*, *мирючие*, *грустняком*, *морину*, *красивняком* и *мыслокой* Р. О. Якобсон сказал, что у них «отсутствует то, что Гуссерль называет *dinglicher Bezug*, то есть «предметная отнесенность» (Там же. С. 47). Но у этих же слов отсутствует и «*deutlicher Bezug*» — абстрактное («словарное») значение, общее различным словоупотреблениям одного и того же слова. А слово без денотата и сигнификата — незнакомо и потому непосредственно связано со смыслом текста, хотя бы он был при этом «известен только самому поэту» [ЦГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 4 об. (из чернового автографа книги Г. О. Винокура «Маяковский(—)новатор языка»); ср.: Вейдле В. Эмбриология поэзии: Введение в фоносемантику поэтической речи. Париж, 1980. С. 86; Hansen-Löve A. A. Die «Realisierung» und «Entfaltung» semantischer Figuren zu Texten//Wien. slav. Almanach. 1982. Bd. 10. S. 205—206].

В стихах «о городе, обиженном в чуде», подобных неологизмов нет, но зато в них опробован другой, более эффективный путь преодоления знаковости. В анаграмме уничтожается даже не денотат или сигнификат, а сама материальная форма знака: ключевое слово ни разу не произносится, и тем не менее его фонетика и

семантика разлиты по всему стихотворению. Поэтому не совсем точен В. Н. Топоров, когда говорит, что «анаграмма выступает как средство проверки связи между означаемым и означающим» [Топоров В. Н. К исследованию анаграмматических структур: (анализы)//Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 193; ср.: Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976. С. 266—267]. Строго говоря, никакого «означающего» у анаграммы нет (во всяком случае, в сосюровском смысле термина), а фонемы ключевого слова, рассыпанные по тексту, входят в состав «означающих» многих других знаков (ср.: Faguno J. Паронимия — анаграмма — палиндром в поэтике авангарда//Wien. slav. Almanach. 1988. Bd. 21. S. 38). Более того, хотя слово, которое анаграммирует Хлебников, далеко не беспредметно, сигнификата у него все-таки тоже нет, ведь оно — имя собственное и называет единственный и неповторимый объект, а следовательно, заведомо лишено обобщенного словарного значения. Но и денотат у него в большой степени размыт: как во времени, так и в пространстве (поскольку Москва здесь — еще и Кучково, и Коровий Брод).

Итак, «слово в поэзии Хлебникова утрачивает предметность, да еще внутреннюю, наконец даже внешнюю форму» [Якобсон Р. Указ. соч. С. 68; ср.: «Заумное слово — это дематериализованное слово» (Винокур Г. Маяковский(—)новатор языка. М., 1943. С. 18)]. Эта частичная десемиотизация языка не только не обедняет поэтического смысла, но, напротив, способствует его гибкому и полному воплощению. Абстрактность знака преодолевается: каждая анаграмма уникальна и неповторима. Она стирает грань между смысловым и знаковым, которые обычно противостоят как сенсорно невосприимчивое и сенсорно воспринимаемое: анаграммирование слова, делая его невидимым и неслышимым, способствует непосредственной (иррациональной) доступности содержания. Разрешение противоречий между знаком и смыслом делает в принципе несущественным вопрос о сознательном либо бессознательном характере анаграмм: если при восприятии они, как правило, не осознаются, так ли уж важно, осознавались ли они в момент своего порождения? Бессознательные или полубессознательные анаграммы ничуть не хуже аккомпанируют смыслу, чем сознательные (ср.: Jakobson R. Op. cit. P. 137—139; Иванов В. В. Указ. соч. С. 267), и даже, в отличие от последних, застрахованы от навязчивости, грозящей новой знаковостью.

Обеспечиваемое ими слияние звука и смысла в единый, нерасчленимый звуко-смысл структурно сближает творимый Хлебниковым поэтический миф о Москве с религиозно-мифологическими текстами, подобными ведийскому гимну, посвященному богине Речи (Слова) *Vāc Ambhr̥nī* (Ригведа X, 125): в качестве имени собственного это слово лишено сигнификата, в качестве имени мифо-

логического персонажа оно лишено денотата и при всем том оно лишено материальной формы, будучи заанagramмированным, но непосредственно не названным (см.: Топоров В. Н. К описанию некоторых структур, характеризующих преимущественно низшие уровни, в нескольких поэтических текстах//Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1965. Вып. 181. С. 317—319). Именно таким «мифологизированным» персонажем предстает в хлебниковском «гимне» Москва: очертания реального города стираются, а на его место заступает мифологема (ср.: Farguno J. Указ. соч. S. 39).

Филологические беседы

«Неизбежная тирания материала...»

**О понятии лингвопоэтического факта
и лингвопоэтического комментария**

Я. И. ГИН,

кандидат филологических наук

В науке о поэтическом языке стал уже традиционным — после работ ОПОЯЗа, Московского и Пражского лингвистических кружков — тезис о насилии художественной формы над языком, о своеобразном преодолении материала в поэтическом тексте (см.: Хрестоматия по теоретическому литературоведению. Тарту, 1976. С. 251—271). Однако это положение страдает известной односторонностью: язык, в отличие от красок (живописи) или камня (в скульптуре), сам уже имеет свою форму, то есть в художественном тексте поэтическая форма (имеются в виду ритмические, сюжетные, тематические и иные факторы) встречается с формой лингвистической. Н. С. Трубецкой резонно заметил в ответ на концепцию «организованного насилия над языком» в стихе, разработанную Р. О. Якобсоном в книге «О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским»: «...Терпение языка все-таки не безгранично, и не всякое насилие язык может вытерпеть. {...} Число возможных или допустимых для данного языка „насилий“ всегда ограничено и определяется характером языка» (Цит. по кн.: Жирмунский В. М. Теория литературы: Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 363). В филологии нередко новые идеи высказывают сами художники слова, а ученым остается лишь «перевести» их слова на язык науки. В данном же случае предшественником Трубецкого был Л. Кэрролл: «„Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше“, — сказал Шалтай презрительно. — „Вопрос в том, подчинится ли оно вам“, — сказала Алиса» (Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. Алиса в Зазеркалье. Петрозаводск, 1979. С. 188).

Одновременно с Трубецким, в письме Г. О. Винокуру от 7 ноября 1924 года, Ю. Н. Тынянов писал: «Термин „деформация“ у меня неудачен, надо бы „трансформация“, — тогда все было бы на месте» (Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 517). Это «самокритичное» замечание представляется очень тонким и глубоким. Во-первых, трансформация подразумевает преобразование одной формы в другую, тогда как под деформацией может иметься в виду и простое разрушение формы, и

придание формы аморфному материалу. Во-вторых, «деструктивная» установка в изучении законов поэтического языка и поэтического текста заменяется установкой конструктивной.

Тезис о насилии над языком следует дополнить тезисом о влиянии языка на поэтическую конструкцию. «Художник интуитивно подчиняется неизбежной тирании материала, заставляет сливаться со своим замыслом грубую природу материала. (...) Литература, отлитая по форме и субстанции данного языка, отвечает свойствам и строению своей матрицы» (Сепир Э. Язык: Введение в изучение речи. М.—Л., 1934. С. 173—174). Эта мысль Э. Сепира, ранее бывшая как бы в тени, сейчас находит все большее признание среди исследователей поэтического языка — и не только исследователей: многие писатели высказывают близкие суждения (Ср., например, статьи и выступления И. Бродского — особенно его Нобелевскую лекцию — или слова А. Межирова о «правде языка», которой должна отвечать поэзия).

Взаимодействие языковых и надязыковых (собственно поэтических) законов и норм, представляющее собой одну из граней отношения «язык — культура», имеет разную степень, или глубину, в поэтическом тексте, что и является причиной его эстетической неоднородности. На последнюю указал еще Л. В. Щерба: в своем первом «Опыте лингвистического толкования стихотворений» он писал об «упаковочном материале» и «пустых местах» (Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 32; см. также: Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979. С. 124—134). Оба наименования не совсем удачны: слово «материал» не подходит, так как отсылает к языку, а надо — к тексту; определение же «пустые» слишком категорично, ибо ничего абсолютного асемантичного в языке нет. Но само явление ученым подмечено точно: в поэтическом тексте возможны такие языковые элементы, которых (почти) не коснулось влияние поэтической структуры (то есть взаимодействия двух структур в этих отрезках не произошло). Результатом указанного взаимодействия может быть и (почти) полное подчинение языковых единиц в определенных отрезках текста поэтической структуре: насилие над языком — частный случай рассматриваемого диалога языка и поэтики. Так, в народной волшебной сказке, где действует закон «сказано — сделано», согласно которому предмет имеет одно наименование, событие — одно описание, именно прямая речь персонажей «оказывается наиболее непроницаемым, устойчивым слоем изложения. Это не свойство языка — это свойство поэтики: ведь в нехудожественной речи именно диалог наиболее изменчив» (Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция: Вопросы поэтики. Саратов, 1980. С. 121). В этом и подобных примерах законы поэтики стремятся к максимальному подавлению законов языка, однако полностью алигвистичным поэтический факт стать не может (это касается и явления «зауми» в поэтическом языке. См.: Винокур Г. О. Культура языка. М., 1929. С. 317).

А способны ли языковые законы преодолеть законы поэтические? В поэтическом тексте, очевидно, нет, так как здесь поэтическая функция доминирует, надстраиваясь над другими, общезыковыми функциями.

Наибольший же интерес представляют случаи такого диалога языковой и поэтической структур, когда обе стороны одинаково активны и равноправны. В результате этого процесса формируются лингвопоэтические факты, которые следует рассматривать в обоих — лингвистическом и поэтическом — аспектах: их описание и особенно интерпретация только в одном аспекте могут оказаться неполными и даже некорректными. Эти факты представляют собой прямую противоположность «упаковочному материалу»: в противовес ему они воплощают пик эстетической активности языка, максимум его вовлеченности в игру поэтических форм. Именно лингвопоэтические факты и будут предметом рассмотрения в настоящей работе, которая выросла из комментариев к художественно-фольклорным и литературным текстам.

Комментарий — древнейший жанр филологического исследования, и сейчас разработан целый ряд его разновидностей. Так, Б. В. Томашевский, говоря о типах комментария, называет следующие: историко-текстовый, редакционно-издательский, историко-литературный, критический, лингвистический (литературный), рсальный (исторический) (Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. М., 1959. С. 207—212). Задача лингвистического комментария, по его мнению, — толкование непонятных слов и выражений (устаревших, иноязычных, диалектных), а литературного комментария — объяснение некоторых элементов поэтики текста (прежде всего версификационных). Данный перечень типов комментария, очевидно, неполон. Право на существование имеет и комментарий лингвопоэтический, необходимый в тех случаях, когда объяснить форму и семантику фрагмента текста могут лингвистика и поэтика только вместе, только объединив свои усилия.

Лингвопоэтический комментарий — начало лингвопоэтического исследования, которое проводится путем сочетания лингвистических и литературоведческих или фольклористических методов и анализа.

Лингвопоэтическое исследование может вестись в нескольких направлениях.

Во-первых, задачей анализа может быть само взаимодействие языковых и поэтических законов и норм — как в синхронии (текст), так и в диахронии (фольклорная или литературная традиция). Лучше всего эта проблематика разработана в стиховедении, где всесторонне обсуждался вопрос о взаимоотношениях стиха и языка (См. обзор по этой проблеме: Руднев П. А. Введение в науку о русском стихе. Вып. 1. Тарту, 1989. С. 19—36). Современное стиховедение пришло к признанию двойного членения (языкового и

ритмического). Взаимодействие двух этих членений наиболее наглядно видно при их несовпадении — стиховом переносе (анжамбемане). Ю. Н. Тынянов в своем труде о стихотворном языке прекрасно показал роль границы стиха и стихового переноса в переосмыслении лексического значения (оживление стершейся метафоры) и даже лексико-грамматической характеристики слова (акцентное и семантическое выделение служебных слов в конце стиха), но его анализ больше говорит о деформации речи ритмическим членением, а не о трансформации (см.: Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. М., 1965. С. 94—107).

Сколь глубоким может быть взаимодействие двух структур при анжамбемане и как оно может порождать новую, лингвопоэтическую, реальность, я попробую показать на примере из раннего стихотворения О. Э. Мандельштама «Ода Бетховену» (1914); начнется оно так:

Бывает сердце так сурово,
Что и любя его не тронь!
*И в темной комнате глухого
Бетховена горит огонь.*

Несовпадение ритмического и синтаксического членений во втором предложении-двустии становится причиной ярких формальных и смысловых эффектов. Сначала лучше представить это предложение как прозаическое: «И в темной комнате глухого Бетховена горит огонь».

Шесть знаменательных слов синтаксически связаны, во-первых, контактно — попарно в порядке их следования: 1) *в темной комнате*, 2) *глухого Бетховена*, 3) *горит огонь* и, во-вторых, дистантно: 4) *горит в комнате*, 5) *в комнате Бетховена*. В стихотворном же тексте происходит своеобразная переориентация синтаксических связей: вследствие «единства и тесноты стихового ряда» (Ю. Н. Тынянов) остаются в силе связи 1 и 3; связь 2 ослабляется (в конце стиха — ритмическая пауза); ослабляются и связи 4 и 5, поскольку на словесную дистантность накладывается еще ритмическая разобщенность. Но не только ослабляются, отчасти стираются старые синтаксические связи — появляются новые, «колеблющиеся» (термин Ю. Н. Тынянова) связи — внутри стихов: 6) *в комнате глухого*, 7) *огонь Бетховена*. Связь 6 вызвана переосмыслением морфологии слова: прилагательное *глухой*, оказавшееся на границе стиха и оторванное от определяемого, как бы субстантивизируется. Связь 7 заставляет переосмыслить лексическую семантику существительного *огонь*: это уже не прямое значение («пламя в камине»), но переносное («огонь души, таланта»). Во втором стихе двустии появляется, таким образом, и выразительная поэтическая инверсия (вместо «огонь Бетховена» — «Бетховена огонь»), актуализированная дистантным расположением (по краям стиха) компонентов словосочетания.

Но изменяются из-за анжамбсмана не только языковые связи и единицы — преобразуется поэтический мир текста: слова *Бетховен* и *глухой*, разобщаясь, начинают обозначать как бы двух разных лиц. Появление нового персонажа, «глухого», представляет собой удивительно точную параллель эффекту подпоручика Киже (Исследователями уже отмечалась связь сюжета «подпоручика Киже» с тыняновскими идеями о стихотворной семантике. См.: Шкловский В. Б. Гамбургский счет. М., 1990. С. 469; Ямпольский М. Б. «Поручик Киже» [так назывался киносценарий, написанный Ю. Н. Тыняновым] как теоретический фильм//Тыняновский сборник. Вторые тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 29—31). Но последний возник вследствие языковой ошибки; первый же персонаж — результат действия законов стихотворной речи.

Два рассматриваемых стиха оказываются семантически антиномичными: в первом говорится о мире какого-то глухого человека, эпитеты *глухой* и *темный* вступают в смысловую перекличку, создавая единую тему отсутствия звука и света; во втором стихе — мир Бетховена, торжество звука (музыка) и света (огонь). Нарисованная картина трансформаций отнюдь не отменяет общеязыкового (прозаического) истолкования данного предложения, но накладывается на него, сосуществуя и взаимодействуя с ним. Отметим, что предложенный лингвопоэтический комментарий подтверждается текстом стихотворения, в котором развивается тема огня божественного, огня души и таланта:

Уже бросает исполнитель
Исполненную тетрадь.(...)
Кто может ярче пламенем
Усилить полн освятить.(...)
Огонь пылает в человеке,
Его унять никто не мог.

Образ огня в этом тексте восходит к идеям Н. С. Трубецкого и В. Н. Иванова и — через них — к философии Гераклита (см. об этом: Добрицын А. А. Слово-Логос в поэзии Мандельштама//Quinquagenario Alexandri Jusini oblata. М., 1990).

Изучение взаимодействия языковой и поэтической структур предполагает то, что границы между ними заранее известны, — однако, на самом деле, это не всегда так. Дифференциация лингвистического, поэтического и лингвопоэтического — важная и непростая задача, второе направление лингвопоэтических штудий. Вот пример — из материалов по поэтике гидронима *Днепр* в фольклоре и литературе. География распространения былинного эпоса влияет на географию эпического мира: «Никогда не знавшие войны тундры Печорского края хранят былины о Владимире и его богатырях, давно забытые на Днестре» (Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 634).

Трансформация гидронимов стимулируется тем, что сказителям (северным, сибирским) многие реки неизвестны. Поэтому *Днепр*

выступает в нескольких вариантах: *Днепр, Днеп, Непр, Неп, Непра, Непря, Непре, Непрь, Непречка* (Исследование проводилось на материале сборников: Онежские былины: В 3 т. М.—Л., 1949—1950; Беломорские былины. СПб, 1901; Печорские былины. СПб, 1904; Архангельские былины и исторические песни. М., 1904; Русские былины старой и новой Записи. М., 1894; Былины М. С. Крюковой: В 2 т. М., 1939. Привлекались материалы также из других собраний). Форму *Непра* специально изучал Б. М. Соколов в работе «Непра-река в русском эпосе» (Известия ОРЯС АН. Т. 17. СПб, 1912. С. 198—214) как факт собственно поэтический: исследователь связывал *Непру* с определенными сюжетами (прежде всего — о Сухмане) и рассматривал имя в составе мотива помутнения реки как знака бедствия, возводя сам этот мотив — в духе исторической школы в фольклористике — к «Сказанию о Мамаевом побоище».

По мнению Б. М. Соколова, сама форма *Непра* есть результат проекции Непрядвы на Днепр. Данная точка зрения не выдерживает критики: упомянутый мотив типичен для эпоса, встречается в разных былинных сюжетах и как раз из фольклора пришел в древнерусские литературные тексты (См.: Малышев В. И. Повесть о Сухане. М.—Л., 1956. С. 40; Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1958. С. 587; Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции. М., 1974. С. 59—60). Куликовская же битва в народных песнях мало отражена, а река Непрядва эпосу почти неизвестна. Очевидно, объяснять необычную форму гидронима следует иначе — в контексте эпической гидронимии (Дунай, Волхов, Дон и др.).

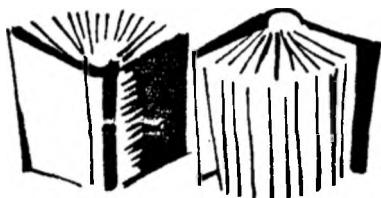
Употребление формы *Непра* не ограничено определенным сюжетом: кроме того, название Днепра может широко варьироваться в речи одного и того же сказителя — и даже в пределах одного текста (у М. С. Крюковой — «за Непрём-рекой» и «за Непрёй-рекой»). Все эти данные говорят о том, что *Непра* — прежде всего лингвистический факт, анализировать который следует в трех аспектах: 1) какова причина ассимиляции начальных согласных? 2) какова причина грамматической феминизации имени? 3) случайно ли сочетание этих двух (фонетической и морфологической) черт в одном слове?

Лингвогеографические исследования показали, что ассимиляция согласных по назальности типа (*ди*) — (*ни*) представляет собой характерную черту ряда говоров севернорусского наречия, и она отражается в памятниках письменности, начиная с 15 века (см.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. С. 185—189, 248).

Женским же родом гидроним *Непра* обязан слову *река*. Как показано обследование материала былин, записанных на Севере, именно в севернорусском эпосе регулярны сочетания гидронимов с родовым наименованием; так, у М. С. Крюковой разные варианты названия Днепра встречаются более 100 раз — и лишь однажды без

слова *река*, всегда сказительница употребляет с этим словом и гидроним *Дунай*. Напротив, в украинском фольклоре такие сочетания редки (см.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3. С. 127, 134). Морфологической феминизации подвергаются в языке севернорусского эпоса и названия других рек. Так, в ряде текстов вместо формы *Волхов* — *Волхова*, *Волховая*; данная параллель к *Непре* тем более убедительна, что эти реки «симметричны» в былинах, будучи связаны с двумя центрами эпического мира — Киевом и Новгородом (ср.: у М. С. Крюковой *Непра* заменила *Во. хов* в былинах о Василии Буслаеве, а М. Д. Криволенова в былинах о Соловье Будимировиче говорит не о *Киеве*, а о городе *Непрьском*). Очевидно влияние прибалтийско-финских языков, в которых такие слова, как *озеро* и *река*, являются вторыми частями гидронимов: «Вероятно, сходство с финно-угорским словообразовательным типом здесь не случайно: или это заимствование, или какая-либо древняя типологическая параллель» (Агеева Р. А. Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989. С. 116—117). Таким образом, рассмотренные фонетическая и морфологическая характеристики *Непры* неслучайно сочетаются в одном слове и представляют собой яркие приметы севернорусской речи.

Петрозаводск

Просторечие и жаргон в поэзии А. Межирова

О. В. ШУЛЬСКАЯ,
кандидат филологических наук

Современные поэты нередко используют в литературной практике ненормативные языковые средства. Так, для идиостиля Александра Межирова характерно не только активное привлечение звуковых повторов, сравнений-метафор и других традиционных поэтических приемов, но и употребление просторечной и даже жаргонной лексики. При этом Межирову присуща стилистическая сдержанность, его не привлекают крайние стилистического полюса — он скорее тяготеет к «средней линии», воплощенной в творчестве Блока (линия Блока — одна из важнейших характеристик художественной системы поэта). Выход Межирова за пределы книжной речи обусловлен как общей стилистической тональностью поэзии современников, так и своей собственной авторской позицией.

Просторечные и жаргонные слова в произведениях Межирова представлены широко, но всякий раз художественно оправданно. Вспоминается высказывание Д. Самойлова, поэта наисовременнейшего, о маркированной лексике и ее использовании в стихотворном языке: «И ветер необыкновенней, / Когда он *ветер*, а не *ветр*». Или у него же: «Поэзия пусть отстает / От просторечья, / И не на день, и не на год — / На полстолетья». Между тем автор этих строк применял в своих стихах как высокую, так и ненормативную, просторечную и бранную лексику.

А вот оценка языка собственной поэзии, данная Межировым в стихотворении «Улетаю по работе...»:

От последнего недуга
Умирала тяжело, [о матери]
А насчет бессмертья духа
Я не знаю ничего.

Остаешься в слове сына,
Патургаментом, блятином, —
И болит невыносимо,
Ходит сердце ходуном.

Что же такое у Межирова «блатное слово»? Это, прежде всего, жаргонное и просторечное. Вот перечень некоторых жаргонизмов, встречающихся в его стихах: *ажан, пижон, прожекты, разлюли-малина, старухи-пьюхи, фартить, фраер, фраерочек, шмон*; просторечие: *алкаш, брюхо, вкалывать, ввали, выжиги, девки, ишачить, липа, мастак, мразь, недобитки, переть, работяга, рвань, ржать, свихнуться, хапуга, холуй, шпана, шоферня, якишаться* и др. Просторечные формы, в том числе ненормативное ударение: *понеший, задарма, местов, стыдоба, промежду тем, ничейный, пошить, даден, отвоевавши, кирками, джисовое, гаражи*.

Если сравнить этот перечень с «поэтическими вольностями», скажем, у А. Вознесенского или Е. Евтушенко, он покажется очень скромным и умеренным. Между тем Вознесенский, употребляя более «крепкие» слова, например, *оторва, дерьмо, лява, сволочь* и т. д., в стихотворении «Речь» говорит:

Я кому-то придурок,
но почувствовал инкурой,
как двадцатый мой век
на глазах превращается
в Речь.

Его темное слово,
пока лирики телятся,
я сказал по разуму своему
на языке сегодняшней
русской интеллигенции,
перед тем как нечистую
стать ему.

В отличие от Вознесенского и Евтушенко, у которых присутствие в стихах просторечных слов и жаргонизмов можно рассматривать как черту индивидуального стиля уже в их раннем творчестве, у Межирова интерес к этим языковым средствам пришел не сразу и был обусловлен стремлением к демократизации собственного стихотворного языка. Это явилось как бы следствием общего процесса «обмирщения» русской поэтической речи (выражение О. Мандельштама).

Исследователи не раз писали о демократизации русского поэтического языка, анализируя в основном разговорную лексику и фразеологию и отмечая, что эти речевые средства благодаря присущей им экспрессивности все шире привлекаются в современной поэзии, выполняя в ней эстетическую функцию. «Обмирщение» языка поэзии происходит все более активно, уже при вовлечении просторечно-жаргонной речевой стихии, обращение к которой носителями литературного языка становится явлением стилистического узуса, имеющего особый нормативный характер, отличный от общей культурно-речевой нормы. В современной поэзии просторечные и жаргонные слова не рассматриваются как инкрустации, экспрессивные вкрапления — это элементы разговорной речи «сегодняшней русской интеллигенции». Употребление этих средств может сочетаться и с ре-

шением традиционно высоких тем, как, например, в стихотворении Межирова «Игрушки», посвященного теме творчества:

Дергает за ниточку [мастер] — и сразу
Буратины произносят фразу,
А матрешки пляшут и поют,
Сверхурочно *вкалывают*, ленятся,
Жрут антабус, друг на дружке женятся
Или же разводятся и пьют.

Одна из функций просторечия — выражение отношения поэта к изображаемому. Иногда достаточно одного просторечного или жаргонного слова, чтобы поставить нужный акцент в стихотворении:

Там лейб-маляр, плутинка луноглазый,
Бросал на холст валютные размазы,
В один сеанс писал хозяйке *хазы*
Почти что византийские глаза.

Это строки из стихотворения Межирова «Бормотуха». Сам факт вынесения жаргонного слова в заглавие стихотворения свидетельствует о появлении у него двойного плана. Не случайно Межиров, очень внимательный к слову, так комментирует это название:

Я, конечно, понимал заранее,
Нелицеприятным будет суд
И мое ужасное название
Пошлым и безвкусным назовут.

И поскольку нет прорабов духа,
Сборной духа в этой книжке нет,
Для нее название — «*Бормотуха*»
Я придумал в духе этих лет.

Надпись на книге

Характерно, что слово *бормотуха* вошло в язык современной поэзии и употребляется в метафорических сочетаниях, например, у Евтушенко в стихотворении «Кабычегоневышлисты»:

И по проводам телефонным ползет от уха до уха
Как будто по сладким плангам, *словесная бормотуха*.

О расширении сочетаемостных возможностей просторечного слова говорит и следующий пример из стихотворения Межирова «Свиристят в потемках кинескопы...», где обращает на себя внимание просторечие *дармовой*:

И горит-горит, хоть волком пой,
За твоими стеклами Синюза,
В окнах, запотелых от мороза,
Свет последней стадии склероза
Дармовой культуры мировой.

Один из фактов творческого отношения к просторечию и жаргону в современной поэзии — паронимические сближения слов, включающих эту лексику и несущих эстетическую нагрузку. Этот прием использует и Межиров, хотя и менее активно, чем Вознесенский и Евтушенко. Вот некоторые примеры из стихотворений Межирова: «*Жарь гитара, жарь гитара, жарко!*» (название стихотворения); «*Это же подлянка — бить подранка*» («Потому что — все судьба да случай»), «Мне плевать, что сейчас каждый *хмырь* может *хмыкнуть* в меня, выражая презренье» («Без кандидатского стажа»).

Активное привлечение «сниженных» языковых средств приводит к прозаизации стихотворной речи. Применительно к некоторым произведениям Межирова эта характеристика уместна, но говорить о прозаизации его стиля в целом было бы неверным, несмотря на заявление поэта о своем языке как «полуграмотном, блатном». Чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить идиостили Межирова и, к примеру, Б. Слуцкого, стилевой чертой которого является прозаизация лирического повествования.

Рассмотрим с этой точки зрения стихотворение Межирова «Прощание с Юшиным», содержащее ряд просторечных слов и форм.

Как обстоят дела с семьей и домом?..
Жизнь жаждалась на мяснике знакомом,
На Юшине, который был поэт,
Идиличный выразитель деревенских
И вырезатель мяса из котлет,—
Предмета вечных вожделений женских.

Он был из обездоленных. Но это
Врагом земли не сделало поэта,—
Имея в Подмосковье огород,
Выращивал приятные закуски,
Чтоб все-таки закусывал народ,
Уж если *стаканами* пьет, по-русски. {...}

Питая до отмеренного часа
И вечный дух и временную плоть,
Промеж Парнаса и парного мяса
Он перепутать смог перебороть.

Просторечный вариант *стаканами* органично вписывается в сложную систему языковых средств и образов, используемых для решения традиционно высокой темы поэтического творчества. Намеренная заземленность повествования достигается с помощью слов из обиходно-бытовой речи (*мясо, котлеты, закуски*), а также с помощью паронимии, подчеркивающей ироническое звучание стиха: *выразитель — вырезатель, Парнаса — парного мяса*. Просторечное ударение *стаканами* выступает как социально-характеризующий момент, выполняющий метаязыковую функцию. Эстетический эффект здесь значительно сложнее, чем, например, в строках

В. Высоцкого, применившего эту же просторечную форму, которая, однако, воспринимается лишь как свидетельство речевого пристрастия поэта: «Я как-то влил стакан вина для храбрости в Фортуну —/С тех пор ни дня без *стакана*...» («Песня о Судьбе»).

Наличие в тексте этого стихотворения Мсжирова разговорно-просторечной лексики тем не менее не создаст впечатления устного рассказа, прозаического изложения:

Обедаю теперь в «Национале»,
В тени лиловой врубелеских крыл
(Конечно, это выдумка, не боле,—
Тем более они на «Метрополе»,
Да и не крылья, да и цвет иной
Да и не все ль равно в какой пивной).

Будуют калориферы при входе
В «Националь». Не слишком людно вроде,
Но нет *местов*. Свободных *нету* мест,
Пока обеда своего не съест
Симпозиум, конгресс и прочий съезд.

Доел. И наступила пересменка
Вкушающих посменно от шедрот,
Над новыми клиентами плывет
Шумок несуществующего сленга.

Кейфующая неомолодежь,—
Коллеги, второгодники-плейбои,
В *джинсовое* одеты, в голубое,
Хотя повыврастали из *одеж*
Над пропастью во ржи (при чем тут рожь)...

Они сидят расслабленно-сутуло,
У каждого под *задницей* два стула,
Два стула, различные легко:
Один — купеческое рококо,
Другой — модерн, вертящееся что-то
Над пропастью во ржи (причем тут рожь),—
И все же это пропасть — пропасть все ж,
Засасывающая, как болото.

Слова *джинсовое*, *кейфующая* как бы сигналы «несуществующего сленга». Тема неомолодежи у Мсжирова переплетается с темой полукультуры, полуэлиты, часто звучащей у поэта. Просторечная форма *одеж*, поддержанная просторечным вариантом *джинсовое*, в контексте с иноязычным *плейбои*, жаргонизмом *кейфующая*, создает контраст, необходимый поэту для подчеркивания мысли о неоднозначном восприятии такого рода молодежи. Не случайно также просторечное *одеж* рифмуется со словом *рожь* — это литературная ассоциация, вызванная романом Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи».

Основная тональность этого стихотворения все же книжная, несмотря на множество разговорных и просторечных элементов, которые, однако, не привносят в текст ни разговорности, ни проза-

ичности. Синтаксический строй, характер привлекаемых поэтом образных представлений и эмоциональный образ текста специфичны именно для книжной стихотворной речи. Этот вывод противоречит утверждению некоторых литературных критиков о прозаизации стиля Межирова.

Анализ употребления Межировым разговорной, просторечной и жаргонной лексики позволяет говорить об определенной стилистической установке поэта как одной из характеристик его идиостиля.

Вильнюс

О СОСТОЯНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА *

Материалы почтовой дискуссии

М. И. ЧЕРЕМИСИНА,
доктор филологических наук

1. Моей собственной речи выражение «состояние русского языка» не свойственно. В моем сознании сочетание слов «состояние языка» в самом деле увязано с оценками, по преимуществу, — но не обязательно — негативными. Вроде как у врача в больнице. У одних языков состояние хуже, у других лучше. К примеру, о якутском языке я никак не скажу, что его состояние скверное. По-моему, он вполне здоров (применительно к нашим условиям). Недурно себя чувствуют и алтайский, тувинский; грех особенно жаловаться бурятскому. Но нанайскому языку не сладко приходится. Да и хантыйскому трудно.

А ительменский, тофский — они совсем умирают.

В этом контексте состояние русского языка меня не беспокоит. О «решительных мерах», а тем паче о хирургических, применительно к языку мне страшно подумать. Тут сразу и мысли о кутуздах, и воспоминания о косметической хирургии в правописании, об отчаянии соотечественников при виде написания *заец*, о предпочтении пожизненного отказа от вкушения огурцов, буде выйдет приказ писать *огурци*, и много такого прочего... Нет, избави нас Бог от новых потрясений основ как правописания, так и правоговорения.

Я не сказала бы, что Русский Язык переживает какой-то серьезный кризис. Есть в нем, в языке, кое-какие мелкие изменения и тенденции, которые мне антипатичны. Но ведь всегда изменения норм молодости антипатичны старшему поколению. Я представляю себе, даже кожей чувствую, как должно было коробить Льва Николаевича слово *уживо* вместо привычного мягкого *надобно*... Вот мне, к примеру, противно произношение «коммунизм», или несклонение числительных, а тем более смешение возвратных и не возвратных причастий: «загоревший сарай» и «сидящиеся здесь товарищи»... Но если нашим потомкам будет благоугодно числительных не склонять, так ведь и пусть! Живут же многие народы, не склоняя прилагательных, экая беда.

В кризисе не язык русский, а русская культура. Культура поведения, культура труда, культура жилища, еды, культура внут-

* Начало см.: Русская речь. 1992. №№ 2—5.

реиней жизни — ну, и, конечно же, речи. Хочу подчеркнуть: я говорю и думаю не «о них», а о нас, и именно о себе включительно. Интеллигенция — это те, кто взял на себя ответственность за культуру нации. И мы с этой ответственностью не справились. Не только те, кто говорит «портфель», но и те, кто слышит, читает, и мирится со всем тем, что звучит и в автобусе, и с телеэкрана, и на заседаниях и ученых, и Верховных Советов. И конечно же, не только в «портфелях» дело...

Но вернусь к оставленному. К тому, что ведь речь и язык не одно и то же. Речь отразится в языке, но далеко не сразу, тем более, если мы говорим о русском, с его огромным корпусом самых разных текстов, в которых хранится запечатленная культура. Когда на таком языке — айсберге, как русский, перестают говорить грамотно и вразумительно, это не трагедия языка, тем более не трагедия речи — речь в принципе сиюминутна, это трагедия нации.

Три четверти века тянется бесконечное соревнование, — нынче модно говорить «марафон»: кто сумеет ловчее и быстрее наизать (написать, произнести или пропеть) максимальное количество слов для выражения минимального количества мыслей. Но ведь и за это ответственна нация, а не язык. Газеты задавали эталон культуры речи, а «инженеры душ» и прочие пираты и лауреаты пера гнали листаж, рифмовали «заяц» и «палец» и «птицу» с «синицей» в твердом предвкушении гонорара — и в смутной надежде к концу опуса догадаться, о чем вообще-то шла речь... Сейчас пришли немного другие времена. Пишут много — о чем-то. Но, к сожалению, писать о важном и актуальном еще не значит писать хорошо...

Нас никто не завосвал, никто не ассимилирует. То, что с нами происходит — национальная деградация. И если мы дальше будем жить так, как живем, то скоро совсем одичаем и разучимся не только писать, но и говорить.

2. Милая, старая, обветшалая метафора «дерево»... Вот у меня стоит на столе в кадке декоративная японская вишня. Она изящна и жизнестойка. Но если ей недодать воды, ее листья никнут, скручиваются, желтеют и опадают. Кажется, еще чуть-чуть, и она погибла. Но корни у нее по объему не меньше кроны, и, пожалуй, сильнее. И ствол, и ветки — упругие, цепкие... Вильнешь ей полведра воды — и утром она опять улыбается.

Это дамский вариант метафоры «дерево». Увы, к настоящему нашему дню подходящий мало.

Русский язык сегодня я сравнила бы не с японской вишней, а с тем деревом, которое растет за классическим русским «Голубым Дуном»... (кажется, эта метафора ныне забыта, и теперь «забегаловки» называют иначе? Но тут мне уже не по возрасту гнаться за модой). ... Дюжая баба-хозяйка под дерево на задворках выплевывает пиво-водочные и иные помои, мужики об его кору гасят

свои сигареты, под ним сжигают мусор, чтоб не носить далеко, а что не горит — закапывают взамен удобрений: осколки стаканов, консервные жестянки, селсдочные хвосты, хлопья газет...

Дерево все-таки цело, потому что оно старое и корни его глубоко. Ему, конечно, несладко. Но вряд ли тут помогут рецепты биологов. Городовой был бы надежнее, да где ж его взять?

3. Шахматная и компьютерная метафоры, мне кажется, близки между собой. И для меня они менее выразительны.

Думаю, что русский язык не потерял никаких фигур. Правила напечатаны, — даже если они забыты, их можно восстано-вить, «поле игры» на протяжении жизни моего поколения сперва расширялось, потом сужалось, но, по-моему, это мелочи, вряд ли способные вызвать растерянность у лихих партнеров. Да они, поди-ка, готовы, если прикажут, двигать фигуры и по шашечным правилам...

Нет, дело не в системе игры, но в ее фактуре — фигурах, не в правилах, законах, а в том, как в нее играют сидящие за столом. Уровень, на котором сейчас действуют «наши шахматы», сопоставим с уровнем среднескошзного дома псевдокультуры. Но разве в этом виновны шахматы? Если играть сядем мы с дочерью, — ну, мы знаем, как шествует слон, как прыгают кони; даже тайнопись шахматную — пешка Е-2 — Е-4 понять в состоянии. Но игроки-то мы слабые, негодные. В наших руках и шахматы не те шахматы... А Карпов с Каспаровым за той же доской, теми же фигурами играют свои партии, и мир говорит «ах»!

Так, наверное, о языке шахмат, о его «состоянии» и возможностях надо судить не по нашей, а по их игре!

* * *

Теперь попробую несколько слов сказать без метафор.

Меня безмерно угнетает всеобщая воинствующая безграмотность, возведенная в такой же принцип нашего общества, как беззаконие. Угнетает то, что люди нисколько не стесняются писать «ключь» и «апендецит», будучи уверены и в глубине души, и на ее поверхности (если вообще это не одно и то же), что ни написание слов, ни их ассортимент, ни, тем более, порядок их расстановки не отразятся на количестве выпускаемых ими сеялок или плащ-палаток, на высоте их прыжков, на забиваемых ими голах, на мягкости приземления их самолетов и т. д. А самое главное — не отразится на качестве и количестве стяжасмых лавровсенок, престижа и еще более ощутимых реальных благ. Я-то уверена, что не отражается безграмотность только на благах и на престиже, а на всем остальном именно так отражается, как уже отразилась. Но, похоже, этой моей убежденности широкие массы не разделяют.

Я не «вспоминаю», а просто всегда помню, как весьма уважаемый и даже благосклонный к гуманитарным наукам покойный академик Мальцев, математик, искренне недоумевал, зачем у нас на гумфаке велась математика: «Я не слышал, чтоб математика помогала сочинять стихи!». Бог с ней, с математикой, дело не в ней, а в том, что академик не устыдился так вот продемонстрировать образованной публике свое понимание гуманитарного образования. И еще в том, что никто из присутствовавших не счел это выходящим за рамки приличия. Академик ведь такой уважаемый, и что он сказал особенного?

В экспедициях я видела своими глазами, как ойкумена, обитаемая, охраняемая, живая и теплая земля, сжимается, подобно губке или шагреновой коже, и наступает на ее место непрорубаемая тайга. Спрашиваешь: где вы родились? — В Белых водах. А Белых вод уже нет, помнят только старожилы, что вон там стояло такое село, во-он за той заимкой. А теперь там забор да дыра на тот свет, да и та заколочена.

Вот так же в моем ощущении сжимается и употребляемый, функционирующий в русской речи русский язык. Мы многое перестаем чувствовать. Если человек лежит да лежит, ноги у него тоже омертвывают в бездействии. Выходят из употребления «избыточные», невостребованные синонимы. Живые, творимые сочетания слов замещаются готовыми пространственными штампами, и все более широкие слои общества уже теряют ощущение пакоственности этих штампов, и даже не могут без них обходиться. А это ведь значит, что нету у них за пределами узенького пространства повседневности никаких своих слов. А без живых слов мысли-то — живые? Или тоже тусклые, и выражать их не к чему? Перестает различаться живое и мертвое в речи, жизни, душе.

Удивительно ли, если на таком мертворожденном духовном корме дети вырастают лишенными каких-то важных душевных струн, с этой недоданностью, обокраденностью жизнь проживают и в могилу уходят — не очнувшись?

Я всю жизнь помню стихи, о которые ударились головой, переступив порог школы: «У японцев генералы все вояки смелые, на китайские кварталы прут как очумелые» ... Это после «домашних» — «По небу полуночи ангел летел» и «В 12 часов по ночам из гроба встанет император»... И книга-то называлась — «Крепи учебу» (я только года через три догадалась, что это значит). То были тридцатые годы. Но откроем сейчас книги для 1 и 2 классов! Ведь это нисколько не лучше, а может, и хуже... Нынешние учебники, а особенно стихи, и большому, и малому человеку с нормальной психикой, говорящему на простом русском языке, читать просто невмоготу! А каково детям учить эти «стихи»?!... Это же голые отруби по сравнению с натуральным хлебом!

Но ведь эти учебники уже изданы, и теперь плачь, Маргарита, плачь, дорогая, а если хочешь, не плачь, но ты их не истребишь!...

И нет у тебя никакой возможности уберечь своего ребенка от этой судьбы. Отдавая ребят в школу, мы остаемся на обочине и должны смотреть, как школа выбивает из них чувство живого слова... Противоядия против разрушительного влияния школы, которые может дать тоже разрушающийся «дом» в масштабе страны, где уже которое поколение подвергается духовной кастрации, очень слабы...

У текста, как мы знаем, есть свои живые законы. Настоящий текст, письменный ли, устный ли, несет нам свой смысл и через слова, и через грамматические формы, и через точную расстановку каждого слова на свое место. Устный — он интонирован, но и письменный несет (должен нести!) интонацию автора, его чувство, его настроение. И все это достигается определенными средствами.

Каких-то вершин можно достичь только талантом. У Пушкина, Гоголя, Достоевского и Толстого всему, что они умели, мы не научимся. Но что-то ведь осмыслению поддается. Существовала риторика. Знали наши предки довольно много о фигурах речи. А сейчас, боюсь, для студента-филолога «в масштабе страны» даже сочетание слов «фигура речи» — книжное, мертвое, ненужное. Какие там фигуры бывают — разве что для экзамена. Да я и сама-то две — три назову и все, — ведь меня не учили. Тропы еще запоминаются, но ведь не сводится же к тропам вся подлинная культура речи!

Впрочем, это я опять заговорила о культуре речи, а вовсе не о состоянии языка. Да и не главное эти фигуры речи.

Закончу небольшим эпизодом из экспедиционной жизни.

В 1969 г. мы с коллегой проводили в Западной (Иркутской) Бурятии обследование: на каком языке они хотели бы учить детей. Ответ был однозначный: по-русски. Они православные, давно обрусели, иркутский диалект от литературного бурятского далек, они не читают бурятских изданий, по-русски говорят все, а молодые и не хотят по-бурятски. Целый месяц мы ездили по улусам, забирались в самые глухие места. Встречали нас распрекрасно, мы там и гостевали, и ночевали, и разговаривали о жизни. А места-то какие красивые! Словом, мы были довольны и веселы.

И вот однажды, уже в конце месяца, мы случайно встретились с председателем райисполкома, который нас принимал, когда мы приехали. С полчаса мы с ним просто поболтали. Он сам приезжий, ему интересны были наши впечатления и итоги, он спрашивал, мы отвечали, он комментировал... Ни к чему не обязывающий разговор.

А через часок мы себя поймали на том, что на душе у нас как-то необъяснимо празднично. Стали думать: что же случилось? И нашли ответ: мы поговорили по-русски! На живом, полнокровном русском языке — с юмором, с коннотациями, с живыми «фигурами»... Которого месяца не слышали.

Западные буряты — народ талантливый. Из них вырастают врачи, инженеры, военные специалисты, физики, химики — кто угодно. Я ночевала однажды в семье, где родители — колхозники, а из 12 детей семеро уже с дипломами, трое в вузах, двое старшекласники. Но не рождаются там ни писатели, ни поэты... Думаю даже, что не рождаются и сельские краснобаи, шутники, слагатели частушек и пересмешек...

Это не относится к заданной теме?

Новосибирск

Е. Н. ШИРЯЕВ
доктор филологических наук

1. Я думаю, что никакого упадка, оскудения и вырождения русского языка сейчас не происходит. Происходит другое: падает или выявляется уже падшая культура владения языком. Наряду с чрезвычайно недоброкачественными текстами во всех функциональных разновидностях языка существуют и множатся, особенно в публицистике, образцовые тексты. Несомненно, плодотворное влияние на язык оказывает только теперь ставшая широко известной у нас литература и публицистика русского зарубежья; заслуживает внимания «Словарь языкового расширения» А. И. Солженицына, требующий, конечно, критического осмысления; большим языковым богатством и культурой владения словом отличается светская речь церковнослужителей, все чаще проникающая на страницы журналов и в средства массовой информации. Таким образом, мне кажется, речь может идти скорее об обогащении русского языка, о некотором развитии культуры владения им.

Опасность для общества в другом: велика и продолжает увеличиваться пропасть между образцовыми носителями русского языка и теми специальными слоями общества, языковая культура которых недопустимо низка. Современная молодежь, пристрастившаяся к жаргону (в том числе и мату) и современным убогим текстам рок-шлягеров — это поколение уже в значительной степени потеряно для хотя бы среднего уровня владения родным языком. Воспитанные на языковых шаблонах «передовиц» партийно-аппаратные работники и другая бюрократия, вынужденная сейчас выходить «на народ», так же являют собой в языковом плане жалкое зрелище. Дело, безусловно, усугубляется еще одним важным обстоятельством. Люди, плохо владеющие словом, не слыша себя, не придают культуре речи никакого значения. Их язык, вероятно, действитель-

но деградирует. Если бы существовал язык только этих плохо владеющих русским языком социальных групп, то даже понятие *вырождение языка* не было бы слишком сильным.

Итак, дело не в оскудении языка, а в пропасти между хорошим и плохим владением языком. Дело в том, что хороший и совершенствующийся язык и плохой, деградирующий, существуют параллельно, первый не влияет на второй.

2. Сочетание «состояние русского языка» я не употребляю, но в самом сочетании не вижу ничего плохого. Более приемлемым синонимом мне кажется сочетание «синхронный срез языка». Но абсолютно точным и необходимым представляется сочетание «состояние культуры владения языком», и именно с «болезненным уклоном».

3. Что касается древесной метафоры языка, мне трудно представить язык в виде отдельного дерева, для меня это скорее некоторый лес: с пышными кронами сохранившихся диалектов, самобытной разговорной речи, яркой, умной публицистики, добротной художественной литературы; с причудливыми ветвями просторечия; невзрачной порослью научно-технических текстов, с чахлым кустарником текстов публицистов-начетчиков и пр. Едва ли в одной кроне может быть и то, и другое, и третье. Короче говоря, убежден, что следует вести речь о глубокой дифференциации языка по оси «хорошо — плохо».

Шахматная метафора мне представляется так: слабенькие игроки вдруг оказались включенными в серьезный турнир и немедленно проявили свою некомпетентность.

Компьютерная метафора: явно плохо используется язык многими его носителями: да, целые грамматические зоны, наборы правил не находят применения. Задача задач: заставить систему языка работать на полную мощность во всех социальных сферах общества.

4.1. Язык как совокупность текстов. Повторю, что во всех областях, во всех функциональных разновидностях языка есть образцовые тексты, где больше, где меньше. Кстати, само понятие «хороший образцовый текст» не вполне ясно.

4.2. Язык как структура. Конечно, совершенствование словарей, грамматик, учебников необходимо, ничего, кроме пользы, оно не принесет. И если со словарями и грамматиками ситуация терпимая (но не более того), то с учебниками на всех уровнях (школы, вузы) ситуация плохая. Вузовские учебники безнадежно отстали от современных научных представлений о языке. Одно из немногих исключений — учебник МГУ, которого периферия просто боится, не желая переучиваться (или доучиваться).

4.3. Язык как способность. Развитие и совершенствование языковых способностей для всех возрастов (от дошкольного и далее), среди всех социальных групп необходимо. Но как?

5. То, что язык — часть национальной культуры, а культура владения языком — важнейшая составляющая культуры человека, для меня очевидно. Со всеми вытекающими отсюда следствиями.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Очень прошу объяснить, допустимо ли словосочетание *среднетехническое образование*, часто встречающееся в объявлениях местных газет»

Г. В. Протасова, Кустанай

«Словосочетание *среднетехническое образование* стало нормированным к началу семидесятых годов, что было зафиксировано словарем-справочником «Новые слова и значения» (1971 г.): «*Среднетехнический, ая, ое...* 2. Относящийся к среднему техническому образованию: «Треть из них имеет высшее или незаконченное высшее образование, больше половины — среднетехническое или общее среднее образование» («Правда»).

Алиса — имя собственное

О современных названиях бирж, фирм...

В. М. ЛЕЙЧИК,
доктор филологических наук

Недавно в одной из газет был помещен вопрос мальчика, который интересовался породой собак под названием «алиса». Редакция газеты оказалась в затруднении. Но если бы мальчик написал в редакцию нашего журнала, то мы, во-первых, ответили бы ему, что «Алиса» — это не порода собак, а система бирж, и по телевидению показывают это название в сочетании с изображением собаки в рекламных целях. Во-вторых, журнал «Русская речь» объяснил бы в популярной форме, что в качестве индивидуального названия (собственного имени) данной системы бирж использовано индивидуальное же название (кличка собаки), а не обобщенное название множества собак, их породы.

Надо сказать, что в названиях предприятий, бирж, организаций и т. п. сейчас в большой моде имена собственные. Это и понятно — ведь каждому объекту чрезвычайно важно дать отдельное, индивидуальное имя, чтобы выделить его из сходных, и тем самым обеспечить заинтересованным лицам возможность выбрать тот, который наиболее полно удовлетворяет их запросы. Система этих наименований — одна из самых больших по объему и разветвленных по видам называемых объектов. Она существует в специальных сферах использования языка наряду с именами нарицательными и номенклатурными единицами, о которых наш журнал уже писал (Русская речь. 1985. № 3).

На примере наименований фирм, предприятий и т. п. очень удобно показать различные способы называния объектов собственными именами и дать соответствующие рекомендации. Такие названия должны отвечать трем требованиям, которые в известной мере противоречат друг другу. Во-первых, они должны отражать признаки (функции) соответствующих органов, то есть быть, как говорят лингвисты, мотивированными. Во-вторых, они должны быть легко запоминаемыми и удобопроизносимыми, а значит, достаточно короткими. В-третьих, они должны привлекать внимание и интерес людей, то есть выполнять рекламную роль.

Первое требование реализуется в наименованиях, в которых перечисляются все основные признаки организации, предприятия или учреждения (название, место пребывания или сфера действия): *Международная универсальная биржа вторичных ресурсов; Мос-*

ковская инвестиционная биржа; социально-производственное объединение «Ветераны Афганистана»; малое предприятие «Лаборатория новых технологий»; ночной ресторан «День и ночь». В качестве названия может использоваться даже часть предложения: движение «За международный диалог»; ассоциация «Медицина, культура и спорт». Такие полные наименования успешно решают задачу рекламы: учебные центры «Реальные знания» и «Московский репетитор». Недостатком же их является большая протяженность. Но его можно избежать за счет сокращений, аббревиатур. Чаще всего образуются акронимы — аббревиатуры, включающие только первые буквы или звуки входящих в наименование слов: РПБ (Российская продовольственная биржа), ВББ (Всероссийский биржевой банк), консорциум МММ (американские компании «Макдермот» и «Марафон ойл» и японская компания «Мицуи»), товарищество АИСС (Автоматизированные информационно-справочные системы). Однако акронимы не дают ясности, какие функции выполняет та или иная организация, биржа и т. п.

В связи с этим русский язык использует слоговые аббревиатуры: туристическое агентство «Росинтур»; объединение «Автоторгцентр», которое обслуживает предприятия и лиц, изготавливающих запчасти к легковым автомобилям и мотоциклам для продажи их через торговую сеть объединения; кооператив «Жилинфо», который информирует о сдаваемых или продаваемых квартирах.

Аббревиация — это традиционный способ создания собственных имен (а также номенклатурных единиц и имен нарицательных). В 10—20-х годах нашего столетия в русском языке не существовало строгих правил построения аббревиатур (*Высовнархоз* — Высший совет народного хозяйства, *ГОЭЛРО* — Государственный план электрификации России), в 30-е годы эти правила ужесточились, и появились целые ряды построенных по аналогии названий (*Гиредмет* — Государственный институт редких металлов, *Гипцветмет* — Государственный научно-исследовательский институт цветных металлов), откуда вычленились типовые элементы *Гипро* (государственный проектный институт), *ВНИИ* (всесоюзный научно-исследовательский институт) и др., причем слоговые аббревиатуры в 40—70-е годы приобрели не менее строгую форму (*Гипроводхоз*, *Минавтотранс*, *Москультторг*). Эта традиция частично сохраняется в 80—90-е годы (производственное объединение «Росремстрой»), но начинает разрушаться, и язык возвращается к свободным образованиям, когда из каждого слова или важнейших слов полного наименования берутся произвольно отдельные буквы или звуки (*Ринако* — Российское инвестиционное акционерное общество) и в результате получается легко произносимое, легко запоминаемое слово.

Тем не менее традиция использования типовых элементов, модулей, которые целиком переходят из названия в название, обозначая одно и то же общее понятие в составе собственных имен,

продолжает действовать и сейчас. Но если раньше такими модулями были *гос* (государственный), *мос* (московский), *строй* (строительство, строительный), *снаб* (снабженческий), *сбыт* (сбытовой), *торг* (торговый) и т. п., то теперь это *интер* (интернациональный, например, СП «*Интерстройкомплекс*» — совместное предприятие, которое продает строительные материалы), *тек* (технический «с английским акцентом», например, фирмы *Элтек*, *Бинитек*). Появились и типовые аббревиатуры буквенного типа: АО (или А/О) — акционерное общество, МП и МГП — малое (государственное) предприятие, АП — арендное предприятие и др. Модули и типовые аббревиатуры образуются в тех случаях, когда имеется высокая степень повторяемости этих элементов слов и словосочетаний.

Одним из самых распространенных способов называния торговых домов, магазинов, компаний, фирм, кооперативов служит вторичное использование достаточно известных потребителю слов, реже словосочетаний. Обычно для этой цели берут слово, которое обозначает важный признак товара или услуги. Так, служба, оказывающая помощь в подборе места работы, называется «*Вакансия*», мебельная фабрика — «*Декор*», кооператив, обеспечивающий грузовые автоперевозки — «*Скорость*». Легко заметить, что подобные обозначения хорошо выполняют и функцию «опознания», и рекламную функцию. Используются здесь во вторичной роли и имена собственные, и номенклатурные единицы. Так, новое сыскное бюро получило наименование «*Мегрэ*».

Хуже обстоит дело с броскими на первый взгляд, но мало объяснимыми названиями: система бирж «*Алиса*»; фирма «*Елена*»; торговая фирма «*Пальмира*»; фирма, предоставляющая в аренду легковые автомобили, — «*Меркурий-альфа*» (исключение составляют традиционные, идущие от времен русского купечества наименования торговых домов по имени или фамилии владельцев: в Самаре создан торговый дом «*Хасан и Слава*»).

Неудачными следует признать и названия, базирующиеся на внешнем, случайном мотиве, иными словами, на ассоциациях, а не на логических связях понятий: фирма «*Сигма*», продающая вычислительную технику; учебный центр «*Пособие*», занимающийся подготовкой бухгалтеров, менеджеров и др.; коммерческий магазин «*Примус*», торгующий товарами для дома; торговая фирма «*Успенх*». Мнимая рекламность таких названий может только оттолкнуть потребителей.

То же следует сказать и об использовании заимствований, которые, по мнению лиц, называющих свои организации этими словами или сочетаниями слов, придают им значительность. Фирмы «*Старлайт*» (англ. «свет звезд»), «*Имидж-контакт*» (англ. «образ»); производственно-коммерческая фирма «*Брокер хаус*», которая предоставляет свободные денежные средства под коммерческие проекты; учебный центр косметологии, готовящий парикмахеров, маникюрш, «*Фэйс*» (англ. «лицо»); акционерная корпорация «*Эксп*»

(фр. «бригада, команда») — все они не становятся надежнее от того, что носят иностранное имя.

Другое дело, когда организациям присваивается мотивированное интернациональное название — термин: медицинский центр «*Гериастр*», занимающийся лечением пожилых людей; товарищество «*Диагност*», ставящее диагноз больным и др.; применение этих мотивированных слов вполне оправданно.

Наконец, применяются и комплексные методы создания собственных имен. Распространено сочетание аббревиации с прямым или вторичным использованием слов. Так, название Калининградской региональной инвестиционно-финансовой компании сокращается до формы РИФК «*Альянс*»; российско-финская фирма по производству бумаги названа «*Финнапп — финнбумага*», а российская свободная рекламнo-информационная газета — «*Бизнес-информ*». Этот способ развивает традиционную в русском языке модель сложно-сокращенных слов, сочетаний полного слова с усеченным: название современных курсов машинописи и делопроизводства «*Профсервис*» образовано по типу *соцпартия* и *капвложения*.

Так что при выборе названий в сфере производства, управления, торговли и коммерческой деятельности предпочтительнее те варианты, которые несут прямую информацию об объекте и его функциях или, по крайней мере, не содержат ложных ассоциаций.

От одного поколения к другому

А. С. СЫЧЕВ

кандидат филологических наук

В последнее время в газетно-публицистической речи при упоминании о качественных сдвигах в развитии техники стали широко употребляться словосочетания с компонентом *поколение*. Вот лишь несколько примеров, «Авиационный КБ имени Антонова и завод в Мельце (РП) разработали проект аграрного самолета нового поколения» (Правда. 1989. 13 февраля); «К изготовлению роторного экскаватора нового поколения для добычи угля открытым способом приступил коллектив объединения «Новокаматорский машиностроительный завод» (Правда. 1989. 12 марта); «Необходимо заменять электрические лампочки накаливания флюоресцентными лампами второго поколения» (Известия. 1989. 17 янв.) и т. д.

Значение подобных словосочетаний, имеющих ярко выраженный оценочный характер, нелегко передать иными языковыми средствами: *экологически чистый двигатель нового поколения* — это не просто двигатель, который намного лучше прежнего, это качественно иной двигатель, с принципиально новыми характеристиками, технологией изготовления и т. п.

Если первоначально обороты с метафорой *поколение* возникли в речи специалистов по информатике и электронике (так появились выражения: ЭВМ первого, второго, третьего, четвертого и т. д. поколения), то затем, получив распространение в средствах массовой коммуникации, они стали использоваться и применительно к другим отраслям науки и техники. В таком изменении проявилась одна из особенностей газетного языка — его постоянная ориентация на поиск экспрессивно-оценочных средств. К тому же подобные обороты легко вписывались в ряд словосочетаний с родительным качественной характеристики (ср.: *событие огромного значения, тактика грубого давления, шаг доброй воли и под.*).

Как правило, метафора «поколение» с обязательным определением — прилагательным или порядковым числительным — находится в постпозиции к определяемому слову. Например: «Планируемые поставки самолетов третьего поколения (Ил-96, Ту-204) задерживаются по крайней мере еще на несколько лет» (Известия. 1989. 10 ноября); «Интенсивные работы ведутся над созданием совместного цветного телевизора нового поколения» (Правда. 1986. 17 ноября) и т. д.

Однако анализируемые выражения допускают и препозитивное использование метафорического компонента. Ср.: «Ту-204 создан в ОКБ имени А. Н. Туполева и принадлежит к новому поколению крылатых машин» (Правда. 1989. 3 янв.); «В ближайшее время планируется переход на производство новых поколений машин и оборудования» (Правда. 1986. 18 октября) и т. д. Поэтому в тех случаях, когда метафора попадает в позицию между двумя существительными, может возникнуть нежелательный стилистический эффект, как в следующем примере: «Разработкой компьютера занимается специальный институт нового поколения компьютерной техники» (Известия. 1988. 10 ноября).

Следует отметить, что в анализируемых словосочетаниях круг определяемых существительных довольно широк. Сюда входят наименования различного типа машин, приборов, их деталей, новых типов и видов оружия и т. д., то есть определяемые слова представляют собой открытый ряд. Однако едва ли может быть оправданно сочетание метафоры «поколение» со словами, по своей семантике выходящими за рамки технических наименований, как, например, в данном случае: «Что и говорить, проект грандиозный. Все это радует и в какой-то мере настораживает. Не имеем ли мы дело с „проском века“ нового поколения?» (Известия. 1989. 14 апреля).

Что касается обязательного определения в рассматриваемых оборотах, то, как показывают примеры, оно чаще всего выражено порядковым числительным. При этом ряд порядковых числительных на нынешний день представлен словами с «первого» по «пятый», где числительное *первый* логично получает значение «технически несовершенный, отсталый»: «Неспонятно, почему Минаявтомобиль на перспективу закладывает выпуск машин, по основным характеристикам — типичных представителей первого поколения» (Правда. 1986. 16 декабря), а порядковое числительное *пятый* — «самый совершенный в техническом отношении»: «В течение ближайших лет в Японии будет создан испытательный образец компьютера пятого поколения» (Известия. 1988. 10 ноября).

Вместо конкретных порядковых числительных в печати нередко используется прилагательное *новый* как слово с более общим значением, а вместо конкретных существительных — родовое наименование *техника*. На страницах газет все чаще встречается как устойчивое словосочетание *техника нового поколения*, для обозначения качественно новых изменений в развитии научно-технического прогресса.

И в заключение еще одно замечание. Быстрая смена в наше время одного поколения техники другим естественно ведет к появлению в переносном значении слова *поколение* временного оттенка. Отсюда появление выражений типа «отставать на два, три, четыре поколения»: «Если мы берем свои комплектующие, которые отстают на два поколения, делаем свой компьютер, который отстает уже на три поколения, то программное обеспечение на нем отстанет уже на

3—4 поколения, если не предпринять неимоверных усилий» (Аргументы и факты. 1989. 28 окт.).

Омск

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Уважаемые товарищи! Будьте добры, ответьте, каково лексическое значение слов *шоу* и *гала-концерт*?»

Учительница С. П. Епонешникова, Асбест

«Гала — французское слово, которое в XVII—XVIII вв. обозначало торжественный придворный праздник, а в соединении с существительным (концерт и др.) обозначает особенно праздничное, торжественное, привлекающее публику зрелище.

Шоу — происходит от английского *show* (этим словом обозначалось любое представление, телепередача, все, что можно показать, поскольку глагол *to show* и означает *показывать*). Сейчас *шоу* — пышное сценическое зрелище с участием «звезд» эстрады, цирка, спорта и т. д.

Наши консультации

ЛАВРОВЫЙ, ЛАВРОВЫЙ...

Варианты ударений

А. С. ДЕРЯБИНА,
кандидат филологических наук

В журнале «Русская речь» (1990, № 6) были рассмотрены некоторые случаи колебания ударения в прилагательных с суффиксом *-ов-* (*грушевый* и *грушовый*, *сливовый* и *сливовый* и др.), производных от существительных женского рода. Неустойчивость ударения в русском языке характерна и для ряда прилагательных, производных от существительных мужского рода. Например, от существительного *лозунг* образуется прилагательное с двояким ударением: *лозунго́вый* и *лозунго́вый*. Закономерен вопрос, почему в этом слове наблюдается колебание ударения и с чем оно связано?

Известно, что в литературном языке тип ударения этого класса прилагательных зависит от типа ударения производящего существительного. Иногда происходит нарушение этой акцентной соотносительности, и тогда в прилагательном появляется «нетрадиционное», «неправильное» ударение.

Ряд причин способствует развитию колебания ударения.

Одна из них связана с появлением в русском языке значительного количества заимствований. По наблюдениям исследователей, прослеживается определенная тенденция к появлению ударения на суффиксе в прилагательных, у которых производящими являлись заимствованные существительные, например, *перл* (франц.), *лавр* (латинск.), *кедр* (греч.), *лозунг* (немец.).

Так, русский язык обогатился французским словом *перл*, что значит «жемчужина». Как поэтический троп существительное получило широкое распространение в русской поэзии. Например: «Вот дождик брызнул, пыль летит. Повисли перлы дождевые. И солнце нити золотит» (Тютчев. Весенняя гроза). Становится популярным у поэтов-классиков и производное прилагательное *перловый* «сделанный из перлов, с перлами», которое встречается в стихах с различным ударением.

И искусный исповедник
 Был всегда их сердцу дорог,
 Может быть — дороже кружев,
 Лент и перловых уборов!

Неустойчивое ударение в этом прилагательном зафиксировано и словарями. Так, в Российском целларнусе (М., 1771) прилагательное дается с ударением на суффиксе: *перловый*, которое является типичным для заимствованных слов, но противоречащим акцентным правилам русского языка. В 1782 году в Российском с немецким и французским переводом словаре, сочиненном Иваном Нордстетом, это слово приводится с корневым ударением: *пёрловый*, которое по правилам акцентной соотносительности в русском языке соответствует корневому ударению существительного. С течением времени оба ударения в этом слове становятся равноправными. Акцентные варианты *пёрловый* и *перловый* в указанном значении приводят 17-томный словарь современного русского литературного языка (М.—Л., 1950—1965), 4-томный словарь русского языка (М., 1985—1988), например, *пёрловый* и *перловый* блеск. Орфоэпический словарь (М., 1983) не отмечает это прилагательное, как неактуальное для наших дней.

Русским языком из латинского заимствовано существительное *лавр* «южное вечнозеленое дерево или кустарник, пахучие листья которого употребляются как приправа к пище». Производное прилагательное, по данным словарей, имеет двоякое ударение, *лавро-вый* и *лавровый*. Эти акцентные варианты в современном русском языке различаются сферой употребления. Так, прилагательное с корневым ударением, которое соответствует правилам акцентной соотносительности, является ботаническим термином: *лавровые* «название семейства южных вечнозеленых растений, к которому

относятся лавр, камфарное дерево и др.» У прилагательного *лавровый*, имеющего ударение на суффиксе, более широкая сфера употребления. С таким ударением Орфоэпический словарь, 17-ти и 4-томный словари рекомендуют использовать прилагательное в сочетаниях *лавровый* лист «высушенные листья лавра, употребляемые в качестве приправы к пище и при приготовлении маринадов» и *лавровый* венок «веночек из листьев лавра как символ победы, триумфа». В поэзии можно встретить в этих сочетаниях прилагательное и с тем, и с другим ударением:

Прости, наставник и пророк,
Я с укоризной указую
Тебе на *лавровый* венок.

*Баратынский. К****

И с радостью Феб надел мне венец
лавровый,
И вокруг меня нимфы теснятся толпой;
Но — ах! — Я проснулся, к несчастью, живой,
здоровый.

Козьма Прутков. Мой сон

Три *лавровых* листка. Кто он такой,
Чтоб забывать на родину дорогу?
Он их смотрел. Он гладил их рукой...

Симонов. Изгнаннык

Из греческого языка к нам пришло существительное *кедр* «хвойное вечнозеленое дерево семейства сосновых» и «распространенное неправильное название некоторых видов сосны, дающих съедобные семена-орешки». Производное прилагательное также имеет двоякое ударение: *кедровый* и *кедрóвый*. При этом 4-томный словарь, приводя варианты *кедровый* и *кедрóвый*, ударение в прилагательном *кедровый* сопровождает поместой «устарелое». Орфоэпический словарь вообще не рекомендует употреблять прилагательное с ударением на корне и отмечает как нормативный только вариант *кедрóвый*. Хотя словари по-разному оценивают варианты ударения в этом слове, в стихах советских поэтов мы наблюдаем употребление прилагательного и с тем, и с другим ударением:

По, идете, губы чуть
прикусывая,
Не боясь загара и морщин,
И от ветки *кедровой*
прикуривая,
Шуткой подбодряете мужчин.

Евтушенко. Женщинам

Он не ждет, чтоб мальчишки
Пришли на поклон,
Сам *кедрóвые* пинки
Кладет на балкон.

Татьяничева. Город в тайге

Прилагательное *митинговый* «относящийся к митингу», производное от пришедшего к нам из английского языка существительного *митинг* «массовое собрание по поводу каких-либо злободневных, преимущественно политических вопросов» фиксируется словарями только с суффиксальным ударением, например, *митинго́вый оратор*, *митинго́вая демократия*, *митинго́вый ритуал*. А вот прилагательное *лозунговый* «свойственный лозунгу», по данным словарей, может иметь ударение как на корне, так и на суффиксе: *ло́зунговый* и *лозунго́вый*. Существительное *лозунг* «призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачу или политическое требование» заимствовано русским языком из немецкого. Двойное ударение в производном прилагательном отражает процесс типичного акцентного «приспособления» слова-чужеземца в русском языке, а именно, появляются равноправные акцентные варианты *ло́зунговый* и *лозунго́вый* (17-ти и 4-томный словарь, Орфоэпический словарь). И поэтому можно сказать *ло́зунговое* и *лозунго́вое* выражение, *ло́зунговый* и *лозунго́вый* стиль, *ло́зунговые* и *лозунго́вые* страсти.

Таким образом, употребление каждого из названных прилагательных с тем или иным ударением зависит от ряда причин. Знание их помогает сделать правильный выбор из имеющихся вариантов.

Лев
Петрович
Якубинский

(1892—1945)

НЕСКОЛЬКО ПРИМЕЧАНИЙ
К БИОГРАФИИ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ЛИНГВИСТА

В. И. ПЕТУШКОВ,
кандидат филологических наук

Лев Петрович Якубинский родился в Киеве 1 августа по новому стилю 1892 года в семье военного педагога, генерал-майора по званию. Учился он во Владимирском кадетском корпусе, увлекался литературой. В регулярно издававшемся кадетском «Литературно-научном сборнике» часто печатались его стихи и статьи о Бальмонте, Жемчужникове и т. д. Стихи Лев Петрович продолжал писать всю жизнь, но, как говорится, «в стол», стесняясь своих именитых друзей и приятелей-поэтов, таких, как Маяковский, Гумилев, Кузмин, Тихонов, Саянов. Все же увлечение поэзией, думается, сказалось впоследствии на его научной деятельности.

В 1909 году Якубинский поступает учиться на историко-филологический факультет Киевского университета. Но в том же году его отца направляют служить в Санкт-Петербург начальником Интендантской академии, присвоив ему вскоре чин генерал-лейтенанта. Переводится в столичный университет и его сын.

В то время историко-филологический факультет, как и восточных языков, Петербургского университета, переживает своеобразный «золотой век». В состав его профессоров входят ученые такой величины, как академик А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, В. А. Истрин, И. В. Ягич, С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов, Б. А. Тураев, Н. Я. Марр и другие. У многих из них Л. П. Якубинскому пришлось слушать лекции. Таких студентов, как он, имевших состоятельных родителей, не без иронии называли тогда «белоподкладочниками», что как бы предполагало в них реакционное, антидемократическое мировоззрение и равнодушие к политическим проблемам. Но Якубинский, по примеру своего любимого профессора члена-корреспондента Академии наук Бодуэна де Куртенэ, имевшего на многое радикальные взгляды, был настроен либерально, и круг его интересов был обширен (само-

стоятельно изучал современную философию, психологию; превосходное знание с детства иностранных языков позволяло ему знакомиться с новинками зарубежной художественной литературы).

Штудировал науки студент Якубинский отменно хорошо, о чем свидетельствует серебряная медаль, которой он был удостоен в 1911 г. за первую научную работу «Психофонетические нули в русском языковом мышлении». Само ее название говорит о том, что написана она под влиянием идей Бодуэна де Куртене в сфере фонологии и взаимосвязи языка и мышления. Много тогда занимался Лев Петрович фонетикой с Л. В. Щербой, помогая ему в работе созданной лаборатории экспериментальной фонетики.

В начале 1914 года Якубинский знакомится с первокурсником историко-филологического факультета Виктором Шкловским, связанным дружбой с футуристами. Обстоятельства этого знакомства много позднее Шкловский опишет так. Он сочинил статью «Воскрешение слова» и за 16 рублей напечатал ее брошюрой в небольшой типографии, находившейся в том же доме, где помещались «Торговая школа и Специальные курсы для подготовки к экзаменам на аттестат зрелости и для поступления в женские медицинские институты» его отца и где жило все семейство Шкловских. Эту статью-брошюру, еще дилетантскую, юный автор смело преподнес самому популярному профессору факультета Бодуэну де Куртене. Тот сказал, что он «не понимает этого вопроса» и направил автора к своему ученику Л. П. Якубинскому. (Все-таки отмечу, что в том же 1914 году профессор выступил в печати, в газете «Осколки» с суровой критикой словотворчества «будетлян».)

Лев Петрович проявил живую заинтересованность к «полугимназисту, исполненному энергии», но слабо осведомленному в предмете своего исследования. Он стал просвещать в проблемах стиховедения и стилистики своего нового друга. Через 15 лет Шкловский припомнит в коллективном сборнике «Как мы пишем»: «Лучший год моей жизни — это тот, когда я изо дня в день говорил по часу, по два по телефону со Львом Якубинским. В телефонных разговорах оформлялись понятия теории поэтического языка».

Конечно, не только поэтическим языком занимался тогда Лев Петрович, но и сдавал магистерские экзамены, преподавал в гимназии, читал лекции по языковедению на Высших курсах Лесгафта и Высших педагогических курсах Лохвицкой-Скалон (вроде знаменитых «бестужевских» курсов).

Уже в период мировой войны (в 1916—17 гг.) выходят небольшим тиражом два сборника по теории поэтического языка, откровенно говоря, не привлечшие тогда большого внимания научной общественности. В этих сборниках были статьи Виктора Шкловского и Льва Якубинского, О. М. Брика и Е. Д. Поливанова, поэта

Б. Кушнера, а также переводы западноевропейских филологов Граммона, Нироппа и Сиверса, сделанные старшим братом Виктора Шкловского — Владимиром.

Вл. Шкловский был на четыре года старше Виктора, уже закончил курс романо-германского отделения историко-филологического факультета Петербургского университета и преподавал французский язык в Петроградской духовной академии. После Октябрьского переворота был осужден и заключен в Соловецкий особый назначения концлагерь как активный приверженец антисоветского движения православной церкви, возглавляемого патриархом Тихоном (о чем сообщает Б. Ширяев в романе «Неугасимая лампада»), и кончил свое существование на строительстве Беломорканала.

В 1919 году эти сборники, объединенные под общим названием «Поэтика» не без приятельской помощи В. Маяковского, были переизданы уже значительным тиражом с прибавлением двух статей В. Шкловского и статьи Л. Якубинского; статья Б. Кушнера, по неизвестным причинам, была заменена статьей опоязовца «второй волны» Б. М. Эйхенбаума; переводы Вл. Шкловского заменены библиографией зарубежных работ по теории ритма и стиха, составленной также Б. М. Эйхенбаумом.

Не берусь передавать содержание статей этих сборников, ограничусь только тем замечанием, что сами названия опубликованных здесь работ Л. П. Якубинского («О звуках стихотворного языка», «Осуществление звукового единообразия в творчестве Лермонтова», «Скопление одинаковых плавных в практическом и поэтическом языках», «О поэтическом глоссемотетании») указывают не только на их лингвистический характер, но и связь с фонологией. Напомню: в то время Лев Петрович продолжал заниматься с другом и учителем Л. В. Щербой экспериментальной фонетикой, куда могло входить исследование поэтического материала.

Под маркой ОПОЯЗа позднее издавались книги В. М. Жирмунского, Ю. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, в Москве (А. А. Реформатского), в Берлине и Праге (П. Г. Богатырева, Р. О. Якобсона) — в период пребывания там Виктора Шкловского.

Надо сказать, что какого-то четко сформированного общества (организации) ОПОЯЗ никогда не представлял. Да, наличествовали его создатели: Шкловский и Якубинский. Первый был склонен заниматься теорией прозы (потом писал в мемуарных записях: «Жили-были»: «Я не лингвист, в чем раскаиваюсь и буду раскаиваться до самой смерти»), Якубинский же, как сказал один из его биографов, был «идеологическим руководителем» ОПОЯЗа, развивавшим его принципы и уточнявшим его формулировки (например, в рецензии на книгу В. М. Жирмунского «Композиция лирических стихотворений»). Забегая несколько вперед, отмечу, что в работе «О диалогической речи» (1923 г.), которую

многие исследователи считают основополагающей в разработке проблемы разговорной речи, Л. П. Якубинский делает много ссылок на свои статьи, опубликованные в названных сборниках по теории поэтической речи. Это позволяет данную работу рассматривать в одном ряду с опоязовскими. Пропагандирует идеи ОПОЯЗа Лев Петрович и в своих лекциях на Высших курсах, потом в Институте живого слова.

С первых лет советской власти Якубинский, как и Щерба, ведет большую организационно-научную работу в наркомпросовских учреждениях (Главуна, издательство «Работник просвещения»), принимает участие почти во всех лингвистических институтах, существовавших тогда в Петрограде, читает лекции в университете, 3-педагогическом институте (теперь это Педагогический университет им. А. И. Герцена), Институте живого слова.

Стоит особо рассказать об Институте живого слова, созданном при поддержке А. В. Луначарского в 1918 году. В дореволюционном Петрограде, как и во многих крупных городах империи, находилось немало курсов, студий по ораторской и сценической речи. Они пользовались определенным успехом, на них занимались даже революционеры-профессионалы (Киров, Троцкий и др.). Однако солидного научно-учебного центра по искусству речи не существовало. Организатором такого центра — Института живого слова — стал известный театровед, профессор Всеволодский-Гернгросс. Он привлек к чтению лекций лучших специалистов-лингвистов К. Л. Зелинского, Л. В. Щербу, Л. П. Якубинского, литературоведа С. М. Бонди, поэта Л. Н. Гумилева, юриста А. Ф. Кони, артистов бывшего Александринского театра.

Деятельность Института живого слова, помимо учебной, предполагала научно-теоретическую (вышел, правда, лишь один том «Записок института») и просветительную, т. е. чтение докладов, лекций за пределами Института для самой широкой аудитории.

Со временем Институт живого слова был, как говорится бюрократическим языком, «перепрофилирован» и назван Институтом агитации имени Володарского; изменены были и его программа, и состав преподавателей.

Часть сотрудников Института живого слова после его ликвидации оказываются в Институте истории искусств, возникшем еще в 1912 году по инициативе графа В. Зубова, но получившем полноценное существование при государственной поддержке только в 20-е годы. Сперва этот научно-исследовательский институт состоял из трех отделов: 1) истории изобразительных искусств, 2) истории музыки, 3) истории театра и позднее 4) истории словесных искусств. В состав последнего отдела, руководимого В. М. Жирмунским, входили лингвисты С. И. Бернштейн, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский,

литературоведы С. Д. Балухатый, Г. А. Гуковский, М. Л. Лозинский, Ю. Г. Оксман, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум, Б. М. Энгельгардт.

Опоязовские идеи, глубокое изучение формы художественного произведения, средств его создания стали ведущими в Отделе истории словесных искусств (крайне симптоматично, что В. В. Виноградов статью «К построению теории поэтического языка. Учение о системах речи литературных произведений», опубликованную в сборнике «Поэтика» III, 1927 г., посвящает именно Л. П. Якубинскому).

В других отделах ГИИИ внимание к форме художественного произведения также получает распространение (см. труды тех лет А. Н. Гвоздева, С. Мокульского, А. И. Пиотровского, И. И. Солертинского и др.). Этих исследователей, публикуемых преимущественно издательством «Academia», огульно стали именовать «Формальной школой». Их труды все сильнее и сильнее подвергаются осуждению «марксистской» критикой, вплоть до таких столпов марксизма, как Бухарин, Троцкий.

Тут наблюдается, в общем-то, привычный парадокс. Когда в мире науки или искусств кого-то в казенно-официозной печати сильно бранят, то молодежь к осуждаемому начинает питать симпатии. Так получилось и в данном случае. При ГИИИ существовали Высшие вечерние курсы искусствоведения. Если в 1924 году на их факультете словесных искусств занимались 19 студентов, то в 1925 г. их было уже 137, а в 1927—1928 гг. на первом и втором курсах этого факультета — по 200 человек. Среди учащихся на этих курсах встречаются фамилии многих будущих писателей, критиков (Т. Г. Габбе, О. Ф. Берггольц, Б. Я. Бухшаб, Л. Я. Гинзбург, И. А. Рахтанов, Т. Ю. Хмельницкая, Л. В. Успенский, Н. Чуковский и др.).

Такое положение не могло долго длиться. Из Наркомпроса прибыла суровая комиссия, которая «реорганизовала» работу ГИИИ и ликвидировала его Курсы в 1930 г. Точнее, перевела их студентов в Ленинградский институт философии, истории, лингвистики, литературы (ЛИФЛИ), позже влитый в университет и поделенный на факультеты — философский, исторический, филологический.

Впрочем, к этому времени Л. П. Якубинский формально числился сотрудником ГИИИ. В начале создания Отдела истории словесных искусств он делал доклад «К вопросу о поэтическом языке» (в декабре 1921 г.), вел у студентов курс общего языкознания, но затем другие дела и заботы отвлекли Льва Петровича от активной деятельности в данном учреждении. (Замечу в скобках: другие «основоположники» ОПЯЗа — Брик, Шкловский, вслед за своим другом Маяковским, переселись в Москву; еще раньше там оказался Б. Кушнер; Е. Д. Поливанов уже был в Средней Азии.)

Уже упоминалось, что Институт живого слова уделял достаточно внимания просветительной деятельности, чтению докладов и лекций, как теперь называется, по культуре речи. В этом Л. П. Якубинский участвовал довольно активно, выступал на эту тему и в популярных журналах. «Русская речь» в прошлом году опубликовала материалы дискуссии о культуре речи на страницах «Журналиста» в 1925 г., где наряду с Л. В. Щербой, Д. Н. Ушаковым и другими лингвистами принимал участие Лев Петрович. В 1930 г., по просьбе Н. Тихонова и В. Саянова, Л. П. Якубинский пишет с помощью одного из своих учеников (А. Иванова) для журнала «Литературная учеба» ряд статей о работе начинающего писателя над языком. В 1932 г. эти статьи были изданы книгой под названием «Очерки о языку». Сравнивая эти очерки с сохранившимися стенограммами лекций Льва Петровича в Институте живого слова, обнаруживаешь ряд сходных положений, не потерявших своего значения до сей поры.

Помимо Отдела истории словесных искусств ГИИИ ленинградских лингвистов и литературоведов объединял с 1923 года Научно-исследовательский институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), образованный при университете, точнее, при ЛИФЛИ. Здесь работали Н. Я. Марр и С. П. Обнорский, И. И. Мещанинов и В. Ф. Шишмарев, В. В. Струве и М. И. Матусевич, Н. С. Державин, Б. А. Ларин, И. Г. Долобо и др. Здесь же начинаются близкие научные контакты Л. П. Якубинского с Н. Я. Марром. Имя последнего превратилось в свирепый жупел после печально известного опуса Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 г.). В начале 20-х годов и позже Н. Я. Марр был общепризнанным авторитетом в области востоковедения. Он был членом Императорской академии наук с 1912 г., ординарным профессором Петербургского университета с 1901 г. В ИЛЯЗВе Н. Я. Марр возглавлял секцию общего языкознания, а Л. П. Якубинский был ее секретарем. На одном пленарном заседании Отдела языка Лев Петрович читает доклад «К вопросу о взаимоотношении между яфетическими языками и индоевропейскими», вызвавший общее одобрение. Хотя «в душе» Якубинский остается индоевропеистом и сторонником идей Бодуэна де Куртенэ, он разделяет многие лингвистические взгляды Марра. Когда в системе Академии наук создается Институт яфетологии, переименованный затем в Институт языка и мышления, Марр приглашает Льва Петровича работать в нем.

Но вот по каким-то причинам ИЛЯЗВ распадается, часть лингвистов переходит в новый Институт речевой культуры, который в 1933 году переименовывается в Научно-исследовательский институт языкознания, и директором его становится Л. П. Якубинский. По сохранившейся стенограмме отчетного доклада Льва Петровича можно судить о широкой деятельности этого научного учреждения,

его помощи школе в составлении программ и учебников.

В конце 1934 года Марр умирает, а в 1936 году Наркомпрос направляет Якубинского в Турцию (Анкару) не столько, пожалуй, для преподавания русского языка (для этой цели нашелся бы языковед не такого крупного калибра), сколько для распространения среди турецких лингвистов так называемого «нового учения» Марра. Сам Марр был в Турции в 1933 г. и читал в Лингвистическом обществе лекции по языкознанию.

Тесное общение с турецкими учеными привело Льва Петровича к глубоким сомнениям в непогрешимости «нового учения» Марра.

Болезнь легких прервала пребывание Л. П. Якубинского в Турции. По возвращении в Ленинград в его научных взглядах происходит трансформация — усиливающееся отрицание марризма. Биографы предполагают, что этому способствовала статья профессора И. Г. Долобоко, опубликованная в 1935 г. в «Советском языкознании». Однако и дискуссии с турецкими лингвистами здесь были немаловажны.

Теперь, вернувшись на родину, Лев Петрович много внимания уделяет преподавательской деятельности. В педагогическом институте имени Покровского, созданном в начале 30-х годов на базе педагогического техникума имени К. Д. Ушинского, он декан литературного факультета, профессор и заведующий кафедрой русского языка. Л. П. Якубинский создает при кафедре аспирантуру и читает студентам лекции по общему языкознанию и русскому языку. Читает мастерски: ведь по праву среди ленинградских лингвистов он считался лучшим лектором. И что примечательно: в лекциях ни разу не упоминается имя Марра.

Продолжал сотрудничать Лев Петрович и в академическом Институте языка и мышления (в настоящее время после ряда изменений называющийся Институтом лингвистических исследований Российской академии наук). Он принимает участие в создании академической грамматики русского языка, начатой С. П. Обнорским и Л. В. Щербой. Л. П. Якубинский входил и в состав Словарной комиссии, разрабатывавшей план нового академического Словаря современного русского литературного языка, составление которого осуществилось в послевоенное время.

При всей своей занятости и слабом здоровье Лев Петрович изыскивает время для подготовки к сдаче в печать своих «Лекций по истории древнерусского языка». Незадолго до начала Великой Отечественной войны многостраничная машинопись «Лекций» была отправлена в Москву.

Полубольным Л. П. Якубинский всю блокаду провел в Ленинграде, находясь, как тогда говорили, «на казарменном положении» в Институте им. Покровского. Держался он необыкновенно стойко, мужественно, чему всесильно помогала ему надежный друг — жена Э. А. Лемберг-Якубинская. Он подбадривал своих учеников, увя, часть которых погибла в блокаду от голода, другая — воевала

на фронте. Находил еще в себе силы писать учебник по общему языкознанию (под девизом «на зло Гитлеру!»).

Якубинский умер через несколько месяцев после окончания войны — 23 августа 1945 года — болезнь легких и блокадные испытания свели его в могилу.

Его монография — «Лекции по истории древнерусского языка» увидела свет только в 1953 году. Чем объяснить столь длительную задержку?

В послевоенное время под диктатом Отдела науки ЦК ВКП(б) стал осуществляться в языкознании так называемый «аракчеевский режим», и издателей монография Л. П. Якубинского удивила тем, что в ней совсем не упоминался Марр, не проводились его идеи. Ведь в том же 1941 году, в том же Ленинграде был издан «Очерк истории русского языка до XIV века» Ф. П. Филина, где было предостаточно цитат из работ Марра, да и само направление монографии было вполне в духе «нового учения». Находились и вольнодумцы, полагавшие, что если Марр не занимался историей русского языка, как и других славянских, то нет резона его суждения притягивать к труду по истории русского языка. Но тогда вспоминали, что в молодые годы Якубинский был создателем формалистического ОПО-ЯЗа, в чем не покаялся, как поступил тогдашний его единомышленник Виктор Шкловский ... В общем, рукопись лежала, годы шли. Наконец, решили ее издать, несколько изменив название (?!), сократив текст на треть (?!) и уведомив читателя, что, мол, сия книга из серии «лингвистического наследия», с нее спрос невелик. В огромной вступительной статье покойному автору посочувствовали, что он не дождался гениального труда Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», который «вывел науку о языке на широкую и свободную дорогу марксистского изучения теории и истории языка». Посетовали также на отсталость автора от достижений современной науки по истории языка за последние десять лет, но все же отметили некоторые достоинства монографии. Книга сопровождается примечаниями, целью которых было указать на якобы ошибочные утверждения автора или уклонение от сталинских формулировок.

Такую же судьбу испытал сборник «Избранных работ» Льва Петровича, вышедший в 1986 г. под названием «Язык и его функционирование». Состав сборника был подготовлен вдовой вскоре после кончины ученого, а издан уже после ее смерти (1961) с изъянами и крайне мизерным тиражом.

Р. А. Будагов в замечательно написанном очерке о Л. П. Якубинском полагает, что этот выдающийся ученый теперь «почти совсем забыт». С таким утверждением нельзя согласиться. Стоит хотя бы напомнить, что многие отечественные лингвисты, разрабатывающие тему «устной речи», учитывают работу Л. П. Якубин-

ского «О диалогической речи», встречаются ссылки на его статьи опоязовского времени и, конечно же, используется его монография «История древнерусского языка».

Нередко встречаешь в современных лингвистических трудах идеи, схожие с идеями Льва Петровича, но, увы, без упоминания его фамилии. Здесь хочется воспользоваться образным выражением, сказанным по поводу одного превосходного писателя: Якубинский растворился в отечественном языкознании.

Санкт-Петербург

В поисках единства. IV. Смоленские мотивы*

О. И. ТРУБАЧЕВ,
действительный член РАН

Столетия проносились над крепнущей Русью и над смолянами, успевшими вкупе со всей Русью потеснить и проредить прежде бескрайние леса, дотошно связать единым «волоковским» узлом все водные дороги, создать единую страну. Узел этот во многом не имел себе равных, и к нему все тянулось отовсюду. И поныне впечатляет сохранившийся памятник этого стечения — Гнездово чуть ниже Смоленска по Днепру, вернее — громадная группа курганов в этом месте, самое крупное скопление курганов Древней Руси [1, с. 11; 2, с. 248]. Что представляло собой это Гнездово? «Кладбище языческого Смоленска»? «Не здесь ли было первичное Гнездо смолян...?» — спрашивает смолянин С. П. Писарев [3, с. 182], и вопрос этот прозвучит испраздно, если вспомнить такие центры древней городской и государственной жизни других славян, как польское Gniezno, чье название образовано от того же самого славянского корня, что и Гнездово. Дело еще отчасти в том, что начало гнездовских курганов датируют тем же IX веком, в котором летопись в первый раз упоминает город Смоленск. Вопросы эти — решать историкам. Они же исследуют и другой смежный вопрос: кем основано это Гнездово? Относимое также (весьма предположительно) к IX веку начало пути из Варяг в Греки, как мы уже знаем, охотно связывалось с активностью самих скандинавов-варягов, а в гнездовских курганах отмечались находки скандинавских вещей и западного оружия. Отсюда совсем недалеко от признания Гнездова варяжским поселением, и такое положение популярно особенно в западноевропейских исследованиях. Присутствие варягов не вызывает сомнений. Какая-то часть этих варягов навеки упокоилась в гнездовских курганных погребениях. Неслучайно, например, одна из берестяных грамот, открытых в Смоленске, как оказалось, была написана скандинавским руническим письмом [4]. Но это, как говорится, лишь с одной стороны, а с другой стороны, нельзя забывать о том, на что также обращают наше внимание археологи, — о том, что «основная масса гнездовских курганов не содержит оружия» [2, с. 248]. Поэтому наиболее

* Продолжение. См.: Русская речь. 1992. №№ 4, 5.

взвешенным суждением нужно признать то, согласно которому Гнездово — поселение и некрополь — принадлежало основному населению этих мест, славянам, Руси.

Шло время, и свет христианской веры, восходя вверх по Днепру, постепенно достиг и этих мест. К 988 году относят крещение Киевской Руси при Владимире. В общем доказано, что христианство несло с собой культуру письма. Однако именно в Гнездове, отстоящем довольно далеко на север от Киева, в одном из гнездовских погребальных курганов была обнаружена надпись кирилловским письмом — древнейшая на Руси, несколько более древняя, чем само крещение Руси Владимиром [5, с. 356], и это сообщает проблеме Гнездова особую прелесть загадки.

То, что называют кириллицей, генетически связано с греческим письмом, и его возникновение естественно искать в зоне непосредственного греческого влияния. Известную из летописи запись договоров Руси с греками первой половины X века также естественно ассоциировать с кириллицей. Но договоры писались в Византии, а гнездовская надпись, практически — того же времени, найдена далеко на севере, в земле Верхнего Поднепровья. Конечно, тут уместно вспомнить о том, что «массовому» крещению Руси Владимиром предшествовал ряд менее «массовых», порой даже индивидуальных, актов крещения русских людей и иноплеменников, состоящих на русской службе, и что крещения эти имели место в Константинополе и других греческих владениях, как например крещение при патриархе Фотии в 867 году [6, с. 95], после чего естественно предполагать, что крещеная Русь вновь возвращалась восвояси и могла распространяться по всей днепровской трассе. Но так однозначно вся культурная проблематика знаменитой гнездовской надписи все же не решается, поэтому стоит задержаться на ней несколько более подробно.

Летом 1949 года археологическая экспедиция МГУ на раскопках курганов у деревни Гнездово под Смоленском обнаружила в кургане № 13 разбитый сосуд с надписью. Собственно, содержанием кургана оказалось весьма богатое погребение воина с одной или двумя рабынями, каролингским мечом IX века и арабскими дирхемами, самый поздний из которых датирован началом X века. Интереснее же всего прочего оказалась именно надпись — из одного довольно ясно читаемого слова кириллицей древнего образца, которую публикаторы-историки попытались прочесть как *гороухца*, допуская, что речь идет о горчице (надпись на горшке с пряностями?) [7]. С того момента и началась дискуссия, которая длится уже сорок лет и успела коснуться за это время различных вопросов. Как и следовало ожидать, лингвист подверг это чтение историка суровой и в целом справедливой критике, указав, в частности, на невозможность формы *гороухца* (и прежде всего — последовательности звуков *-хц-*!) в древне-

русском языке и предложив свое, формально вполне корректное чтение *горушина*, что подразумевало бы (*зърна*) *горушьна* мн. «горчичные (зерна)» [8]. На смену интерпретатору-лингвисту пришел затем опять археолог, который усмотрел в разбитом горшке-амфору античного вида для перевозки не сыпучих веществ, а жидкостей — вина и масла (хотя, насколько мне известно, греки в амфорах перевозили все, что угодно, вплоть до зерна пшеницы и соленой рыбы!); был сделан вывод, что это амфора из восточной Тавриды и что в ней хранилась нефть, привезенная с юга, о чем якобы гласила надпись, которую при желании можно прочесть *горуца*, то есть «горючая» [9]. Как видим, фантазия интерпретаторов в основном не шла дальше констатаций здесь своего рода наклейки на консервной банке с наименованием товара. Почему при этом никто из них не приводит хоть каких-то примеров подобного обыкновения сравнимой древности, а значит, никто не задумывается над типологией аргументации? Те примеры своего рода надписей-«этикеток», какие некоторые из них все же приводят, являются владельческими надписями и уже тем самым не подтверждают авторских прочтений. Следующий по времени солидный опыт интерпретации гнездовской надписи опять принадлежит лингвисту, критически разобравшему заодно все предшествующие попытки и всю относящуюся сюда литературу А. С. Львов (а речь идет именно о нем) солидарен с археологом Корзухиной, что надо читать *гороуца*, по которому якобы было исправлено потом на *гороуница*, дабы передать церковнославянское *горща* [10] — мнение, крайне малоубедительное с точки зрения древнерусского письма и его чтения (перезапись *горща* как *гороуница* невероятна, так как в живом древнерусском произношении и чтении носового знака *Ж* всегда звучал чистый гласный -у-, ср. также 11, с. 367). Попутно Львов отвергает элегантную, но сомнительную попытку Ф. В. Мареша (чтение *Горух пьса* «Горух написал») и, как кажется, слишком легко отводит чтение Р. О. Якобсона — *Горуля*, считая, что оно «не основано на данных надписи».

В итоге таких разнообразных чтений и в немалой степени — под влиянием оценок Львова мы получили довольно своеобразную картину, особенно если судить по ее отражению в новом древнерусском словаре XI—XIV вв.: в этом словаре, с некоторыми оговорками в виде вопросительных знаков и прочего, даны в качестве самостоятельных словарных позиций четыре разных чтения: *гороуница* (?), *гороуца* (?), *гороушина* (?), *гороуца* (?) [12]. Напомню, что в действительности (в надписи) наличествует одно слово, тогда как словарь, говоря о том же предмете, даст нам по сути четыре слова, то есть не считается с правилом *entia non sunt multiplicanda «не следует умножать сущностей»*. Следовательно найти какие-то более адекватные формы подачи информации в словаре. Больше того: трактуя разночтения одного

слова как самостоятельные слова, составители указанного словаря, как выяснилось, учитывают не все чтения слова. Они совершенно не учитывают наиболее вероятного чтения, предложенного Якобсоном, который трижды обращался к гнездовской надписи и пришел к выводу, что читать ее надо как **гороуна**, притяжательное прилагательное от личного собственного имени Горун, — «**горунова**, Горуну принадлежащая», причем подразумевалась отсутствующая в надписи *кѣрчага*, корчага, древнерусское название сосуда с горлом, чем, собственно, и был ископаемый керамический предмет, на котором надпись начертана (см. [13], там же дальнейшие ссылки).

Приговор Львова, что чтение это не учитывает данных надписи (см. у нас выше), излишне строг, и мы попробуем его опровергнуть в дальнейшем, что же касается притяжательности (*Горуна*), то вся типология в этом небольшом, но смком фрагменте истории культуры красноречиво свидетельствует в пользу нее, а не против. На изделия ремесла (веретенные грузила, корчаги и вообще посуду и многое другое) наносились надписи, прежде всего указывающие на принадлежность лицу (хозяину, хозяйке), ср. известные всем русистам *Потвори прясльнь*, *Лолни пряслен*, *Молодило*, *Мартынь*, *Нулиана*, княжо *есть*, *невесточь* [14, с. 118]. Сюда примыкают надписи мастера-изготовителя, например, *Стефанъ пелѣ*, *Братилю д'лалѣ*, *Коста д'лалѣ* (там же).

О том, что только этот способ прочтения гнездовской надписи перспективен, по-своему свидетельствует недавнее критическое выступление американского лингвиста Шенкера, который не согласен с чтением Якобсона *gorunja* — «*Gorun's (amphora)*» — единственно по причине слабой засвидетельствованности у славян личного имени *Gorun*: у Якобсона фигурирует пример Миклошича из боснийско-герцеговинских народных песен, в других славянских языках, в том числе восточнославянских, примеров этого имени нет [15, с. 207 и сл., 212]. На этом основании Шенкер сомневается, что надпись содержит славянское имя и допускает здесь наличие арабского личного имени *Naḡūn* «Гарун, Харун» (!). Нам трудно поверить в это построение, где, в свою очередь, сомнительно столь многое (слишком книжная п. как правило, поздняя передача иноязычного *h* славянским, русским *г*, передача долгого *ā* как *о*, для чего автору требуется принимать тюркское средство, упраздняющее количественные различия гласных). Но, может быть, самое важное — то, что и при сомнительном чтении Шенкера — «*Naḡūn's amphora*» — вопрос о с л а в я н с к о м характере надписи отнюдь не снимается; наоборот, лишний раз подтверждается, что перед нами словообразовательная посессивная модель с суффиксом *-j-* (само собой разумеется, маловероятно и недостаточно сводить все при этом к одному знанию арабом славянских кириллических или даже греческих букв, речь

идет об активном употреблении довольно специфической языковой конструкции).

Что же касается имени, здесь есть место и для других соображений. Во-первых, возвращаясь к единичному свидетельству Миклошича [16, с. 50], нельзя не видеть чисто славянский статус этого боснийско-герцеговинского (у Миклошича также с пометой «сербское») личного имени *Gogun*, поэтому принципиально допустимо его использование при объяснении непосредственной производной формы *gogunja* на другом конце славянского ареала. Во-вторых, вопрос о наличии специально восточнославянского соответствия личного имени *Gogun* нельзя решать без учета практически тождественного этимологически древнерусского имени *Горюн* (1524 год, см. [17, с. 86]). Совершенно ясна апеллативная база этого последнего, ср. русское просторечное *горюнь*, так сказать, «имя деятеля» от глагола *горевать*. В нашем случае поучительно, что уже, например, на белорусской языковой почве форма *горюн* просто не могла сохраниться ввиду регулярного отвердения *р'* палатального, там представлено соответственно — нарицательное *гару́н* и личное имя *Гару́н*, *Гару́ндэ*, ср. русский эквивалент последней фамилии — *Горюнов* [18, с. 105]. Кстати сказав, отвердение *р*, аналогичное белорусскому и отчасти украинскому, довольно последовательно осуществилось и в сербохорватском языке, так что и там можно предположить *Gogun* из **gorjun*. В нашем славянском этимологическом словаре, кроме омонимичного **gogunъ* (от **gora*), название породы дуба в болгарском и сербохорватском, представлен следующий небольшой материал, имеющий отношение к описываемому здесь случаю: русское диалектное (новг.) *гару́н* «трут», укр. *гору́ка* «растение *Sinapis arvensis*; *Brassica napus*», блр. *гару́н* «древесный нарост для изготовления трута», допускающие прямую связь со славянским *goreti*; *гореть* [19]. Засвидетельствованная гнездовская форма *гороун* — с твердым *-р-* могла бы быть объяснена ранним отверждением *р* в смоленском ареале, который, как известно, разделяет эту особенность (как и ряд других особенностей) соседнего собственно белорусского языкового ареала, хотя, наряду с этим, нельзя совершенно исключать и возможность диссимилиции двух мягких согласных в производном слове гнездовской надписи: **gor'un'a* → *gogun'a*.

Итак, все говорит за то, что древнейшая русская надпись представляла собой притяжательное прилагательное, образованное от описанного выше личного имени собственного с помощью древнего суффикса принадлежности *-j-*. Характернейшей особенностью сочетаний согласных с последующим йотом в славянском было слияние согласного с йотом и как результат — мягкий согласный. В этом смысле вся дальнейшая проблема сводится к способам нотации этой мягкости в нашей надписи — на фоне сравнимых случаев в других памятниках письменности (соответственно этому

попытки обнаружить в этом месте гнездовской надписи — в соседстве с *Н* или вместо него — знаки *Ш* или *Ч* или, наконец, *Х* нами отклоняются).

В качестве более древнего и преобладающего способа нотации *ja* после согласного, специально — после согласного *н*, указывают кириллический знак *А*, ср. напр. в новгородской берестяной грамоте № 397 первой половины XIII в.: *къси тии грамата* [20, с. 98], употребление, близкое к нашему случаю и своим статусом этикетки и тождественным выражением притяжательности. Вообще оказывается, что в берестяной письменности ранних веков буква *Ю* (то есть йотированное *а*) не встречается, аналогичную функцию выполняет *А* [21, 22].

В остальной древнерусской письменности передача мягкости согласного, а равно и йотации гласных довольно разнообразна — преобладает собственно йотация (I) с самых ранних веков (Остромирово евангелие XI в., Успенский сборник XII—XIII вв. [23]), но в ряде случаев вместо знака йота встречается точка, лежащая запятая над гласным, горизонтальный элемент буквы *Г*, прилепленный к букве согласного справа [6, с. 109, 114], дужка концами вниз — над согласным, дужка концами вверх, горизонтальная черта или точка — над гласным, вместо предшествующего йота [24], подобие широкой низкой буквы *П* над мягким согласным (в Синайском патерике, см. [25]).

Йотация, употреблявшаяся, таким образом, с древнейшего времени в древнерусской письменности, была все же инновацией, которую не знал древнейший алфавит [5, с. 359]. Вообще же йотация считается изначально присутствовавшей в кириллице, в чем, между прочим, также состоит фундаментальное отличие последней от первоначальной глаголицы [26, с. 30], и это роднит кириллицу с византийским греческим письмом, особенно — случаи несприединенного йота [27].

Резюмируя, можно сказать, что гнездовская надпись, принадлежа к арханческой кириллице, не обнаруживает кириллической йотации, и это как бы в принципе сближает нашу надпись с глаголицей, не знавшей йотации (отдельные частные моменты начертания гнездовских букв, в которых исследователи также усматривали глаголические особенности, здесь опускаем). Мы придаем такое значение вопросу мягкости согласных и ее графической передачи не случайно. Уже замечено, что различие по этой линии принципиально характеризовало лингвогеографические ареалы, в которых возникли и сложились два вида славянского письма. При этом глаголица возникла в тех более центральных районах славянства, в которых наиболее последовательно осуществлено это полное слияние согласного с йотом, о котором мы уже говорили, иными словами — сильная мягкость, тогда как периферийно продолжало сохраняться слабое развитие мягкости — состояние, при котором мягкость имеет тенденцию

выделяться в особую артикуляцию, и наличие йота (І,Ѣ) на письме довольно точно передает эту ситуацию. Эта ситуация имела место в Восточной Болгарии, на родине кириллицы. Полезно привести мнение болгарской исследовательницы, которая говорит о том, что смягчение согласных перед передними гласными в древнеболгарском не доказано, в то время как «в языке славянских просветителей должны были существовать три палатальных фонемы г', І', п'» [28].

«Гаческий» способ передачи мягкости согласного, предполагаемый нами в гнездовской надписи, вслед за Яковсоном (N), побуждает нас обратиться к вопросу о генезисе классической гаческой орфографии, каковой была чешская орфография Яна Гуса. Речь, разумеется, не идет о непосредственном соотношении древнерусской гнездовской надписи X века и новшеств чешской орфографии начала XV века, связываемых с именем Яна Гуса. Все сопоставление должно разумно остаться в типологической плоскости. Тем не менее, предпринятые не так давно серьезные попытки нащупать в принципах гусовской чешской орфографии наличие хорватско-глаголических, а иными словами — кирилло-мефодиевских, импульсов заставляют задуматься и над возможностью аналогичных импульсов в нашем случае. Так, начиная с Гуса, стали помечать мягкость чешских согласных простой точкой над ними, эквивалентной современному чешскому «гачеку» (крючку), например $\check{p} = p$, что объясняется из позднеглаголического письма Эммаусского монастыря в Праге, в котором письме существовала тенденция подписывать над буквой глаголический «ер» в виде стилизованного апострофа или просто точки [29]. В отличие от кириллической нотации мягкости предшествующего согласного йотом, возводимой к греческому письму, введение мягкостных надстрочных диакритик, похоже, явилось чисто славянским новшеством, продуктом глаголического письма. Изолированный пример из единственной русской надписи X века является, конечно, еще слабым аргументом, но повод взглянуть на возможность такого объяснения — для него и для сходных более поздних написаний мягкости — он дает. Тем более, что факты раннего проникновения глаголицы в глубь Руси известны [26, с. 25; 30].

В заключение этого эпизода, я думаю, будет правильно, если мы обратим также внимание на другие вещи, которые тоже вправе считаться известными и среди них — на то, что древнейшие сведения о хорватской глаголице восходят к 880—890 гг. [6, с. 77], то есть тому времени, когда еще был жив Мефодий (умер в 885 г.) И еще: древний регион глаголитича в хорватской Далмации тесно связан со всей соответствующей письменной традицией Великой Моравии, иначе говоря — это продолжение изначального моравско-паннонского глаголитизма, и это продолжение, эти связи понятны лишь как берущие начало в том IX

веке, когда творили сами первоучители славян [31]. Перед нами как бы еще один аргумент паннонско-дунайской локализации Великой Моравии; иначе не объяснить давних корней хорватского глаголизма.

Судьба малой надписи из Гнесдова отразила черты нашей культурной истории, которых мы коснулись еще в начале наших «поисков единства» (часть I): главной христианизации и просвещению с Юга предшествовали более ранние христианские культурные импульсы с Запада.

* * *

И вот мы близки к завершению своих «смоленских мотивов». Обилие предметов, достойных освещения, здесь поистине замечательно, и мы не беремся исчерпать их. Более или менее «закруглить» эту богатую картину древних и новых отношений поможет, кажется, еще один штрих из исторического прошлого, призванный показать, что, кроме главных в истории русской Смоленщины южных и западных истоков населения и культуры, давали о себе знать также восточные культурные импульсы, и смоленская Русь от них не отгораживалась, принимала их в свою культурную сокровищницу подобно тем древним арабским диргемам, которые осели в русских кладах и могильных курганах. На этих путях прибыла сюда и заняла видное место в смоленском гербе райская птичка *гамаюн* — прибыла, так сказать, вместе со своим названием. Смоленский герб насчитывает шесть веков [32], надо думать, что и *гамаюн* — образ и слово — не моложе. Мы, к сожалению, располагаем, по-видимому, довольно поздними свидетельствами по истории слова, по-своему интересными тем, что они не связаны ни со Смоленском, ни с его гербом, ср [33]: *гамаюнъ*. Сказочная райская птица. Залетают отъуду [из рая на острова в восточном море] птицы райские гамаюнъ и финикъ, и благоухание износят чудное. Книга, глаголемая Козмография, список второй половины XVII в. Есть еще (в том же словаре) более отвлеченное упоминание (сравнение с гамаюном) в посольском документе 1569 года. Показательно, что в последнем случае речь идет о посольстве в Персию князя Андрея Дмитриевича Звенигородского.

На гербе города Смоленска изображена пушка средневекового европейского образца. Что касается птицы, именуемой *гамаюн*, которая нарисована сидящей на этом артиллерийском орудии, ее пути были отличны не только от пушки, но и от другой райской птицы, упомянутой в «Козмографии» — *финик* (наше современное *феникс*), носящей греческое имя. Начальные следы слова *гамаюн* теряются (или, наоборот, отыскиваются) на Востоке, причем — не на арабском, а на иранском. При этом легче устанавливаются древние истоки и, к сожалению, остаются пока неизвестными промежуточные стадии. А древняя форма, на этимологическую связь

с которой мне удалось в свое время обратить внимание, это младоавестийское *hu-māia-* «искусный, хитроумный, чудодейственный», откуда в древнеиранском мире употреблено было имя собственное **Нита́уа-*, которое приобрело даже международную известность, ср. эламское *Utaua*, греч. *Υμαιη* [34; 35; 36]. Небезынтересно, что благодаря этимологии мы узнаем, что смоленская птичка *гамаюн*, а точнее — ее птица-пробораз, была не только райской, но и хитроумной. Образ этот, родившийся, вероятно, еще на почве иранского фольклора, рано пересек границы стран и культур и стал международным. Мы не все еще знаем в этой истории, она нам только приоткрылась, хотелось бы более детально проследить превращения вокализма да и консонантизма, они не лишены загадочности — вполне подстать волшебному ореолу самой птицы (почему не **хумаюн*, а *гамаюн*? сказала ли здесь книжная передача или не попавшие в поле нашего зрения другие передаточные звенья?) В общем, есть над чем подумать и в дальнейшем, тем более, что вещая птица гамаюн, оставившая не один след в нашей культурной истории и в нашем искусстве, так и не попала в энциклопедию «Мифы народов мира».

Литература

1. Авдусин Д. А. Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957.
2. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.
3. Писарев С. П. Памятная книга г. Смоленска. Историко-современный очерк. Указатель и путеводитель. Смоленск, 1898.
4. Авдусин Д. А., Мельникова Е. А. Смоленские грамоты на бересте (из раскопок 1952—1968 гг.)//Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. М., 1985. С. 199, 209.
5. Мельников Е. И. Заметки о древнерусской азбуке//Slavia (отд. отд.).
6. Срезневский И. И. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885.
7. Авдусин Д. А. и Тихомиров М. Н. Древнейшая русская надпись//Вестник АН СССР. 1950, 4 (апрель). С. 71 и сл.
8. Черных П. Я. Две заметки по истории русского языка. 2. К вопросу о гнездовской надписи//ИАН ОЛЯ 1950. Т. IX. Вып. 5. С. 398 и сл.
9. Корзухина Г. Ф. О гнездовской амфоре и ее надписи//Исследования по археологии СССР. Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. Издательство ЛГУ. 1961.
10. Львов А. С. Еще раз о древнейшей надписи из Гнездова//ИАН ОЛЯ. Т. XXX. Вып. 1. 1971. С. 47 и сл.
11. Тот И. Х. К изучению графической системы русской редакции старославянского языка//Hungaro-Slavica 1978.
12. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. II. М., 1989. С. 360.

13. Якобсон. ГОРОУНА КЪРЧАГА//Сб. В памет на проф. С. Стойков. Езиковедски изследвания. София, 1974. С. 563 и сл.
14. Черпнин Л. В. Русская палеография. М., 1956.
15. Schenker A. M. The Gnezdovo inscription in its historical and linguistic setting//Russian linguistics, vol. 13. No. 3. 1989.
16. Miklosich F. Die Bildung der slavischen Personen- und Ortsnamen. Drei Abhandlungen. Manulneudruck. Heidelberg, 1927.
17. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
18. Бірыла М. В. Беларуская антрапанімія. 2. Прозвішча, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск, 1969. С. 105.
19. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 7. М., 1980. С. 50—51.
20. Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963.
21. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955, с. 68—69 (Л. П. Жуковская. Палеография).
22. Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986. С. 97.
23. Успенский сборник XII—XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 23.
24. Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979. С. 230, 231.
25. Синайский патерик. Издание подготовили В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М., 1967. С. 25.
26. Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967.
27. Образцы письма древнейшего периода русской книги. К печати подготовил и ввводною статью снабдил Н. М. Каринский. Л., 1925. С. 13.
28. Пенкова П. Диакритичният «знак за мекост» в Зографското евангелие//Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай 1100-годишнината от смъртта му. София, 1969. С. 403.
29. Marcs F. W. Die kyrillo-methodianischen Wurzeln der tschechischen diakritischen Orthographie//Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften, 110. Jahrgang, 1973. S. 87, 88, 90.
30. Мединцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV века. М., 1978. С. 25.
31. Vajs J. Rukověť hláholské paleografie. V Praze, 1932. С. 17.
32. Ражнев Г. Герб Смоленска//Политическая информация. Журн. отд. проп. и агитации Смол. обк. КПСС, 1986. № 12 (811). С. 26 и сл.
33. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 10.

-
34. Mayrhofer M. Iranisches Personennamenbuch. Bd I, Faszikel 1: Die avestischen Namen. Wien, 1977. S. 51.
 35. Schmitt R. The Medc-Persian names of Herodotus in the light of the new evidence from Persepolis//Acta Antiqua Ac. Sc. Hungaricae 24, 1976. P. 29.
 36. Трубацев О. Н. [рец. на кн.:] М. Mayrhofer. Iranisches Personennamenbuch. Bd. I, F. 1, 2. Wien, 1977, 1979//Этимология. 1981. М., 1983. С. 172.

В ЩЕПЯНОМ РЯДУ...

И. А. МАЛЫШЕВА,
кандидат филологических наук

Шумит русская ярмарка XVIII века... Знаменитая Макарьевская на Волге, Благовещенская — на Ваге, Новгородская, Свинская, Успенская недалеко от Брянска и многие другие.

Мы с вами пройдем только по одному ярмарочному ряду — щепетинному, или щепяному (он мог называться и корельским), где торгуют деревянной посудой. Помогут нам в этом таможенные книги. Они сообщают нам имена людей, живших в то далекое время, названия и назначение многих вещей, которыми они пользовались. Многие предметы уже исчезли из нашего обихода, а те, что сохранились, нередко имеют уже другое название.

В щепетинном ряду много продавцов. Вот торговцы из Мценска: Федор Гаврила Сафоновы дети Ершовы торгуют во Мценске деревянною и скляничною посудю. Афонсей Трафимов сынъ Саонов з детьми торгуютъ во Мценске площадным и отезжимъ промыслом и в щепяном ряду деревянною посудю (ЦГАДА, ф. 273, № 32672, лл. 207, 277 об., Мценск, 1720).

Как обойтись без посуды! И везут ее на ярмарки в огромных количествах. Один из путешественников XVIII века пишет: «обог-

нал обоз, состоящий из 40 подвод, сжавший из Кирилловского уезда в Санктпетербург с ложками, чашками и ковшами деревянными» (Челищев П. И. Путешествие по северу России в 1791 г., СПб., 1886. С. 249).

Чаше всего деревянную посуду изготавливали крестьяне и нередко сами продавали свои изделия: *Арзамаского уезду села Выездной слободы крестьянинъ Иванъ Петровъ с товарищи упрадали... товару домашнего изделья красной посуды блюд ставцовъ мис кандеякъ пять тысячъ, явилъ Танбовского уезду села Темяшова Андрей Шустовъ с товарищи дамовней своей работы две тысячи пятьсотъ красной посуды* (Скопин, 1730). Однако скупкой и продажей посуды занимались и купцы, которые специально являлись на ярмарки для покупки крестьянских изделий и перепродажи их на других ярмарках: *курской житель посадцкой человекъ Михаила Безумников евил... товару своего лавочные покупки пятьсотъ блюд красныхъ пятьсотъ торелакъ красныхъ четыреста стаканов красныхъ четыре тысячи ложекъ две тысячи ложекъ шумихи две тысячи ложекъ кленовыхъ, курченинъ посадцкой человекъ Ерофей Матвеев евил... товару своего московские покупки... восьмьсотъ блюд красныхъ деревянныхъ восьмьсотъ тарелокъ красныхъ деревянныхъ пятьсотъ стокановъ деревянныхъ красныхъ* (Курск, 1720).

Деревянная посуда в своей совокупности называлась *щепя* или *щепья*. В таможенной книге конца XVII века читаем: «вологжанин Васильевского сорока Тимофей Максимов Пономаревых приплыл с Вологды в лодке товару явил: щепья — блюд и ставцов и чашек и братин 550 судов, 600 ковшей прямизны, 600 ложек коренных. И то все продал на Устюге», «стольника князя Андрея Канбулатовича Черкасского крестьянин ево Иван Зверов с товарищи явили и продали на Устюге 700 судов щепья: блюд и ставцов и чашек плохих (Просвиркина С. К. Русская деревянная посуда. М., 1957. С. 56). В книгах XVIII века мы встречаем *щепетинный товар*: *явилъ Московского уезду Клементьевской слободы житель Иванъ Самойловъ сынъ Переплетчиков... товару лавочного шепетинного писаной посуды полпретя ста стаканов дюжинныхъ ставцов сто чашакъ сто братинакъ сто* (Скопин, 1730).

Общим названием выступали слова *суды, посуда, посудина*. Причем, в таможенных книгах XVII века по отношению к посуде, в том числе и деревянной, употребляется исключительно слово *суды*: *куплено на кобакъ судъ ковшей и ставцев на семъ алтын, куплена на кобакъ судовъ братин и ставцев на полпета алтына, товару... восьмьдесят судъ красныхъ блюд и братин* (Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги. М., 1982. С. 21, 70, 75). В таможенных книгах XVIII века слова *посуда, посудина* употребляются по отношению к деревянной, металлической, фарфоровой («ценинной») посуде, а слово *суды* по отношению к ящичкам, сундукам, шкатулкам и подобным вещам: *двести посудинъ деревянной плохой* (Болхов, 1725), *куплено... для питья посуды*

деревянной ставцов ковшей и ведеръ, два пуда посуды оловянной (Курск, 1720), ценинной посуды на дватцат рублевъ (В. Устюг, 1722), сундук аришнной два подголовка... две икатулки... два ящичка плоских... и те вышеписанные суды все окованы белым железом (Благовещенская ярмарка, 1725).

На ярмарке много красной посуды: две тысячи пятьсотъ красной посуды (Скопин, 1730), пятьсотъ торелакъ красных, семьдесятъ братинокъ красных... сто чашекъ красных деревянных (Курск, 1720), четыре тысячи ковшей осиновых олховых красных, пятьсотъ ставцов и блюд осиновых и олховых красных (Архангельск, 1719). Но что такое красная посуда: красного цвета? красивая, расписная? или более высокого качества, чем другие изделия?

Мастер всегда стремился к яркому, красочному творению, а какой цвет, как не красный, сделает посуду праздничной и нарядной? Вспомним изделия современных хохломских и семеновских мастеров. В них обязательно присутствует красная краска. Среди образцов старой посуды, выставленных в музеях, нередко предметы, окрашенные в красный цвет. Вероятно, красным называется и товар красивый, более высокого качества. В приведенной уже записи из Курской таможенной книги наряду с перечислением красной посуды читаем: *явил... тысячу ложекъ плохих шумихи две тысячи ложекъ плохих двести ставчиков деревянных* (Курск, 1720). Эти товары не определяются как красные.

Гибкие изящные веточки с гроздьями ягод, хоровод цветов, один броский яркий цветок на стенке чаши — мы подошли к лавке с *писаной посудой*, разрисованной, украшенной рисунком: *шестьсот ставцов красных писаных, сто солонниц уток писаных* (Сольвычегодск, 1722). И не удивительно, что привезли эту посуду на ярмарку северяне: в хмурые неласковые дни особенно светится, согревает глаз расписная, с цветами да узорами посуда.

Много на ярмарке посуды, и каждая имеет свое назначение: для напитков — *братина, стакан, чарка, фиал, ковш*; столовая — *ставец, блюдо, тарелка, чаша, солонка, поднос, миса*.

Чтобы выбрать нужную нам вещь, надо знать, когда и как ею пользовались. Вот *братины, братинки*. Это большой деревянный горшок, чаша, в котором подавались напитки. Братины относили к разряду праздничной посуды. Обычно ими пользовались на мирских пирах (канунах, или братчинах), которые устраивались для поминовения умерших или в дни церковных праздников. Всем миром варили пиво или мед и подавали его в братинах.

Если вы собрались в дорогу, непременно надо купить *ставец*. Эта посуда известна с XV века. *Став, ставец* или *ставчик* представляет собой две глубокие чаши, одна чуть больше другой; сложенные вместе, они становились почти шаром, одна из чаш служила и крышкой. Ставцы обязательно есть на ярмарках, в таможенных книгах они часто упоминаются среди товаров. Вот

вологжанин Никифор Лихачев явил двести ставцев (Архангельск, 1725), а вологжанин Петр Павлов сын Попов явил шестьсот ставцовъ красных писаных (Сольвычегодск, 1722). А вы знаете, чем ставец отличался от чаши? Они по-разному делались: чаша точилась из баклуши поперек древесных слоев, а ставец — вдоль волокна. Для ставцев делались и специальные укороченные ложки.

Из разных мест привозили на ярмарку солонки, солонички, солоницы. Вот московские сто салоницъ, а болховитин Афонасей Степанов сын Саколишков явил пятьдесят салонокъ деревянных московской покупки (Болхов, 1725). Обычная маленькая солонка, оказывается, не так проста. Форма ее может сказать, где изготовил солонку мастер. На севере солонички, солоницы делали в виде уточки с отодвигающейся крышкой на спинке. На ярмарку такие солонички привозили из Сольвычегодска и Архангельска: сто солониц уток писаных, сто уток деревянных крашенных (Архангельск, 1719). Солоницу в виде уточки могли сплести и из бересты.

В других местах России солонки были иной формы, чаще всего в виде ящичка с высокой задней стенкой и поднимающейся крышкой. Они украшались резьбой или расписывались яркими красками, разрисовывались цветами и ягодами. Вот описание солонки, сделанной под Москвой, правда, уже в конце XIX века: «А солоничка, похоже, предназначалась в дар друзьям, чтобы украсить ее, немало потрудился мастер. Сама она вырезана в виде стульчика с крышкой (такую форму имеют многие крестьянские солоницы). Все стенки ее испещрены резным орнаментом, сценками из деревенской жизни... солонка стоит на ножках, вырезанных в виде бородатых голов. А сверху на крышке — три курочки: как живые, идут друг за другом, вот-вот закудахнут» (С. Жегалова, С. Жижина, З. Попова, Ю. Черняховский. Пряник, прялка и птица Сирин. М., 1983. С. 73—75).

А какой же стол без ложки! Вон сколько их на ярмарке: четыре тысячи ложекъ полуклена, тысяча ложекъ деревянных прямизны (Курск, 1720), четыре тысячи ложекъ деревянных осино-выхъ (Болхов, 1725), тысяча ложекъ осиновых две тысячи ложекъ прямизенных (Архангельск, 1725), пятьсот пятнадцать ложекъ осиновых премизны (Сольвычегодск, 1722), семь тысячъ пять-сотъ ложекъ плохих восьмьсотъ ложекъ кленовых (Брянск, 1725), тысяча ложекъ коренных (В. Устюг, 1722).

Продавец называет, из какого дерева сделана ложка, но не только порода дерева важна, не менее существенно, из какой части дерева вырезается баклуша, колодка, плаха, из которой потом режется ложка. Если из ствола дерева — ложка называется *прямизенной* или *прямизной*, если из корня — *коренной*, *корельской*, *корельчатой*, а если из нароста на дереве, капа — *каповой*.

А вот и *ковши*. Большие и малые, в форме утицы или ладьи, с резными рукоятками. К большому ковшу можно купить несколько малых с «крючком». Большой ковш ставится на стол, на его боках

навешиваются ковшички, которыми каждый может зачерпнуть себе из большого ковша. Вот и среди товаров известных уже нам вологжан Никифора Лихачева да Петра Павлова сына Попова есть *сто ковшей осиновых средних... двести ковшей малых с кручками* (Сольвычегодск, 1722), *сто сорок ковшей средних двести ковшичков с крючками* (Архангельск, 1725). Ковш с двумя рукоятками на севере назывался скобкарь (скопкарь): *пять скобкарей осиновых красных прямизенных* (Архангельск, 1719). По форме он напоминал плавающую птицу — утку или лебедя. Его можно было встретить в крестьянских избах Архангелогородской губернии, да и у горожан он не был редкостью.

Сменили деревянную посуду фарфоровая и фаянсовая, керамическая и эмалированная, но нет-нет да появится в нашем доме расписная ложка, золотая по красному фону чаша, увитое затейливым рисунком блюдо или еще какая нехитрая деревянная утварь, согревающая душу, радующая глаз. И живут названия старой посуды в наших пословицах, хранит свои сокровища язык. Заглянем на прощание еще раз в «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля: «один глаз на полицу (хлеб), другой в солоницу», «всякому старцу по ставцу», «мешками на мельницу, а в избу хоть ставчиком, да ежесень», «душа дороже ковша», «только и знает, что из мисы да в рот», «красна ложка сдоком, лошадь сздоком», «ложка-то узка, таскает по три куса: надо ее развести, чтоб таскала по шести».

Хабаровск

Сорок сороков

К. А. АВЕРЬЯНОВ

Общеизвестное выражение «сорок сороков» обычно используют, говоря об огромном количестве московских храмов. В «Записках» известного мемуариста Ф. Ф. Вигеля читаем: «Голова моя полна слышанными рассказами про Москву белокаменную, про ее обширность, ее великолепие, ее *сорок сороков церквей*» (курсив мой.— К. А.). Что же означает подчеркнутая нами часть этого выражения? Под «сороком» обычно имеют в виду группу церквей, образующих церковное благочиние и состоящую примерно из четырех десятков храмов.

Основой для подобного объяснения этого термина послужила именная подушная книга 1727 г. генерал-майора Г. П. Чернышева, представляющая собой ревизскую перепись всего московского белого духовенства, в которой подробно перечислены все московские храмы. Книга эта была известна историкам давно и позднее была опубликована выдающимся исследователем И. Е. Забелиным во втором томе его «Материалов для истории, археологии и статистики города Москвы». Согласно этому источнику вся Москва, за исключением Кремля, делилась на шесть сороков: *Китайский, Ивановский, Сретенский, Никитский, Пречистенский и Замоскворецкий*. Обнаружив, что в каждом из сороков насчитывалось от 40 до 60 церквей, И. Е. Забелин дал вышеприведенное объяснение этого термина.

Но почти сразу же обнаружились определенные неувязки. Нетрудно подсчитать, что в общей сложности формула «сорок сороков» должна обозначать 1600 храмов. Однако такого огромного количества церквей в Москве никогда не существовало. По подсчетам историков и краеведов, к 1917 году в пределах исторического города насчитывалось чуть больше 800 храмов, включая и исчезнувшие, что составляло всего лишь половину от требуемой цифры. И тогда

И. Е. Забелин нашел довольно остроумный выход, предложив считать по отдельности все приделы, престолы храмов, часовни и т. п. И итоге получилось число даже большее, чем 1600. Подобные подсчеты, однако, нельзя признать корректными.

Никогда в Москве не было и 40 «сороков»-благочиний. По материалам XVIII века, в городе насчитывалось всего шесть сороков. Это несоответствие с формулой «сорок сороков» пытались объяснить тем, что число 40 в христианстве имеет особый смысл: на сороковой день Воскресенья Христова произошло его Вознесение, в православной церкви два больших поста по 40 дней — подобно посту Христа в пустыне и т. п.

Наконец, хотя в Кремле было много храмов, он не входил ни в один из известных нам сороков и не образовывал самостоятельного. Все это заставляет искать иное объяснение данного термина.

Разгадку дают совершенно неожиданные источники. Сохранилась неопубликованная дозорная книга 1617/18 годов города Белоозера, составленная Г. И. Квашинным и подьячим П. Деместьевым. В ней подробно описываются городские укрепления и посад, разделенный на восемь сороков: Егорьевский, Захарьин, Воскресенский, Жуков и Логинов, Белобородов, Андреевский, Петровский, Ивановский и Новиночный. Разумеется, на Белоозере не было такого количества храмов, как в Москве, и поэтому в большинстве из сороков располагалась одна, редко две церкви, в некоторых они вообще отсутствовали. Каждый из сороков подразделялся на улицы. С течением времени некоторые из сороков, очевидно, объединялись друг с другом (как Жуков и Логинов), а некоторые исчезали полностью, сливаясь с другими. Заболотский сорок позднее превратился в Заболотскую улицу в составе Андреевского сорока. Подобную картину даст и переписная книга Вологды 1686/87 годов, согласно которой вологодский посад делился на 14 сороков.

Знакомство с этими до сих пор неизданными, а поэтому до самого последнего времени оставшимися вне поля зрения ученых источниками заставляет полностью отказаться от объяснения указанного термина как мелкой церковной единицы. Можно предположить, что под сороком следует понимать исторически сложившуюся внутригородскую территориально-административную единицу типа широко известных новгородских концов или сотен в Великом Устюге. Выдвинув эту гипотезу, обратимся снова к московскому материалу. Сохранился довольно любопытный источник — московская уставная грамота середины XV века, среди историков более известная под другим названием, — «Запись о душегубстве».

Как известно, в средние века Москва управлялась совместно князьями московского княжеского дома. «Запись» регулировала вопросы юрисдикции в Москве с округой между князьями-совладельцами. Согласно этому источнику, тогдашний московский посад в судебном отношении делился на пять частей: «А на Москве на посаде (1) лоучится душегубство за рекою за Московью, ино к тому

и Даниловское, (2) а будет душегубство за Яоузою, ино к нему Аньдрониев монастырь и городище, (3) а лучится душегубство на Великой оулицы оу Николы оу Мокрово, ино к тому от Острого конца и до Варьской оулицы, (4) а лучится душегубство за Варьскою оулицею, ино к тому и оу Стретенской оулицы и по Неглимну, (5) а за Неглимною лучится душегубство, ино к тому и Дорогомилово, все Занеглименье и Семьчинское».

Топография древней Москвы изучена относительно неплохо, поэтому есть возможность довольно четко обозначить на карте указанные части московского посада XV века. Одновременно, на-неся на карту города (по материалам XVIII века) *сороки*, увидим, что территориально они совпадают с судебнo-административными внутригородскими единицами XV века. Исключение составляет лишь Занеглименье, на территории которого позднее находились два сорока: Никитский и Пречистенский. Это объясняется тем, что в XV—XVII вв. рост города шел преимущественно в западном и северо-западном направлениях.

Таким образом, *сороки* представляли собой внутригородские территориально-административные единицы, на которые делилась Москва и некоторые другие города в средневековье. При Петре I, а затем при Екатерине II городское управление и деление городов приобретает совершенно иной характер и значение слова «сорок» забывается, сохраняясь лишь в крылатом выражении «сорок сороков». Учитывая, что с древности был известен счет по сорокам (сороками считали шкурки белок, соболей и других мелких зверей), применительно к московским храмам оно стало означать определенное их огромное множество, которое было трудно сосчитать.

Памяти преподобного Сергия Радонежского

Правственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятниками деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество.

В. О. Ключевский

Заканчивается 1992 год, объявленный ЮНЕСКО годом преподобного Сергия Радонежского — великого подвижника земли Русской.

Почему же из «всех святых в земле российской просиявших» ЮНЕСКО выбран именно преподобный Сергей Радонежский? Может быть, ответ на этот вопрос таится в иконе Андрея Рублева «Троица», которая была написана «в похвалу Сергию» по заказу его ученика игумена Никона для Троицкого собора Свято-Троицкой обители. «То, что исходит от этой иконы — это и есть дух учения Сергия Радонежского». Мир, тишина, покой и тайна. Тишина и мир царят в картинах Левитана, в «Дворянском гнезде» Тургенева, в бесконечном небе над головой раненого Андрея Болконского, это тайна души пушкинской Татьяны (Известия. 1992. 21 фев.). «Если есть „Троица“ Рублева, значит есть Бог», — писал Павел Флоренский.

В дни памяти преподобного Сергия Радонежского мы зашли в тихий московский Храм, в котором разместился придел Сергия Радонежского. Это Храм святого митрополита московского Филиппа, что на 2-й Мещанской улице (проспект Мира). Он совсем недавно был возвращен Московской патриархии. Его возрождают прихожане и, конечно же, его настоятель — молодой, энергичный священник отец Марк. Мы беседовали с ним о преподобном Сергии, о его роли в истории православной церкви, истории России, ведь история церкви тесно связана с историей Российского государства.

— О. Марк, что значат деяния преподобного Сергия Радонежского для православной церкви?

— Заслуга преподобного огромна, как патриота России. Сергей Радонежский и митрополит Алексей показали, что православие передается не по крови, а по духу. Именно благодаря православию была изгнана татарская Орда с земли русской, более двухсот лет унижавшая и разорявшая русскую землю. Сергей воспитал не-

сколько поколений русских православных людей. С его именем связывают возрождение иночества, монастырей. А что такое монастыри? Это средоточие культуры, науки, образования, летописания. В монастырях стали процветать живопись, литература. Музыка тоже появилась в монастырях, но уже, конечно, позже.

Победу на Куликовом поле также связывают с именем Сергия Радонежского: «Если права легенда о том, что Сергий дал ратникам и Дмитрию, вопреки запретам монашества, двух схимников — Пересвета и Ослябю, то тем самым Сергий с особой убежденностью показал, что сражение в войсках Дмитрия — дело святое», — так сказал об этом академик Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Сергий Радонежский стоял за единение веры и Русского государства: он понимал, что сильное государство невозможно без единения людей разных национальностей на основе веры.

— *О. Марк, в трудное, смутное время пришлось жить преподобному Сергию. Трудное, смутное время уготовила судьба и нам, нашим современникам. Как Вы думаете, сможет ли наше общество возродиться и стать на путь добра, мира, согласия, милосердия, нравственности?*

— Я в этом глубоко убежден, сможет. Возвращаются православной церкви Храмы. В них приходят новые поколения молодых людей, стремящихся к покаянию, любви, вере и верящих в возрождение России. Я вижу единение россиян в вере, потому что вера — основа нравственного совершенства. А каждый, входящий в Храм, как бы он ни был грешен, на какой бы низкой ступени нравственности ни был, сможет подняться. И поможет ему это сделать вера. Вера и любовь.

— *Сейчас много говорят и пишут о необходимости духовного развития, духовного обогащения. А что в Вашем понимании духовность?*

— Принято считать человека духовно развитым, если он разбирается в литературе, живописи, музыке и т. п. Но ведь это только начитанность, образованность, т. е. собрание знаний. Смысл духовности я вижу в нравственном совершенствовании: умении любить, прощать, понимать других. В умении радоваться за ближнего, это одна из наиболее высоких ступеней совершенства.

Высочайшая духовная сила — это Божественная сила. Именно об этом идет речь в евангельском рассказе о болящей женщине, «которая страдала кровотечением двенадцать лет. Много потерпела от многих врачей, истощила все, что было у ней, и не получила никакой пользы ... Услышав об Иисусе, подошла сзади в народе и прикоснулась к одежде Его; Ибо говорила: если хотя к одежде Его прикоснусь, то выздоровею. И тотчас иссяк у ней источник крови, и она ощутила в теле, что исцелена от болезни. В то же время Иисус, почувствовав Сам в Себе, что вышла из Него сила, обратился в народе и сказал: кто прикоснулся к Моей одежде? Ученики сказали Ему: Ты видишь, что народ теснит Тебя, и говоришь: кто

прикоснулся ко мне? Но Он смотрел вокруг, чтобы видеть ту, которая сделала это. Женщина в страхе и трепете, зная, что с нею произошло, подошла, пала перед Ним и сказала Ему всю истину. Он же сказал ей: дочь! вера твоя спасла тебя; иди в мире и будь здорова от болезни твоей». Возможно ли доступнее и образнее сказать о результате воздействия на человека Веры и Силы Божественной! У женщины здесь — вера — воля, вера — вся душа, вера — вся жизнь. И она была спасена.

Благое дело сделал ваш журнал, напечатав «Символы веры, молитв и заповедей». Тем самым вы приобщили широкий круг читателей к истокам нашей культуры, нравственности и духовности. Я очень надеюсь, что знакомство с «Символами веры, молитв и заповедей» не пройдет бесследно для читателей «Русской речи». Большинство задумается и пересмотрит свое отношение к образу своей жизни, близким и окружающему их миру.

Вера, любовь и надежда помогают отцу Марку и его прихожанам восстанавливать Храм святого Филиппа, в котором яркой звездой засиял придел преподобного Сергия Радонежского. Как говорил В. О. Ключевский: «Творя память преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, заветанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты. Ворота лавры преподобного Сергия затворятся и лампы погаснут над его гробницей — только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его».

Напоследок мы пожелали отцу Марку и его наставнику процветания Храма, который был освящен Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II 16 июля 1992 года. И пусть никогда не зарастет к нему дорога!

*Л. А. Владимирова,
Т. С. Колмакова*

Возрождение Общества любителей российской словесности

В культурной жизни России произошло чрезвычайно важное событие — после шестидесятилетнего перерыва воссоздано Общество любителей российской словесности. В его деятельности, призванной содействовать сохранению и развитию российской словесности, будут участвовать литераторы, журналисты, ученые. Собравшись на учредительное собрание были преисполнены энтузиазма возродить лучшие традиции Общества любителей российской словесности, существовавшего при Московском университете с 1811 по 1930 год. Учреждалось общество для «распространения сведений о правилах и образцах здоровой словесности» и более столетия было в Москве центром культурной жизни. Достаточно назвать имена председателей Общества в разное время. Среди них А. Ф. Мерзляков, М. Н. Загоскин, А. С. Хомяков, М. П. Погодин, И. С. Аксаков, Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, П. Д. Боборыкин, А. П. Чехов, И. А. Бунин, П. Н. Сакулин. Его почетными и действительными членами были Н. М. Карамзин, И. А. Крылов, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, А. Ф. Писемский, А. Н. Островский, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. В. Вересаев, Н. А. Бердяев, М. Горький, К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, А. Белый, М. А. Волошин, Б. К. Зайцев, Вяч. Иванов, В. Г. Короленко, А. И. Куприн, Д. С. Мережковский, Бор. Пильняк.

Жизнь Общества нашла отражение в его изданиях. В 27 томах «Трудов» за первый период (1812—1828) напечатаны литературоведческие исследования, по русскому и славянскому языкам, материалы к словарям синонимическому, этимологическому, диалектологическому, художественные произведения, прочитанные на заседаниях.

М. П. Погодин, председатель Общества (1860—1866), считал, что оно должно «содействовать выходу в свет таких литературных трудов, которые по каким бы то ни было причинам не могут без того явиться». Такими изданиями общества стали «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и русские народные песни, собранные П. В. Киреевским. И. С. Аксаков, председатель Общества в более поздние годы (1872—1874), называя свое время эпохой брожения, эпохой переходной, «вообще неблагоприятной ни

для спокойного труда мысли, ни для художественного авторского созидания», «гибельной для художественного народного творчества», считал, что Обществу «надо спешить собрать и уберечь от неизбежной гибели последние памятники, последние звуки народного эпоса».

После революции 1917 г. Общество искало свое место «в обновленном организме страны», стремилось к «разумной ориентации среди новых явлений жизни и литературы», видело много «художественно-ценного и социально-плодотворного» в новой литературе. Но в 1929 г. в печати появились клеветнические нападки на Общество. Ему ставилось в вину то, что оно не похоже на клуб, что на его заседаниях читаются научные, а не научно-популярные доклады. П. Н. Сакулин, тогдашний председатель Общества, в своем дневнике писал: «Закреть нетрудно, а создать общество с таким авторитетом трудно».

В 1930-м году Общество любителей российской словесности перестало существовать.

В планах возрожденного Общества, как рассказал избранный его председателем известный филолог профессор В. П. Нерознак — поощрение успехов в области российской словесности, учреждение и присуждение наград, стипендий, издание наиболее интересных работ. Предусматриваются большая просветительская деятельность, проведение научных заседаний, организация встреч, конференций, выставок, аукционов и т. п.

Как это было и раньше, Общество состоит из почетных и действительных членов. Первыми почетными его членами избраны Александр Исаевич и Наталья Дмитриевна Солженицыны. Почетным председателем избран академик Д. С. Лихачев.

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ФАМИЛИЯХ

В. Ф. ЖИТНИКОВ,
кандидат филологических наук

Продолжая тему, начатую в № 1 за 1989 год, приведем еще несколько фамилий, общих для города Каргополя Архангельской области и рабочего поселка Каргаполья Курганской области, заметив, что фамилии, как и другие слова нашего языка, не стоят одиноко, изолированно в сознании говорящих, но, как правило, ассоциируются с другими словами и целыми гнездами слов.

Так, фамилия *Дурягин* восходит к диалектному *дуряга* — «дуря»; известно во владимирских говорах (Словарь русских народных говоров. Л., 1965—1990. Вып. 8. С. 273), а похожая на нее фамилия *Дюрягин* возникла, видимо, под влиянием фамилий *Дерюгин* (от слова *дерюга* — «толстый грубый холст», прозвища *Дерюга*) и *Дерябин* (отметим несколько значений слова *деряба* — 1) «плакса»; 2) «вздорный, сварливый человек»; 3) «драчун», «драчунья», «забняка» и т. п., а также «растение ликоподий сем. плауновых», «плауновое семя» и т. д.) (СРНГ. Вып. 8. С. 29—30).

Заварин — от прозвища *Завара*, в основе которого диалектное *завара* — «каша из муки крупного помола, завариваемой кипятком»; встречается в архангельских, вологодских, костромских, ярославских, рязанских говорах (СРНГ. Вып. 9. С. 295; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I. С. 558). В том же значении слово употреблялось в древнерусском языке: *завара* — «каша из муки»: «дров купила, завару на два алтына», 1587 (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1991. Вып. 5. С. 143).

Завьялов — от прозвища *Завьял*, восходит к слову *завьял*, *завьялый* — «занесенный снегом или иным чем»; «завялый», «дряб-

лый»; *завьяла* — во владимирских и нижегородских говорах — «человек мешкотный и вялый» (Даль. I. С. 564). Глагол *завьять* означает «завестись», «занести снегом, песком»; о человеке — «быть занесенным», «засесть», «застрять где», «стать в тупик» и т. д. *Завьяла* — 1) «метель», в онешских и калужских говорах; 2) «вялый, медлительный человек» (СРНГ. Вып. 9. С. 348). В древнерусском языке было слово *завьялица* — «вьюга», отсюда — *завьяличный* — «занесенный снегом, песком» (СлРЯ. Вып. 5. С. 161). Прозвище и фамилия отмечены в XVI—XVII веках: «*Завьял* Исаков сын, костромской ямской охотник», 1605; *Завьялич* Отман, овруцкой зсмянин», 1545; «*Завьялов* Максим, крестьянин», 1579, Шуя (Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен//Записки отделения русской и славянской археологии... СПб., 1903. Т. IV. С. 154, 551; Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 118).

Задорин. Восходит к прозвищу *Задора*, от слова *задра* — «задира», «забияка» встречается в архангельских, северо-двинских, вологодских, пермских, курских, донских говорах (СРНГ. Вып. 10. С. 63). В. И. Даль (I. С. 573) приводит: «*Задора*, *задорина* — зацеп, зацепина, защепа, заструга»; «*задорник*, *задора* — кто задирает, зачинщик ссор и драк». В древнерусском языке были слова *задоръ*, *задорка* — «ссора», «стычка» (СлРЯ. Вып. 5. С. 186). Прозвище и фамилия отмечены в XVI—XVII веках: *Задора* Иван, крестьянин Белозерского уезда, 1534; *Задорин* Семен, архангельский гость, 1645; *Задорины*, московские гости, XVII в. (Веселовский С. С. 118; Тупиков С. 155, 551).

Фамилия *Замятин* имеет более раннюю форму *Замятини*. В. А. Никонов отмечает, что эта форма восходит к мужскому личному имени *Замятня*, засвидетельствованному, по наблюдению ученого, с 1474 года; слово *замятня* — «замешательство», «тревога», «сумятица», «беспорядок»; «спор», «шум» известен в нижегородских, ярославских, владимирских, пермских и некоторых других говорах; *замять* в орловских и воронежских говорах — «метель», «пурга» (СРНГ. Вып. 10. С. 272; Даль. I. С. 603). Вариант *Замятин* стал самостоятельной формой фамилии (см.: Никонов В. А. Из словаря русских фамилий//Русская речь № 1, 1976). В древнерусском языке *замятня*, *замятня* — «метель»; «смятение», «замешательство»; «смута», «волнение», «беспокойство»; наряду с нарицательным существовало и собственное имя *Замятня*, *Замятенка*: «Послух *Замятенка* Гуляев руку приложил», 1606 (СлРЯ. Вып. 5. С. 229); а также: «Князь Данило Дмитриевич Холмский *Замятня*, воевода, 1471; *Замятини* Юрий, московский воевода, 1515 (Тупиков С. 156, 553); Иван Васильевич *Замятня*, воевода, 1471; его сыновья Яков и Юрий *Замятини* убиты в 1521 году на Оке татарами (Веселовский С. 119).

Зарубин. Фамилия образована от прозвища *Заруба*, восходит к слову *заруба* — «зарубка», «поперечное углубление в бревне», «высмка на бруске дерева или полена»; «надрез на ухе, коже живом-

тного»; известно в олонцких, архангельских, уральских, вологодских, сибирских говорах (СРНГ. Вып. 11. С. 7; Даль. I. С. 629). В древнерусском языке было слово *зарубь* — «заметка», «зарубка» (СлРЯ. Вып. 5. С. 289). Прозвище и фамилия отмечены в XVI—XVII веках: Конон Алексеев сын *Заруба*, послух, 1522, Москва; Терсентий *Зарубин*, подъячий, 1638, Москва; *Зарубин* Сережка, тульский посадский, 1676 (Тупиков. С. 158, 553; Веселовский. С. 150).

Зубаткин. Происходит от прозвища *Зубатка*, восходит к слову *зубатка*, имеющему ряд значений: 1) «насмешница», «ворчунья» (арханг., псковск., олон.); 2) «борона с деревянными зубьями» (лодейнопольск.); 3) «вид раковины, употребляемой для изготовления пуговиц» (арханг.); 4) «бревно с зарубкою наверху, за которую берется веревка петлей и крепится за ставшее на мель судно (новгородск.)» (СРНГ. Вып. 11. С. 358; Даль. I. С. 695). А в древнерусском языке *зубаткой* называли вид рыбы; так, в холмогорском памятнике 1682 года отмечено: «25 пудов голов палтусых сухих... три пуда рыбы *зубатки* сухой» (СлРЯ. Вып. 6. С. 67). Как видим, приведенные слова есть не что иное, как омонимы, восходящие к единственному источнику — слову *зубатка* — «нечто, имеющее зубы». От какого из них образовано прозвище *Зубатка*? Скорее всего, от слова со значением «насмешница» или «ворчунья»; в холмогорских говорах, например, имеется значение «человек, любящий браниться». Причем слово *зубатка* в данном случае применимо и к мужчине, и к женщине. Впрочем, нет ничего невероятного в том, что источником прозвища могли послужить и другие омонимы этого ряда: *Зубаткой* могли прозвать и мастера, делавшего деревянные бороны, и ловца рыбы-*зубатки*, и собирателя раковин. Конкретные обстоятельства, при которых даются прозвища, очень разнообразны, и в большинстве случаев мы можем лишь предполагать их, сопоставляя значения слов. Так, в данном случае *зубатка* — прозвище, и вернее всего здесь идти «от человека», то есть искать среди значений такие, которые характеризовали бы носителя прозвища по его качествам. При этом косвенными данными, подкрепляющими предположение, могут быть некоторые родственные слова: *зубастой*, *зубатой* — «злой», «грубый», «сварливый»; «насмешливый», «задиристый»; *зубатить*, *зубить* — «грубить» (Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964—1988. Т. I. С. 196).

Зуев. Широко распространенная фамилия. В. А. Никонов замечает: «*Зуй*, *зуёх* — наименования двух видов небольших птиц; *Зуй* — старинное мужское личное имя; отчество *Зуев* в форме краткого притяжательного прилагательного стало фамилией (Никонов В. А. Из словаря русских фамилий//Русская речь. 1979. № 1. С. 160). «*Зуй* — крестьянин Сеглинского погоста, 1495; Феодосий Офонасьев сын *Зуева*, холмогорец, 1586 (Тупиков. С. 164, 558); *Зуй*, *Зуйко*, *Зуевы* повсеместно распространены в XV—XVII веках (Веселовский.

С. 125). В диалектах *зуй* — название целого ряда птиц: кулик, кроншнеп, турухтан и т. д., а также «мальчик-подросток... в помощь взрослым рыбакам»; «жизнерадостный, подвижный ребенок» (арханг., пенз.); «бойкий человек», «выскочка» (перм.) и т. д. (СРНГ. Вып. 12. С. 23—24; Даль. I. С. 696). В древнерусском языке слово *зуй* значило: 1) название птицы из семейства куликовых; 2) как прозвище: «задира», «озорник»: Окатко Огафонов, сын его Сидорко *Зуй*, ссют ржи полкоробьи» (СлРЯ. Вып. 6. С. 69).

Зыков. Так же широко распространенная фамилия, как и предыдущая. Образована от прозвища *Зык*, в основе которого лежит имя нарицательное *зык* — «звук», «шум», «крик» (ср. совр. *зычный*); «эхо», «отзвук», «отголосок» (рязан., костр., перм., вологод., олон. и т. д.) (СРНГ. Вып. 12. С. 34; Даль. I. С. 697). В древнерусском языке были слова *зук*, *зык* — «звон», «гул», «звук», «шум и крик», «ссора» (СлРЯ. Вып. 6. С. 69—70). Прозвище и фамилия засвидетельствованы в XV—XVII веках; *Зык* Моисеев, помещик в Дегожском погосте, 1539; *Зыков* Григорий Иванович, ключник рязанского князя, 1483; *Зык* Обобуров, слуга митрополита, II пол. XV века (Тупиков. С. 164, 558; Веселовский. С. 125).

Челябинск

ГОМЕЛЬ

А. Ф. РОГАЛЕВ,
кандидат филологических наук

850 лет назад, в 1142 году, окрестности Гомеля являлись объектом притязаний черниговских и смоленских правителей. Традиционно с этой датой связывается первое известие о современном областном центре Белоруссии. Если внимательно вчитаться в соответствующую фразу Ипатьевской летописи: «... и слышавъ оже билися Ольговичи у Переяславля съ стрємь сго с Вячеславомъ, и съ братомъ его Изяславомъ, и поиде на волость ихъ, и взя около Гомня волость ихъ всю», то убеждаешься в том, что не сам «Гомий» и даже не «волость около Гомня», а поход смоленского князя Ростислава Мстиславича на владения черниговских князей Ольговичей (которым принадлежал в то время Гомель) интересовал летописца прежде всего. Гомельские археологи, исходя из этого факта и имея убедительные (после раскопок на территории «старого» Гомеля в 1986—1988 гг.) доказательства тому, что Гомель в 1142 году был уже достаточно развитым политическим, торговым и культурным центром Древней Руси, предлагают в 1992 году торжественно отметить тысячелетнюю историю города.

Между тем утверждения о том, что Гомелю не 850, а 1000 лет, не следует понимать буквально. Попытка установить точную дату в данном случае — занятие ненадежное. Археологические материалы дают возможность заключить, что в X веке Гомель, выросший на месте восточнославянских поселений IX века, являлся уже поселением городского типа.

Однако очевидный с точки зрения археологов рубеж между «догомельскими» поселениями IX века и Гомелем X века не является столь отчетливым и однозначным с точки зрения топонимиста. Анализ географического названия *Гомель* (*Гомий*) позволяет утверждать, что данное наименование функционировало задолго до собственно городского периода гомельской истории и характеризовало территорию современного Гомеля, по меньшей мере, еще в V–VI вв. новой эры. Более того, длительное изучение топонимического ландшафта в окрестностях Гомеля привело нас к следующему выводу: название *Гомель* (*Гомий*) изначально относилось не столько к какому-то конкретному поселению, сколько к местности вообще, то есть обозначало несколько поселений, существовавших в непосредственной близости одно от другого. К IX–X вв. топоним *Гомель* (*Гомий*) стал осознаваться как обозначение единого населенного пункта, возникшего в результате объединения нескольких отдельных. Иными словами, языковой знак *Гомель*, *Гомий* из собственно топонима (названия места вообще) превратился в ойконим (название конкретного поселения, города).

Написание *Гомель* впервые появляется в XVII веке под влиянием латинской графики и латинского языка, на котором тогда писались государственные акты и документы (Гомель до 1772 года находился в составе Речи Посполитой; см.: Виноградов Л. А. Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142–1900. М., 1900. С. 6). В древнерусских и белорусско-литовских летописях — *Гомье*, *Гомец*, *Гомель*, *Homel* (Рапанович Я. Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Гомельскай вобласці. Мн., 1986. С. 3–4). Древневосточнославянское название *Гомий* традиционно объясняют как производное прилагательное с основой *гом-*, значение которой определяют, например, при сопоставлении с украинским народным географическим термином *гомок* — «куча земли, бугор» (см.: Нерозан В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 61).

В принципе, такое объяснение правильное, но оно должно восприниматься не только в сугубо лингвистическом аспекте, но также еще и в аспекте географическом. Психологически основное внимание при толковании названия концентрируется на корне *гом-*, который связывается с единичным бугром, холмом, конкретной возвышенностью. В сознании гомельчан и гостей города такой холм ассоциируется с высоким правым берегом реки Сож, на котором расположен знаменитый княжеский парк с дворцом. Высокий берег — холм; парк с дворцом — могут показаться местом древнего Гомеля. Однако название *Гомель* первоначально имело более широкий смысл и должно толковаться несколько в ином историко-географическом контексте. Данное географическое название является в своей исконной форме прилагательным. Следовательно, если в названии *Гомель* (*Гомий*) вычленяется корень *гом-* — «холм», то все название следует понимать как «холмистый»; холмистой может быть местность, на которой расположено

поселение. Так мы пришли к выводу, что название Гомель первоначально относилось к местности вообще, к окрестностям конкретных поселений.

Слово, обозначающее возвышенный рельеф (гору, холм, высокий берег), одновременно может иметь и противоположное значение, то есть указывать на углубление, низину, яму, впадину, овраг, ущелье. В этой связи можно предположить, что название-прилагательное *Гомель* (*Гомий*) в далекие от нас времена могло указывать не столько на возвышенную, холмистую, сколько на пересеченную местность.

В самом деле, признак возвышенности для правого берега Сожа в районе Гомеля является абсолютным. Это значит, что весь берег представляет собой сплошное высокое место, без признаков явного всхолмления. Иллюзию «холмов» на территории старого города создают глубокие овраги, бывшие русла рек, несших свои воды в прежние времена в сторону Сожа. Но если длительное время находиться, жить, вести хозяйство на высоком правом берегу реки Сож в окрестностях старого Гомеля, то неизбежно возникнет необходимость считаться не с холмами и возвышенностями, которых, в принципе, нет, а с глубокими оврагами, с выгодами и неудобствами пересеченной местности.

В далеком прошлом по территории современного Гомеля протекало в направлении Сожа несколько небольших рек. Русла всех этих водотоков исходили из общего «центра» — древнего озера, остатками которого уже в новое время являлось так называемое *Горелое болото*. В доисторические для Гомеля времена болото было озером, представлявшим собой вероятный последниковый водоем. Песчаные осадочные породы, принесенные в последнюю ледниковую эпоху, легко вымывались несколькими речками и ручьями, вытекавшими из озера. С течением времени русла этих водотоков превращались в большие низины и овраги, особенно глубокие и крутые на склонах высокого правого берега реки Сож. Остатки этих оврагов сохранились в городе до настоящего времени. Защищенность озера сплошными лесами, влажный и сравнительно теплый климат, мелководность и песчаное дно водоема способствовали прогреванию воды, развитию живых организмов, появлению моллюсков, рыб, водоплавающих птиц, росту прибрежной растительности. Этот природный оазис у большой реки на пересеченной местности, несомненно, привлекал человека с самой глубокой древности. Уничтожение лесов вокруг озера по мере развития подсечного земледелия привело к постепенному превращению его в болото. Название *Горелое болото* как раз и объясняется ведением подсечного (огневого) земледелия.

Первые славянские поселенцы появились в окрестностях Гомеля примерно в V—VI вв. Они пришли с юга или юго-запада, из Среднеднепровского Левобережья или с территории современной Волыни. Именно в V—VI вв. в речки славянских пришельцев офор-

милось название-прилагательное *Гомель* (*Гомий*), ставшее обозначением всей ближайшей «овражистой», пересеченной местности над Сожем. «Пришельцами» могли быть те славянские племена, которые вошли позже в состав племенной группировки кривичей, основавших городок Полоцк на реке Полоте (бассейн Зап. Двины), ставший в X веке центром первого, известного достоверно государственного образования на белорусской земле — Полоцкого княжества.

На определенном этапе движения в северном направлении часть предков кривичей, как можно полагать, остановилась на правом берегу Сожа, в той пересеченной руслами нескольких небольших речек местности, для обозначения которой и было приспособлено слово *гом* с вероятным значением «возвышенность над оврагом, низиной». Такое слово в самостоятельном употреблении не зафиксировано, но его существование в прошлом можно предполагать. Не исключено, что это слово использовалось еще дославянским населением окрестностей Гомеля для обозначения места своего обитания; по крайней мере, таджикские слова *гом*, *ком* — «ущелье», *хами* — «впадина, низина, небольшая низменность», *хам* — «опущенный», «склонный», «извилина», персидское и афганское слово *кам* — «ущелье» (Мурзасв Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 287, 590) обращают на себя внимание в связи с вероятными иранскими «следами», в Посожье. Может быть, данное слово **гом* в различных фонетических вариантах издавна использовалось в широкой контактной зоне, где взаимодействовали различные по происхождению и языку народы, то есть это своего рода «интернациональный» элемент в языках народов Восточной Европы: речка *Гомель* (*Гомула*); возвышенность *Гомола* (*Сухогора*) на территории Польши; деревня *Гомель* (Полоцкий район, Белоруссия); озеро *Хомля* (Новгородская обл., бассейн реки Мологи); река *Комля* (бассейн Ловати, территория Псковщины). Отметим также фразеологизм *даць у гомель* — «стукнуть кулаком в плечи», зафиксированный в деревне Курашево Чижевской гмины Белостокского воеводства Польши (Слоўнік беларускіх гаварак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мн., 1979—1986. Т. 1—V). В последнем примере наблюдается употребление слова, внешне удивительно напоминающего географическое название, но совершенно в ином смысле — для обозначения верхней (выпуклой!) части тела — плечей.

Топоним *Гомель* в окрестностях Полоцка мы считаем «перенесенным» и связываем его появление в бассейне Зап. Двины с движением предков кривичей с юга на север, в Подвинье. Полоцкий *Гомель*, таким образом, возник под влиянием надсожского *Гомеля*.

Кривичи, как и новгородские словене, осваивали свои исторические земли с V—VI вв., причем именно в это время на северо-западе бывшей территории СССР могли появляться топонимы на *-ль*, *-ля* (Агеева Р. А., Микляев А. М. Топонимы с *-ля*, *-ль* на Севе-

ро-Западе СССР и проблема восточнославянского расселения // Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1979).

Археологические материалы указывают на места и других вероятных поселений на пересеченной местности Гомель, но, к сожалению, названия этих поселений восстановить невозможно. К IX—X вв. на месте разрозненных поселений вырос город, выступавший в дальнейшем под именем *Гомель*. В это время топоним *Гомель* уже не выступал в качестве обозначения местности вообще, поскольку в данной местности существовало одно большое поселение, включившее в себя ряд предшествующих. Именно поэтому собственно топоним стал ойконимом. Такова, на наш взгляд, его история.

Гомель

С. И. АЗБЕЛЕВ,
доктор филологических наук

История о древненовгородском купце Садко широко известна благодаря знаменитой опере Н. А. Римского-Корсакова, современной экранизации этого одного из лучших произведений русского эпоса. Чудесное обретение богатства бедным гусляром, сказочное пребывание его в подводном царстве, волшебная игра Садко на гуслях, под которую расплясался морской царь, удачное возвращение из пучины — это памятно еще с детства из популярных книжек.

Однако Садко — не вымышленный персонаж. Повествования о приключениях его — не сказки, а былины, которые записывались более двухсот лет «с голоса», от исполнителей эпических песен. Но былина тем, в частности, и отличается от песни исторической, что она совмещает в себе достоверные сведения с элементами мифа или сказки. В былинах о Садко сказочно-мифологические наслоения особенно обильны. Им прежде всего и обязан Садко своей известностью вплоть до нашего времени.

Прототип былинного героя привлек внимание многих русских летописцев как ревностный христианин. Свыше пятисот лет простоял в центре Новгорода огромный храм в честь святых Бориса и Глеба, построенный богачом Садко; об этом сообщают более двадцати летописных памятников. В древнейшей из дошедших до нас летописей Новгорода читаем, что в 1167 году «заложи Сьдко Сьтиничъ церковь камяну святую мученику Бориса и Глеба» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. С. 32).

В других летописях встречаем разного рода уточнения места, где находился храм. О самом храме сообщается немало подробностей: говорится, например, об освящении построенной Садко церкви в 1173 году, о восстановлении ее после пожара в 1441-м, о разборке обветшавшего здания в 1682 году. Имя строителя разнится в летописях незначительно: *Сотко*, *Сътко*, *Содко*, *Сотка*, *Сотке*, *Сотъке*. В былинах формы имени почти те же: *Садко*, *Садке*, *Сотко*, *Садка*, *Садок*. Отчества своего героя былины не сохранили, но постройку им храма запомнили прочно. Имена строителя и его отца обычны для того времени: в сходных формах они попадают иногда в древнерусских документах (Тупиков Н. М. Словарь древне-

русских личных собственных имен. СПб., 1903. С. 384; Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967. С. 71—72).

За сорок лет до того, как Садко Сытинич начал строить храм Бориса и Глеба, в городе произошел переворот. Новгородцы изгнали своего князя Всеволода Мстиславича (внука Владимира Мономаха). Новгородское княжество стало республикой, часто сотрясаемой междоусобными столкновениями. Борьба за власть между противостоящими группировками, нередко доходившая до многолюдных кровавых схваток, длилась здесь триста пятьдесят лет: вплоть до упразднения республиканского строя Иваном III, который завершил объединение русских земель, присоединив Новгород к Московскому государству. Через несколько лет он уничтожил татаро-монгольское иго, которое продолжалось двести пятьдесят лет (а установилось, как известно, из-за раздоров тогдашних правителей Руси).

Уместно об этом напомнить, ибо князья Борис и Глеб (сыновья Владимира Святого), вероломно убитые в 1117 году братом, домогавшимся власти, были причислены русской церковью к лику святых уже в 1171-м. Убийца их, Святополк, получил в истории прозвание Окаянного, а святые Борис и Глеб стали религиозным символом противостояния междоусобным браням, духовными покровителями княжеского рода. Их имена освящали принцип нерушимости наследственных прав.

Возведение в центре средневекового Новгорода, в его цитадели, внушительного храма в честь этих святых имело важный политический смысл. Этот акт символизировал собой осуждение кровавых раздоров, проявление симпатии к княжеской династии, уже не обладавшей реальной властью. Археологами изучены остатки постройки Садко Сытинича. Как писал известный исследователь древнего Новгорода, археолог и искусствовед М. К. Каргер, этот храм «представлял исключительно монументальное сооружение, не уступавшее по своим размерам одной из самых величественных построек Новгорода — собору Георгия в княжеском Юрьеве монастыре» (Каргер М. К. Новгород. Л., 1970. С. 69—70).

В былинах говорится неодинаково о поводах построения церкви. Самую раннюю запись находим в знаменитом Сборнике Кириши Данилова. Как и в других былинных вариантах, здесь Садко соревнуется в богатстве с Новгородом: он берется один скупить все товары тамошних купцов. В одних вариантах быliny ему это удастся, в других — нет. Согласно записям Кириши Данилова, Садко трижды выигрывает состязание. Каждый раз, возводя храм, он воздаст небесам благодарность. Былина, таким образом, сообщает о трех церквях, построенных Садко. Это свидетельствует о том, что он хорошо запомнился как выдающийся храмоздатель — хотя величественная церковь, реально сооруженная на его средства, давно не существовала уже ко времени, когда начали записываться быliny.

Но народная память продолжала приписывать Садко постройку Софийского и Никольского соборов, воздвигнутых на самом деле новгородскими князьями в ту пору, когда они были еще полновластными правителями. У Кириши Данилова читаем:

И влаживал ему Бог желанье в ретиво сердце:
Шед Садко, божей храм соорудил
А и во имя Сафёи Премудрия,
Кресты, маковицы золотом золотил,
Местны иконы изукрашивал
Изукрашивал иконы, чистым земчугом усадил,
Царские двери вызолачивал.

(Древние русские стихотворения,
собранные Киришей Даниловой. М., 1977. С. 146).

В таких же выражениях былина повествует далее о постройке храма во имя святого Николая.

Оказывается, что уже более четырехсот лет назад народная молва приписывала строителю великолепной церкви в честь князей-мучеников Бориса и Глеба и причастность к возведению древнейшего княжеского собора — святой Софии, ставшего государственным символом Новгорода. Летописцы XII — XV веков правильно указывали, что создателем этого храма был сын Ярослава Мудрого. Но составлявшаяся в конце XVI века так называемая Новгородская вторая летопись сообщает под 1045 годом: «Заложил князь Володимир Ярославич и владыко Лука святую Софию каменную в Великом Новгороде, Сотко Сытинич и Сытине» (Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 30. С. 177). Летописец переписал основную часть текста из своего древнего источника, а добавление сделал, очевидно, на основании былины. Добавление это исторически недостоверно, поскольку между построением Софийского собора и храма Бориса и Глеба прошло больше 120 лет, но оно показывает, насколько доверяли в те времена устному эпосу.

Влияние былины заметно и в поздних летописях: строитель самого храма Бориса и Глеба порой именуется в них не *Сотко Сытинич* (как в древних летописях), а *Сотко богатой*, что, конечно, навеяно былинной формулой *Садко богатый гость*.

Сюжет о построении храма содержала и другая былина о Садко — та, где говорится о том, как герой попадает на дно морское. Вернуться оттуда ему удастся лишь по совету святого Николая. В благодарность святому Садко строит церковь. Но здесь вновь следует обратиться к записи Кириши Данилова. В ней нет такого утверждения, но из текста ясно, что церковь святого Николая стояла в Новгороде еще до того, как Садко, ее прихожанин, отправился в плавание:

Ото сна Садко пробужался,
Он очутился под Новым-городом,
.....

Узнал он церкву — приход своих,
Того Николу Можайскаго,
Перекрестился крестом своим.

(Древние русские стихотворения... С. 181—182).

Борисоглебская церковь, в отличие от Никольской, в былинах не упоминалась. Причину такой «забывчивости» академик А. Н. Веселовский объяснял подменой в былинном эпосе одного понятия другим. Это происходило, по его мнению, в частности, из-за известной близости дат церковного чествования святого Николая и святых Бориса и Глеба (Веселовский А. Н. *Былина о Садке*//Журнал Министерства народного просвещения. 1886. № 12. С. 279). Со временем св. Николай стал особенно популярным именно в Новгороде, где существовала даже «братчина Никольщина» (куда вступает былинный Садко) — купеческое сообщество, небесным покровителем которого считался этот святой. Он же покровительствовал мореплавателям, а Садко, согласно наиболее распространенной из былин, вел заморскую торговлю, и караван его кораблей чуть не погиб от бури.

В позднем варианте этой былины рассказывалось о том, как *Садко богатый* возвел церковь именно святому Николу. Как считал Веселовский, «на этой стадии развития легенда осложнилась далее теми элементами сказки, которыми наполнены, за исключением эпизода о Николу, дошедшие до нас былины» (Там же. С. 280).

Былинные истории о морском царе и его воздействии на судьбу Садко, конечно, сказочного происхождения. Со временем они дополнились еще одним сюжетом о Садко: бедный гуслир на берегу Ильменя услужил своей игрой повелителя водной стихии, за что получил от него богатство. Это стало как бы предисловием к основной былине о состязании богатого Садко с Новгородом (хотя есть и другие былинные версии того, как разбогател наш герой).

Финальной же в образовавшемся цикле была та самая былина, где Садко, вынужденный отблагодарить морского царя за богатство, попадает в его подводное царство, рискует остаться там навсегда, — если бы не мудрые советы святого, позволившие ему вернуться в Новгород.

Недавние исследователи былин о Садко пришли к убедительному заключению, что это не части одной былины (которые народными певцами обычно исполнялись или по отдельности или в разных сочетаниях по две), а три произведения, появившиеся в разное время и объединенные именем одного героя (Акимов Т. М. Структура былинного цикла о Садко//Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1973. С. 153—166; Meriggi B. *La byline de Sadko*//Revue des études Slaves. Paris, 1961. Т. 39. Р. 91—103).

Основательно изучавший эпос о Садко академик В. Ф. Миллер справедливо считал исконным центральным сюжет, где Садко состязается с Новгородом: повествование могло иметь в основе историческую реальность. Не только у Кириши Данилова, но и в других

записях, именно этот сюжет изображает своего героя храмовоздателем.

Как замечал Миллер, «летопись не называет Сядка торговым гостем, но нетрудно предположить, что исторический Сотко свои богатства, давшие ему средства построить каменный храм, приобрел, как многие другие новгородские богачи, путем обширной внешней торговли». Ученый считал, что существовало «новгородское предание, составившее первоначальную основу былины»; позднее же «к имени этого исторического лица» прикрепилась «сказочные мотивы» (Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. М., 1897. С. 288).

Возможные источники подобных мотивов указывали Весселовский, Миллер и другие исследователи, причем в фольклоре не только славянских народов. Так, близкие параллели оказались, в частности, у карел, обитающих в тех же местах, где былины о Садко имели наибольшее хождение. Игру героя на гусях в подводном царстве, например, объясняли воздействием карело-финских рун.

Но самая интересная параллель, на которую обратил внимание Весселовский, нашлась во французском средневековом романе. Герой его по имени Садок, плывя в бурю на корабле, по жребию принужден был броситься в море (как виновник опасности), чтобы не погибли его спутники; после этого буря утихает, а сам Садок спасается. Такова же схема сюжета в третьей былине о Садко. Как предполагал Весселовский, «и роман, и былина независимо друг от друга восходят к одному источнику» (Весселовский А. Н. Былина о Садке. С. 283). Сам этот источник пока не обнаружен. Но следует помнить, что оживленная заморская торговля древнего Новгорода давала широкий простор международному обмену фольклорными сюжетами.

В. Ф. Миллер писал, что упомянутый эпизод о Садоке, вследствие совпадения имен, повлиял на былину, дошедшую до нас. Ученый полагал, что образ Садко-купца уже позднее расширился и приобрел черты Садко-гусяря. Так, у Кириши Данилова в одной из двух былин об игре на гусях нет речи вовсе и Садко получает богатство от Ильмень-озера за другие свои достоинства. Миллер знал еще одну запись, где говорилось о пребывании Садко у морского царя, предлагающего герою невесту, но и в ней об игре на гусях не упоминалось (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1910. Т. 2. С. 128—130). Правда, этот текст не имел начала. И уже после смерти Миллера были записаны два любопытных варианта былины о пребывании Садко у морского царя. Вот хорошо сохранившееся начало:

Еще жил Садко купец, гость богатой.
Не мало раз Садко по морю бегивал,
Морского царя ничем не дарилал (...)

(Фольклор Русского Устья. Л., 1986. С. 242).

Здесь тоже речь о невесте, но не говорится о том, что герой — гуслиар. Необязательно объяснять это позднейшим забвением: оба варианта записаны в знаменитом сибирском поселке Русское Устье, где веками сохранялась фольклорная традиция. Ее принесли новгородцы, переселившиеся сюда, согласно их преданиям, еще во времена Ивана Грозного.

Известны мифологические рассказы о том, как наш герой обогатился благодаря водяному. Некоторые из них напоминают былину, в которой Садко обогащается без игры на гусях. Уцелели рассказы, где речь идет о будто бы состоявшейся женитьбе героя на дочери водяника — в отличие от былины, где ему удалось этой женитьбы избежать (Новгородские былины. М., 1978. С. 232—242).

Сказочно-мифологические подробности в былинах о Садко — результат сложного и, вероятно, долгого взаимодействия между старинными русскими и нерусскими фольклорными сюжетами и тем историческим зерном, какое лежало в основе предания о новгородском строителе знаменитого храма XII столетия. В былинах он прославился еще и как гуслиар — подобно другому популярному герою нашего эпоса Добрыне Никитичу, хотя историческим прототипом былинного Добрыни был не богатый новгородец XII века, а государственный и военный деятель X—XI столетий.

Санкт-Петербург

ПРО ЧЕРТА ЛЫСОГО

О. Я. КОТЛИЦКАЯ

Каким мы себе представляем черта? Вероятно черным, рогатым, мохнатым, с копытами и хвостом. Отдельно, возможно, появятся и такие признаки, как нос-пяточок, клыки и т. д. Что же касается определения *лысый*, то оно, видимо, вряд ли будет присутствовать в этом наборе описательных характеристик.

В то же время выражение *лысый черт* (бес, дьявол, дядька), принадлежащее по преимуществу бранно-просторечной лексике, достаточно широко распространено. Так, по данным одного только «Словаря русских народных говоров», оно фиксируется в речи жителей Вятской, Калужской, Курской, Смоленской, Тамбовской и других областей: «Лысый <...> 2. В сочетаниях лысый бес (пес), дьявол, черт. Бранное выраж. Калуж., 1824. <...> *Отвяжись, бес лысый*. Смол., Вят. Лыс — бес. О чужом, постороннем человеке. <...> Тамб., 1858». (Л., 1965—1991).

Попытаемся высказать некоторые предположения относительно существования и сохранения в различных говорах выражения *лысый черт*. Как показывают исследования Н. И. Толстого, нынешний «дьявольский облик» складывался в поздний период, в основ-

ных чертах он заимствован из Западной Европы. «Более ранний облик, отчасти тоже книжный, зафиксированный в древнерусских миниатюрах XVII в. и особенно XVIII в., — антропоморфный. Это — черт с вытянутой шишкой головой (часто лысый), или с торчащими шишкой длинными волосами, часто с крыльями за спиной, с небольшим (куцым) хвостом и с гусиными пятками» (Толстой Н. И. Из заметок по славянской демонологии. — Народная гравюра и фольклор в России XVII — XIX вв. М., 1976).

Что же тогда такое нынешнее *лысый черт*? Почему выражение это оказывается жизнеспособным, в то время как представление, с которым оно было связано, осталось за рамками современного сознания?

Рассмотрим это словосочетание, сопоставляя его с другими названиями мифических персонажей, образованных по аналогии с выражением *лысый черт*.

Итак, первый ряд определений в народной речи представителей «потустороннего» мира: *лысый черт*, *анчутка*, *беспятый*, *хромой бес*, *лихо одноглазое*, а также такие наименования черта, как *корнохвостик* и *курдуник* (от *корный* — коротенький, куцый). Очевидно, что данный ряд образуют наименования, указывающие на недостаток или отсутствие у представителя мифического мира какой-либо конечности или иной части организма. Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров так объясняют эту особенность: противопоставление «целое — нецелое», подобно другим универсальным оппозициям, таким как «чет — нечет», «правый — левый», «свой — чужой», «дом — лес», «день — ночь» являются более конкретными противопоставлениями по отношению к главной оппозиции «реальный — ирреальный» (Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. (Древний период). М., 1965). Таким образом, признак асимметрии, «ущербности» — один из основных критериев, по которому в народных верованиях проходила грань, отделяющая мир живых людей от мира мифического, ирреального.

Отдельно следует отметить тот факт, что в нашем случае «недостатком», на который указывает название персонажа, является отсутствие у него именно волосяного покрова. Не будем распространяться о том, какую роль в народной мифологии играют волосы. Об этом существует большое количество глубоких и всесторонних исследований; вера в магическую силу волос и по сей день занимает особое место в обыденном сознании сельских жителей (достаточно вспомнить переходящие из одной диалектологической или фольклорной экспедиции в другую рассказы о длинных русалочьих волосах и мохнатой руке домового). Приведем только два способа избавиться от покойника, который «ходит» после смерти: «Если кажется, что мертвец ходит, то против него что делают, чтоб он бросил ходить? Можно волосу немножко от себя отрезать, на могилу прийти, там поджечь. Сказать надо: „Нет волос — нет

тебя". Несколько раз. Или другое, что делают: семена жарят. Садятся на порог, а потом сидишь на пороге, волоса чешешь и щелкаешь семечки. И он спрашивает: „Что ты делаешь?" А ты: „Вшей грызу!" — и он пойдет. И бросит ходить» (записано летом 1989 года в селе Таловом Воронежской обл. от Спицыной М. А. 1909 г. р.).

Итак, перед нами с одной стороны — гипертрофия волосяного покрова, с другой — его отсутствие. И за каждым из этих взаимоисключающих признаков — представления о сверхъестественных, магических способностях их носителей. В связи с этим можно, как нам кажется, говорить о *значимом* наличии — отсутствии волос, одно лишь указание на которое дает возможность подозревать связь существа, этим признаком обладающего, с мифическим миром.

Следующие попытки включения сочетания *лысый черт* в те или иные смысловые ряды относятся к исследованиям в области семантики самого слова *лысый*, этимологическим и сравнительно-историческим наблюдениям. Так, в недавно вышедшем 17-м выпуске Этимологического словаря славянских языков под ред. О. Н. Трубачева выражение *лысый черт*, бес стоит в одном ряду с такими словосочетаниями как *лысая среда*, *светлое воскресенье*, *светлый вечер*, объединенных значением слова **lyszь* (jъ) «светлый, блестящий» (= «небесный, божественный»). Этому словосочетанию, по мнению авторов словаря, могло соответствовать значение «бес, имеющий особую отметину, главный среди других» (М., 1975—1991).

Иной точки зрения придерживался А. А. Потебня, который рассматривал сочетание *лысый черт* как цельное, устойчивое, противопоставленное в какой-то мере отдельной лексеме *лысый*. Рассматривая *лысый черт* как составное наименование, А. А. Потебня находит для него соответствие в латинском *сггаге* — «вводящий в заблуждение, хитрый, лукавый». Лексическое же соответствие слову *лысый* — *calvus* (Этимологические заметки//РФВ, 1879. № 1). А. А. Потебня указывает на следующее место в Никоновской летописи, в котором он усматривает некое логическое несоответствие (цитирую по Словарю русского языка XI — XVII вв.): «<...> (1086): Се бо не поганьски ли живемъ, аще бо кто усящеть <...> свинию или конь лысь, то плюють и возвращаются назад. Ник. лет. IX, 95» (М., 1975—1991). Приведем еще два подобных примера: «Если перебежить дорогу зазец или перейти священникъ, то случится недоброе. Чтобы отвратить несчастье, надобно переломить прутики надвое, и каждую половину бросить по обь стороны; но обороны отъ священника никакой нтъ» (Трещенко А. В. Быт русского народа. СПб., 1848); «Встретится кто съ порожиимъ или на лысой лошади, лучше вернись: проку будетъ мало» (Иванов А. И. Верования крестьян Орловской губернии//90. 1900. Вып. 4).

Неясно, на каком основании *лысый конь* как дурное предзнаменование оказывается в одном ряду со священником, зайцем, свиньей и пугальными ведрами, суеверные представления о которых

достаточно сильны и в наше время. «Быть может,— высказывает предположение А. А. Потебня,— смешение этого *лыс* [eŋgaŋe.— О. К.] со следующим *лыс*, *calvus*, заставило считать лысого коня дурною встречей» (Указ. соч.).

Точку зрения А. А. Потебни разделяет Н. В. Горяев. В своем этимологическом словаре он тоже говорит о соответствии значения словосочетания *лысый черт* латинскому eŋgaŋe, которое, в свою очередь, восходит к *als- и *ars-. На этом основании в одну семантическую группу с *лысый* (eŋgaŋe) попадает, по Горяеву, и «алыра(-я) обманщик» (Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896).

А вот еще одно предположение, принадлежащее А. Г. Преображенскому: «Потебня считает это *лысый* [в словосочетании *лысый черт*.— О. К.] особымъ словомъ и относитъ къ группѣ: лат. eŋgaŋe, гот. *aigŋjon вводитъ в заблуждение, н.— нѣм. iŋgen и др. герм. Это невярно» (Этимологический словарь русского языка. М., 1959). Ученый считает, что *лысый* в сочетании с *черт*, *дядько* указывает лишь на возраст, ссылаясь на приведенное в Словаре В. И. Даля высказывание «*Лысый бѣсъ*, старый чорт», и рассматривает *лысый* в данном выражении как синоним слову *старый* и, следовательно, «то же, что *лысый calvus*» (Преображенский. Указ. соч.). Однако в этой же самой словарной статье («Лысый») В. И. Даль вслед за сочетанием, используемым в качестве доказательства своей гипотезы А. Г. Преображенским, дает наречие, однокоренное с рассматриваемым прилагательным, которое явно указывает на существование у слова *лысый* значения, отличного от *calvus*: «*Лысо говорить*, дѣлать кстр. не по правдѣ, облыжно, кой-какъ».

Отсюда видно, что синонимами в данном случае являются *лысо*, *облыжно*, *не по правде*. Более того, синонимический ряд, выстраиваемый в словаре В. И. Даля для пояснения прилагательного *облыжный*, выводит напрямую к латинскому eŋgaŋe: «*Облыжный*, лживый, ложный, сумыслу придуманный и завѣдомо солганный. Это бѣсти облыжныя. Речи твои облыжны, да и самъ ты облыжный человекъ. Всѣ дѣла его облыжны, лукавы. Облыжь ж. ложь, лживость; лукавство, подвоха...»

Убедительно? Кажется, да. Но если *лысо говорить* — «обманывать, вводить в заблуждение», то каково происхождение выражения *говорить кудряво*, а также других подобных выражений, которые можно найти, в частности, в сборнике М. И. Михельсона «Ходячія и мѣткія слова»: «181. Слогъ кудрявый (изысканная речь). Ср. А письмо очень, очень кудряво написано! Гоголь. Мертвые души. I, 8 Чичиковъ. Ср. Царь приказалъ собрать совѣтъ,

Въ которомъ всякій бы, хоть слогомъ некудрявым,
Свое представилъ: да, нѣтъ нѣтъ.

Крылово. Водолазы. (Ходячие и меткие слова. СПб., 1896).

Что же получается? Перед нами метафорические эпитеты, противопоставленные опять же по признаку наличия-отсутствия у определяемого предмета волосяного покрова, вторичное осмысление и переработка интересующего нас понятия и связанного с ним обряда.

Итак, мы видим довольно живописное полотно под названием *Лысый черт*, состоящее из разнообразных, более или менее ярких и убедительных штрихов-толкований, предположений, во многом противоречивых и даже взаимоисключающих. Такие яркие, разнообразные картины соответствуют практически всем словам и словосочетаниям, дошедшим до нас из далеского времени. Поэтому мы не можем отдать предпочтение какой-либо из приведенных здесь точек зрения. Наша задача по крупицам восстановить и соединить малейшие оттенки значений, то, что еще не утеряно окончательно.

Харьков

БОРОДА, БОРОДКА, БОРОДАВКА

А. Е. АШИКИН,
кандидат филологических наук

Увидев название этой заметки, осведомленный в этимологической литературе читатель, вероятно, подумает следующее: «Автор хочет написать о слове *борода́вка*, имеющем спорную этимологию. Он намерен привести какие-то аргументы в пользу давным-давно предложенного сопоставления *борода́вки* со словом *борода́*, происхождение которого установлено, вполне надежно. Не очень понятно, зачем ему понадобилась *боро́дка*, которая является очевидным уменьшительным производным от *борода́*? И нет ли здесь простого „пережевывания“ старой этимологии, которой ряд авторитетных ученых сейчас предпочитает другую, утверждающую, что *борода́* и *борода́вка* изначально не родственны?» Признаемся сразу: воображаемый читатель судил о намерениях автора правильно, и нам остается изложить имеющиеся соображения, попытавшись подтвердить — не без помощи слова *боро́дка* — что сближение *борода́вки* и *бороды́* остается наиболее предпочтительным.

Достаточно заглянуть в любой этимологический словарь русского языка, чтобы убедиться, что соответствия слова *борода́*, означающего волосистой покров нижней части лица, а также подбородок (не говоря о других, переносных значениях), известны во всех славянских языках. Несомненно, что это слово существовало и в доисторические времена, причем, очень отдаленные. Для праславянского, предка исторических славянских языков, лингвисты восстанавливают лексему **borda* „борода, подбородок“, которая восходит к еще более древнему — индоевропейскому — **bhardhā* „борода“. Более подробные сведения об указанных фактах лучше всего смотреть в двух фундаментальных современных трудах по праславянской лексике — московском «Этимологическом словаре славянских языков» под редакцией О. Н. Трубачева (М., 1975) и краковском «Праславянском словаре» под редакцией Ф. Славского (*Słownik praskławiański*. Kraków etc. 1974. S. 317—319) — на материалы которых мы и будем опираться в дальнейшем.

В указанных словарях нетрудно найти и сведения о праславянских **bordavъka* «бородавка, нарост» (также «грудной сосок», «родимое пятно»), послужившем источником рус. *борода́вка*, а также праслав. **bordavica* с тем же кругом значений, сравни, например, русский диалектизм *борода́вица* «бородавка».

Реконструируя праслав. **bordavъka*, **bordavica*, краковский и московский словари расходятся в их этимологическом объяснении. Первый из них принимает выдвинутую еще в начале века точку зрения, согласно которой данные лексемы являются производными от **borda* «борода» с суффиксами *-avъka*, *-av-ica*. В этом случае получается, что **bordavъka*, **bordavica* исходно обозначали — по формулировке польских ученых — «<...> бугорообразный выступ на поросшей длинными волосами коже, напоминающий своим видом бороду», а затем — любые наросты на теле человека, животного, а также растения. Московский же словарь поддерживает объяснение В. Махеска (см. еще дополнение О. Н. Трубачева: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986), по которому рассматриваемые названия бородавки возникли из первоначального **vorda*, откуда производные **vordavъka*, **vordavica*, уже вторично сблизившиеся с **borda* «борода» в результате действия так называемой народной этимологии. Предполагаемое праслав. **vorda* выводилось из сравнения рус. *борода́вка* и т. п. с немецк. *Warze* «бородавка» (В. Махек), к которому О. Н. Трубачев добавлял еще рус. *вѣред* «нарыв, гнойник», праслав. **verdъ* «то же», индоевропейск. **uerdh-* «расти».

В науке о происхождении слов нередки ситуации, когда для одного и того же слова существуют несколько возможностей объяснения — подчас совершенно различных — каждая из которых обладает своими достоинствами. Отдать предпочтение какой-то из них бывает очень трудно (а у любого слова есть только одна этимология!). Быть может, в случае с *борода́вкой* мы сталкиваемся с той же ситуацией? Более внимательное ознакомление с материалом, на наш взгляд, показывает, что дело обстоит не так.

Предположение о слав. **vorda*, **vordavъka*, **vordavica* основывается, главным образом, на сравнении с немецк. *Warze* «бородавка» (и близкими германскими фактами, ср. древнеисландск. *warta* «то же» и проч.). Никаких прямых следов форм типа **vorda* «бородавка» в славянских языках нет, и это обстоятельство привносит в данную реконструкцию большую долю гипотетичности, резко снижающую ее шансы. Русск. *вѣред* «нарыв, рана», праслав. **verdъ* «то же» здесь едва ли помогут, поскольку они, скорее всего, не родственны рус. *борода́вка* и имеют свои индоевропейские истоки, связанные со среднесверхненемецк. *warden* «ранить, повреждать, портить», древнеиндийск. *vardh-* «отрезать» и проч. (см.: Петлева И. П. Заметки по славянской этимологии I//Этимология. 1972. М., 1974. С. 96—97). Заметим, кстати, что немецк. *Warze* по правилам исторической фонетики не может восходить к и.-е. **uerdh-* «расти»,

что отражено и в «Индоевропейском этимологическом словаре» Ю. Покорного, где немецкое слово отнесено к и.-с. **uerd-* «выступ, возвышение».

Сказанное не означает, что мы пытаемся отказать реконструкции **vordavьka* «бородавка» в праве на существование. Возможность сопоставления рус. *бородавка* и нем. *Warze* не исключена и даже обладает некоторыми преимуществами семантического порядка (Петлева И. П. Указ. соч. С. 94—95), вследствие чего игнорирование этой возможности в «Праславянском словаре» представляется неоправданным. Речь идет о том, что этимология В. Махска — О. Н. Трубачева обладает несколько меньшей вероятностью, чем «добрая» старая этимология, выводящая *бородавку* от *борода*. Показательно, что значение «бородавка» появляется лишь у производных лексем, а продолжения непроизводного слав. **borda* (среди которых должны были «затеряться», сохранив свою семантику, рефлексы гипотетического слав. **vorda* «бородавка») такого значения не имеют.

Правильность сделанного вывода можно подтвердить несколькими дополнительными соображениями.

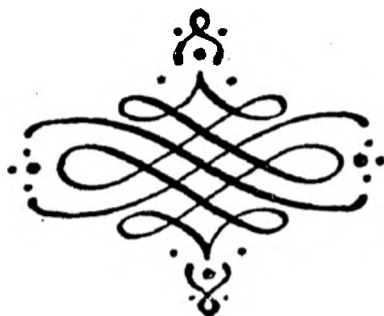
Приводя славянские факты, продолжающие праслав. **bordavьka*, выводимое из **vordavьka*, московский словарь (Т. 2. С. 200) не принял во внимание несколько весьма важных слов, учтенных в «Праславянском словаре» (Т. I. С. 320). Речь идет прежде всего о рус. диал. (новгородск.) *бороздавка* «бородавка» и польск. диал. (кашубск.) *barzówka* «то же», обнаруживающих следы исходного **borzdavьka* (-zd- вместо обычного -z- в середине слова). Одна из возможностей объяснения этой формы состоит в том, чтобы усматривать в ней отражение некоторых черт структуры соответствующих балтийских фактов, ср. наличие -zd- в литовск. *barzdà* «борода», латышск. *bārzda* «то же» (см.: Непокупный А. П. Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976. С. 20, 47). Учитывая бесспорное генетическое тождество слав. **borda* «борода», «подбородок» и указанных балтийских слов, можно полагать, что вариант **borzdavьka* «работает» на версию о родстве **bordavьka* с **borda*. Объяснить этот вариант с позиций этимологии В. Махска — О. Н. Трубачева было бы сложнее.

Весьма показательна, что процитированная выше реконструкция значения праслав. **bordavьka*, **bordavica* в «Праславянском словаре» очень хорошо согласуется с семантикой литовск. диал. *barzdūkė* «лошадиная щетка, пук волос над копытным сгибом лошади» (Lietuvių kalbos žodynas. T. I. Vilnius, 1941. P. 550) — уменьшительного производного от *barzda* «борода». Литовск. *barzdūkė*, вместе с тем, исторически идентично украинск. *борі́тка* в значении «щетка на ноге лошади» (Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Киев, 1907. С. 87), но также русскому диалектному *бородка* в значениях «бородавка» (Архангельский областной словарь. Вып. 2. М., 1982. С. 81) и, далее, «подбородок», «нижняя часть лыняной

или шерстяной кудели, привязанной к ручной прялке» (Там же), «небольшая борода», «длинная шерсть под нижней губой животного», «верхняя часть снопа», «пучкообразные корни растения» (Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Л., 1968. С. 111).

Нам остается добавить, что перечисленные факты предполагают праслав. **bordъka*, уменьшительное производное с суффиксом *-ъka* от **borda*. Ни в московском, ни в краковском словарях лексемы **bordъka* мы, однако, не найдем. Причина этого, скорее всего, заключается в том, что образования типа рус. *бородка* были сочтены относительно поздними, развившимися уже в послепраславянское время по продуктивной словообразовательной модели. При этом, скорее всего, имелись в виду не столько диалектные, сколько литературные данные — русск. *бородка*, чешск. *bradka*, словацк. *briadka*, польск. *bródka*, верхнеслужиж. *bródka*, нижнеслужиж. *brodka*, украинск. *борідка*, белорусск. *бародка*. Распространенность русск. *бородка* в народном языке, в говорах — в качестве уменьшительно-ласкательного обозначения бороды, подбородка, а также названия бородавки и других напоминающих бороду предметов (нижняя часть кудели, пучкообразные корни и проч.), — наличие весьма точного литовского соответствия, на наш взгляд, служит аргументом в пользу реконструкции праслав. диал. **bordъka*.

Подытожим сказанное. Допускаемое некоторыми учеными праслав. **vorda*, **vordavъka*, **vordavica* «бородавка, нарост, сосок груди» следует признать сугубо гипотетическими, т. е. в принципе допустимыми, но едва ли существовавшими в действительности образованиями. Несколько больше оснований есть для реконструкции праслав. **bordъka* «бородка, подбородок»; нечто «бородаобразное» (щетка на ноге лошади, верхняя часть снопа и т. п.) — наряду с бесспорными **borda* «борода, подбородок», **bordavъka*, **bordavica* «бородавка, нарост, сосок груди».

ДЕТЕЙ ПРОДАМ, ЖЕНУ В ПРОКАТ ОТДАМ

В. М. ГЛУХИХ,
кандидат филологических наук

Слова *прокат* (временное пользование ч.-л.) и *прокат* (металл) в современном языке имеют широкое распространение: первое — в сфере бытовой, второе — в специальной, производственно-хозяйственной.

Прокат — предоставление специализированной организацией во временное пользование за соответствующую плату вещей, предметов бытового и общественного назначения (холодильники, телевизоры, фильмы и др.). Под *прокатом* в этом случае понимается не только предоставление чего-либо во временное пользование за определенную плату, а также само пользование чем-либо (Словарь русского языка в 4-х т. Т. III, 1984).

Но есть и другое слово *прокат*, обозначающее первичную обработку металлов и металлических изделий. *Прокат* — один из важнейших материальных результатов «получения металла из руд и первичной обработки металлов», продукция прокатного производства (балки, рельсы, трубы, листы, полосы, ленты и мн. др.).

Эти разные слова восходят и к разным значениями одного и того же глагола движения *катать* (*катить*). Так, *прокат* (услуги) восходит к значению глагола движения, производимого в разных направлениях или в одном, совершаемого в разное время или в одно время кем-либо на чем-либо ради прогулки, для развлечения, для препровождения времени. *Прокат* (первичная обработка металлов и сам металл) восходит к другому значению глагола движения, связанного с обработкой чего-либо. Ср.: *катать на конях, на санках и катать шарики из хлеба, катать белье*. Таким образом, оба существительных оказываются омони-

мами, «которые этимологически между собой связаны и образованы из одних и тех же элементов, но возникли и жили независимо одно от другого» (Абасев В. И. О подаче омонимов в словаре//ВЯ. 1937. № 3).

Слово *прокат* (услуги) впервые фиксируется Словарем Академии Российской (ч. III. СПб, 1792). Там читаем (передаю в современной орфографии, но сохраняю пунктуацию источника.— В. Г.). «К а ч у, -тишь, покати́л, покачу́, кати́шь, покати́шь (...) 2. Везу или вожу кого на чем для забавы. Катить с горы»; «К А Т А Ю С Ь (...) 2. Езжу на чем для препровождения времени или для здоровья, чтобы движением и вольным воздухом пользоваться. Кататься на санках (...); «П Р О К А Т Ы В А Ю (...) 1. кого: катаю кого для препровождения времени (...) 2. что: употребляю, плачу за катанье. Сего дня прокатал рубль». Так, на базе глагола *прокатать* в указанном значении возникает безаффиксным способом образования отглагольное существительное *прокат*. В Словаре 1792 года читаем: «П р о к а т (...) Деньги платимые за разные вещи, которые на короткое время для употребления из лавок берут. За прокат столовой посуды заплачено столько-то. Брать, давать из прокату». Таким образом, к XIX веку вполне сформировалось новое слово-существительное мужского рода *прокат* с несколькими, органически связанными значениями: плата, временное пользование, сам предмет проката. С этими значениями слово *прокат* получает все большее распространение в языке. Последующие толковые Словари уточняют эти значения, иллюстрируя их разнообразными примерами. Так, в Словаре церковно-славянского русского языка, составленном вторым отделением Академии Наук, читаем: «П р о к а т (...) 3. Плата за вещи, взятые на короткое время для употребления. Взять на прокат столовую посуду. Взять на прокат маскарадное платье» (СПб., 1847). В Словаре В. И. Даля: «*Прокат*, отдача вещи на поддержание, из платы, и самая плата за это. *Рояли отдаются на прокат, из прокату. Итальянский король французскому государю армию свою из прокату отдавал, она в прокате была, ходила. Дороги на прокат, а гроб в крепость. Рубаху не в прокат отдавать. Детей продам, жену в прокат отдам*» и др. Эти примеры показывают, что *прокат* (услуги) функционирует как самостоятельное слово, уже никак не связанное со значением глагола движения *катать*, *прокатать*. Вещи, предметы и т. п., отдаваемые на прокат, не имеют никакого отношения к «катанию», «прогулкам», «езде на чем-либо для прогулки, для удовольствия, ради препровождения времени». В связи с этим морфологическая структура этого существительного подвергается опрощению: приставка *про-*, утратив свое значение — преодоление пространства, перемещение на какое-либо расстояние в результате движения, сливается с бывшим корнем *кат-*, также потерявшим свое первоначальное значение движения в

пространстве. Возникло слово-существительное с новым корнем *прокат-* со значением услуги. В современном употреблении: *Услуги ателье проката; бюро проката; В чем виноват прокат?; Чем богат прокат; Скромная роль проката; развивать прокат; Чем прокат отличается от кредита?; сферы проката* и т. д.

Возникают производные от слова *прокат*: *прокатчивый* — «охотно отдающий что на прокат», *прокатчик*, *-ница* — «промышленный отдачей вещей на прокат» (Словарь В. И. Даля). Эти производные слова были порождены частным предпринимательством. В современном языке они не употребляются. В наше время имеет широкое распространение наречие *напрокат*, отмеченное Словарем 1847 года: «н а п р о к а т, в виде нар. Для употребления на время и за условную плату. Взять мебель напрокат». Особенно широкое распространение в языке получило прилагательное *прокатный*, так как осуществляя прокат разные организации и предприятия в прокат вещи, предметы и т. п.: *прокатный (-ая, -ое, -ые) пункт, база, ателье, организация, фонд, мебель, сервис, фильмы, услуги* и т. д. Однако словообразовательные возможности слова *прокат* все же очень ограничены. Это, по-видимому, объясняется большой определенностью его значения и узостью его диапазона. Кроме приведенных производных слов, в Словаре русского языка (1984) отмечается еще слово *прокатчик* со стилистической пометой «разг.», в значении «лицо или организация, занимающаяся прокатом».

В прессе часто используют слово *прокат* в переносном значении: «Спортивная честь напрокат»; «Выговор напрокат».

Слово *прокат* в значении способа первичной обработки металлов и самих металлических изделий восходит, как уже было сказано, к значению глагола *катать*. Это значение у глагола *катать* Словарем 1792 года формулируется так: «К а т а ю (...) 3. Говоря о белье: прошедшее имеет «выкатал». Лошу, глажу на скалке обращая оную коловратно вальком, или на катке. Катать платье, белье». В современном Словаре это значение глагола *катать* передается так: «К а т а т ь (...) 5. (сов. выкатать). Разглаживать при помощи катка, валька. *Катать белье*» (Словарь русского языка. 1982). Характер этого действия движения более ярко проявляется в производном глаголе от *катать* — *прокатать*, благодаря приставке *про-*, обозначающей протяженность в каком-либо направлении. Со значением «лощить, гладить, проглаживать» естественно связано специальное значение «плющить, протягивать», которое впервые у глагола *прокатать (прокатывать)* отмечает Словарь Акад. 1847 года: «п р о к а т а т ь (...) 3. горн. О металлах: плющить в полосы, или листы протягиванием между вальками». Этот же Словарь приводит производные от глагола *прокатать*, в которых

одно из значений отмечается как специализированное («горн.»): «Прокатка {...} 2. горн. О металлах: плущение в вальках. Прокатка железа {...}»; «Прокатный {...} 1. Служащий для прокатывания. Шины и другие прокатные способы давно уже известны в рудокопнях Англии. Прокатный стан. Прокатные вальки». Таким образом, можно заключить, что слова *прокатка* и *прокатный* в начале XIX века начинают функционировать как обозначения способов первичной обработки металлов. Но в Словаре 1847 года еще нет слова *прокат* в значении, близком к современному, хотя одно из значений (второе) этого слова приближается к специальному. Ср.: «Прокат {...} 2. Колея на дорогах; рельс». Итак, можно говорить, что к середине XIX века начинает формироваться новое слово *прокат*, омонимичное слову *прокат* (услуги), уже широко употребляемому. Более определенно становление нового слова в ряду родственных слов фиксируется в Словаре В. И. Даля: «Прокáтыва́нье дл. проката́нье ок. прока́т м. прока́тка ж. дейст. по гл. Прокатка железа, плущенье {...} / Прокат {...} колея дорожная, либо рельс. Паровоз идет по железному прокату {...} Прокатный, — точный, к прокату отнщс. Прокатный стан, плющильный. Прокатная пуля, не литая, катанная, рубленая {...}». Семантика слова *прокат* в современном его употреблении такова: «ПРОКАТ' {...} Тех. 1. То же, что прокатка. Прокат рельсов. 2. собир. Металлические изделия, получаемые прокаткой. 3. Прокатный стан» (Словарь русского языка. 1984). Слово *прокат* в этом употреблении сохраняет живые этимологические связи с корнем *кат-* и, следовательно, имеет членимую морфологическую структуру: *про-* приставка (со значением направленности действия-движения между чем-либо) и корень *кат-*, который легко осознается и выделяется благодаря родственным словам: *катанка*, *недокат*, *подкат*, *раскат*, *окатыши* и др. (металлический полуфабрикат); *прокатанный*, *прокатываемый* (металл), *горячекатаный*, *холоднокатаный* (лист, сталь, металл); *катать*, *катали*, *катаем* (нужный профиль, лист и т. п.); *прокатывается* (металл) и т. д.

Слово *прокат* дало производные слова: со специализированным значением признака, свойства, характеристики, производственной предназначенности — *прокатный* (вальки, стан, оборудование, продукция, дефекты и т. д.); со значением производственного подразделения и его места, предприятия, организации и т. п. — *прокатный*, *листопрокатный*, *сортпрокатный* (цех), *прокат-монтаж* (управление), *мартен-прокат-электриков* (ремонтный куст) и т. п.; со значением рабочего, специалиста — *прокатчик*, *листопрокатчик*, *сортпрокатчик*, *прокатомонтажник* и др.

Таким образом, слово *прокат* (услуги) и *прокат* (металл) как омонимы не вызывают сомнения. Они возникли в разное время на базе разных значений этимологически одного и того же глагола.

Эти значения наиболее ярко проявились в производных от этого глагола формах *прокатать* (*прокатывать*), которые постепенно семантически изменились и разошлись между собой. Слово *прокат* (услуги) впоследствии совершенно утратило связи со своим исходным глаголом движения и стало самостоятельным словом с собственной морфологической структурой. Слово *прокат* (металл) прочно сохранило живые этимологические связи со своим исходным глаголом и обусловленную этими связями членимость своей морфологической структуры. Каждый из омонимов обзавелся своей семьей родственных слов.

Магнитогорск

Я. Г. СОЛОДКИН,
доктор исторических наук

В начале XVII века в России разразилась гражданская война. Недовольство политикой правящих кругов привело к крупным выступлениям крестьян, холопов, посадских низов, а также казачества и части высших феодальных сословий. Тогда же страна подверглась вторжениям польско-литовских и шведских войск, набегам крымских татар. Затянувшееся почти на два десятилетия лихолетье получило название Смуты, Смутного времени (гораздо реже оно определялось как разорение, «межусобное кровопролитие», «межусобная брань»).

В оценке Авраамия Палицына, выдающегося публициста и известного политического деятеля начала XVII века, переживаемые события явились «бедой во всей России» и общерусским «смятением». Про «смятение» (иногда «смятение велие») читаем в повестях, летописях, записках и документах XVII века.

В повести о «рождении» Скопина рассказывается, как «смутися Русская земля». Из Сказания о Гришке Отрепьеве узнаем, что при появлении отрядов самозванца под Черниговым «смутишася черные люди [городские низы.— Я. С.] и перевязаша восвод». По словам видного писателя первой четверти XVII века князя И. А. Хворостинина, «сопоставляя народы [чужеземцы.— Я. С.] смутили наши блаженные роды». Патриарх Гермоген заявлял в 1606 году, что Лжедмитрий I «смутил Московское государство», того же якобы

хотят и восставшие против царя Василия Шуйского.

Составители официальных документов того времени уверяли, что смуту «учинили» Лжедмитрий I, поддержавшие его жители Северской земли и поляки, а затем восставшие против царя Василия служилые и «черные» люди южнорусских уездов. «Воровской смутой» считали восстания в Астрахани и Пскове.

В 1608 году царь Василий Шуйский писал предводителю рязанского дворянства Прокопию Ляпунову, чтобы он не верил *смутам*, т. е., очевидно, враждебной правительству молве. По-видимому, в том же смысле донской атаман «Епиха» Радилов в 1614 году говорил о «смутных словах» «воровских казаков», вызвавших кровопролитие в стране. Уже в Бельском летописце последней трети XVII века встречаем слово *смута* в нескольких значениях. *Смутой* здесь оказываются московское восстание 1605 года и движение под предводительством Болотникова; симпатии к Лжедмитрию II и тяжбы служилых людей из-за крестьян по случаю возобновления «выхода» в Юрьев день (Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975).

16 июля 1610 года смоленский дворянин Ю. Ф. Потемкин был пожалован за то, что «в смутное прискорбное время» стойко сражался с врагами, «на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился». Эти строки, кроме указания на «смутное прискорбное время», вошли в формуляр жалованных грамот начала царствования Михаила Романова, которых известны десятки. Беглый московский подьячий Григорий Котошихин, автор известного сочинения о России времен царствования Алексея Михайловича, упоминал так про «смутное время», когда «бысть в людях смятение и неприятельское нахождение» (Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. I; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1892. Т. 2).

В документах первой половины XVII века часто упоминается термин *смутное время*, а также словосочетания с ним «во все в смутные годы» восвода Прокопий Ляпунов сражался с «ворами» в Рязанском крае; в 1624 году руководители Печатного приказа докладывали царю о гибели жалованных грамот монастырям и церквям «в смутныя лета» (Весселовский С. Б. Источники XVIII главы Уложения царя Алексея. М., 1913).

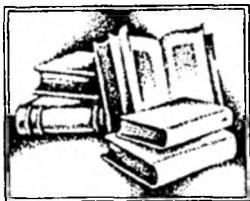
Таким образом, выражения *Смута* или *Смутное время* употреблялись в «бунташном» столетии не только для обозначения гражданской войны, иноземной интервенции, но и для наименования волнений, мятежей. Так, в царской грамоте 1634 года неудачный исход войны с Речью Посполитой объяснялся тем, что в государстве произошла смута. В челобитной служилого человека П. Протасьева (1649 г.) смутным временем назван бывший годом раньше «Соляной бунт»; так же определяется он в Новгородской Забелинской летописи конца XVII века. Вскоре после стрелецкого мятежа 1682 года в разрядном приказе составляется записка «Смут-

нос время», посвященная этому восстанию (Латкин В. Н. Земские соборы древней Руси. СПб., 1885; Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979; Андреев И. Л. Движение балашовцев//Вопросы истории. 1977. № 6).

Позднее, особенно в исторической литературе, термины *Смута*, *Смутное время* стали использоваться для обозначения бурных событий начала XVII века. В 20—30-х годах XX века советские историки решительно отказались от этого определения как «дворянско-буржуазного». Оно стало возвращаться в научную лексику только сейчас, видимо, потому, что «не только соответствует словоупотреблению эпохи, но и достаточно точно отражает историческую действительность ...Начало XVII века и впрямь Смутное время: все в движении, все колеблется, размыты контуры людей и событий», налицо «сложнейшее переплетение разнообразных противоречий — сословных и национальных» (Кобрин В. Б. Смутное время — утраченные возможности//История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991).

Кустанай

*Л. Г. Павлова. СПОР, ДИСКУССИЯ,
ПОЛЕМИКА*

Вышедшая в 1991 году в издательстве «Просвещение» книга Д. Г. Павловой «Спор, дискуссия, полемика» очень своевременна. Обучение старшеклассников полемическим навыкам — актуальная задача. Молодые люди должны уметь аргументированно отстаивать свои убеждения, доказывать правильность или ошибочность выдвинутой точки зрения, обосновывать определенное понимание новых явлений действительности. Ведь от гражданской позиции молодежи, ее социальной активности будет зависеть судьба нашего отечества.

В книге Л. Г. Павловой даются основы полемического мастерства. Изложение материала автор начинает с определения самого понятия «спор», уточнения его сущности, описания разных видов публичной дискуссии. Книга содержит интересные сведения из истории искусства спора, знакомит юных читателей с выдающимися представителями теории и практики публичной полемики разных времен.

В книге рассматриваются основные требования культуры спора и правила его ведения. Автор показывает, как выбрать предмет спора и не потерять его в процессе обсуждения, как оперировать понятиями, как отвечать на вопросы и т. д. Специальная глава отведена умению слушать, что не менее важно, чем умение говорить.

Большое внимание в книге уделяется искусству аргументации, которое необходимо и для доказательства истинности выдвинутых положений, и для опровержения точки зрения оппонента, разоблачения неверных утверждений противника. Автор приводит примеры разнообразных полемических приемов и уловок, характеризует различные логические и психологические доводы, анализирует логические ошибки в ходе доказательства и опровержения.

Важной особенностью книги является изложение нравственно-этических принципов и правил спора в духе нового времени. Автор подчеркивает, что главной задачей полемического обсуждения спор-

ных вопросов должно быть не уничтожение противника, а поиск истины, достижение взвешенного, разумного компромисса. Л. Г. Павлова учит молодежь ведению конструктивного диалога, уважительному отношению к личности оппонента и его взглядам.

Книга легко читается. Броские названия глав имеют подзаголовки, точно отражающие содержание последующего текста. Каждую главу заключает «памятка полемиста», в которой кратко формулируются основные выводы, даются советы и рекомендации участникам спора. «Словарик полемиста» содержит толкования основных терминов искусства спора.

Несомненное достоинство книги — использование многочисленных примеров из произведений художественной литературы отечественных и зарубежных авторов. Это позволяет наглядно и убедительно представлять различные ситуации в споре, расширяет кругозор учащихся, усиливает воспитательное значение книги.

«Спор, дискуссия, полемика» — хорошее пособие для самообразования. Уверен, что книга Л. Г. Павловой с интересом будет прочитана не только старшеклассниками, но и учителями, и всеми, кого волнуют проблемы общения, ораторского искусства, полемического мастерства.

Н. Н. Масевский,
кандидат филологических наук
Ростов-на-Дону

Г. Г. Граник, С. М. Бондаренко, Л. А. Концевая.
СЕКРЕТЫ ОРФОГРАФИИ.

Эти «Секреты», предназначенные для внеклассных занятий и уроков русского языка в 5—7 классах средней школы, изданы в 1991 году издательством «Просвещение». Добавим также, что они с успехом могут использоваться и в начальной школе.

Книга состоит из двух частей. В первой — рассказывается о возникновении письменности, об алфавите, о том, как соотносятся звуки и буквы. Во второй части речь идет о правилах правописания корней и приставок. В настоящее время авторы работают над новой книгой — «Еще раз о секретах орфографии», в которой они расскажут о правописании суффиксов и окончаний.

«Секреты орфографии» могут быть поставлены в один ряд с широко известными книгами М. В. Панова («А все-таки она хорошая. Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках». М., 1964; «Занимательная орфография. Книга для внеклассного чтения учащихся 7—8 классов.— М., 1984), с учебником «Русский язык». Ч. I—IV. Экспериментальные учебные материалы для средней школы. Под ред. И. С. Ильинской и М. В. Панова. М., 1979. Роднит все эти пособия единая теоретическая концепция. Это концепция Московской фонологической школы. В соответствии с ней основным принципом орфографии является фонематический принцип.

Мысль о том, что фонема повелевает буквами, проходит через всю книгу. Учебники, по которым учатся наши дети и в начальной и в средней школе, ориентированы на другое правило: буква — «слуга морфемы». Это позиция Ленинградской фонологической школы. Если в учебнике средней школы это правило явно не формулируется, а оказывается подспудно заложенным в теоретических основах учебника, то в начальной школе морфологическая основа орфографии просматривается очень четко.

Авторы «Секретов орфографии» уделяют много внимания чередованиям в корне слова. Чтобы разъяснить сущность таких чередований, их делят на позиционные и непозиционные. Рассказывается, что позиционные чередования не передают оттенков значений (дуб — дубы), а непозиционные изменяют лексическое значение (налечу — налетишь). И далее внимание читателя обращается на непозиционные чередования (с. 169). Заметим, однако, что при разборе их авторы не дают необходимых, на наш взгляд, разъяснений и это затрудняет осознание материала школьниками. Такое разъяснение было бы тем более уместно, что дальше (с. 173—200) идет очень

подробный разговор о корнях с чередованием, по отношению к которым надо применять целый набор правил. Авторы книги демонстрируют нам корни с чередованием, которые не подчиняются главному — фонемному — правилу, а имеют много «командиров». В зависимости от того, какое правило управляет корнем, авторы группируют эти корни. Книга «Секреты орфографии» привлекательна не только тем, что учит правописанию. Делает ее интересной то, что о серьезном в ней говорится увлекательно, с выдумкой. Понимая, что работать с пособием детям придется долго и настойчиво, авторы пытаются скрасить труд школьника. Рядом с тренировочными упражнениями они помещают рисунок спортсмена, приглашая ребят на тренировку. Изображение солнышка обозначает перемену. Перемены заполнены песенками-напоминалками, ворчалками Винни-Пуха, включают и рассказ инопланетян об их впечатлениях о жителях Земли. Стихи И. Никитина, А. Блока, В. Хлебникова, В. Маяковского и других поэтов помещены на страницах книги.

Что такое орфографическая зоркость, самоинструкция, слуховая, зрительная, двигательная, речедвигательная память, как найти слово в словаре, что изучает этимология,— обо всем этом можно прочитать в новой книге.

Однако учителю нелегко будет соотнести издающиеся в настоящее время учебники русского языка с материалами «Секретов орфографии». Скорее всего учителя будут использовать из этой книги отдельные примеры, упражнения, но всю целиком включить ее в учебный процесс они вряд ли смогут из-за разных теоретических концепций, лежащих в основе учебников и этой книги.

Необходим альтернативный учебник для начальной и средней школы, который строился бы на концепции Московской фонологической школы, и был бы основой для использования книг, написанных авторами данной ориентации.

*С. В. Чернова
Киров*

Словарь разговорной лексики русского языка

В издательстве Dieter Lenz Verlag, Berlin начинает выходить Словарь разговорной лексики русского языка (на материале современной художественной литературы и прессы). Этот Словарь, насчитывающий около 20.000 заглавных слов, намечено выпустить в 4-х томах (1991—1994 гг). Он содержит лексику современного русского разговорного языка в широком смысле этого понятия, включая элементы городского просторечия, арг, жаргонов, а также иноязычные слова, профессионализмы, диалектизмы, которые общеизвестны и широко употребляются в повседневной устной речи и встречаются в произведениях современных русских писателей и в публицистике.

В Словаре будут даны толкования слов на русском языке, иллюстрации их употребления, указания на источники, грамматические, этимологические и словообразовательные сведения. Для примера приводим несколько словарных статей.

Адида́сы, -а, м.

О чем-л., (обуви, спортивном костюме и т. п.), изготовленном фирмой Adidas.

«Не забудем, что деньги, на которые Юрий Мелитонян и его товарищи раскатывают по городам и весям, одсеваются в „адидасы“ и „пумы“, заработаны трудом миллионов советских людей — они вправе знать, как, на что и для чего эти деньги тратятся» (Л. Г., 6.8.1986, 13).

— от названия немецкой фирмы Adidas (собст. имя Adi Dassler).
Алкогло́тик, -а, м. уничиж., пренебр.

То же, что алкоголик, пьяница.

«В сенках Жориного дома горел керосиновый фонарь, в самом же дому свету не было. Жора осторожно разулся и не пошел, а прокрался в избу, прижав палец к губам, чтобы и я держал себя тихо. Но, как только приоткрылась дверь, на кровати воспрянула фигура в белом и зашарила рукой в поисках спичек.— А-а, слепшарая пьяница! Алкоглотик пропашный, яви-и-илса-а! — чиркая, ломая спички, в рубахе китайского шелку, косолапая, ширококоротая баба соскочила с кровати и зажгла лампу» (В. Астафьев. Место действия//Наш современник. 1986. №5).

Аля́ска, -и, ж.

Теплая стеганая нейлоновая куртка (пальто) яркой расцветки. «Несколько дней назад Татьяна купила себе стеганое пуховое пальто за 200 руб. на деньги, заработанные Сергеем сверхурочно. Купила с рук, так же, как и куртку „аляску“ старшему сыну» (Московские новости//1981. 15 мая).

— Аляска — имя собств., название полуострова в Северной Америке.

Аляски, мн.

Толстые поролоновые (обычно яркой расцветки) сапоги на резиновой подошве.

«И, во-вторых, еще маленькая деталь. Может быть, лишнее писать об этом, но... Топтать ковры Дворца съездов „луноходами“ и „алясками“ и т. п.— эстетично ли это?» (Л. Г., 1986. 5 февр.)

Аэродром, -а, м.

1. О чем-л. очень большого размера.

«... Ты первый секретарь, у тебя солидный кабинет стол-аэродром, тебя приглашают на аппараты в РК КПСС... Но это пока день уважения не тебе лично, а районной комсомольской организации...» (Юность. 1986. № 11)

2. Насмеш. О кепке большого размера, которую обычно носят, изготовляют в Грузии. «И я подошел и нарочно небрежно бросил пальцы к виску, под свой клетчатый кепарь, и формой и размерами очень похожий на знаменитый грузинский „аэродром“». (Г. Немченко. Вороной с походным выюком//Наш современник. 1986. № 6). «Тут были эскизы... обуви, начинающейся с блокчей, металлических отверстий для шнуровки и кончающейся капюшоном: ботинки переходили в брюки, брюки в рубашку, рубашка в капюшон, а капюшон венчался длинным козырьком-аэродромом, также пробитым ботиночными блочками (В. Повеляев. Между собакой и волком. Год синей крысы//Октябрь. 1984. № 12)

— От аэродром (место взлета, посадки и стоянки самолетов).

Подготовительная работа по составлению основного словаря Словаря нами уже закончена. Однако мы хотели бы обратиться к читателям журнала «Русская речь» с предложением принять участие в сборе слов и примеров с их употреблением для более полного охвата материала. При желании мы вышлем инструкцию по сбору материала. При выходе Словаря из печати всем активно участвовавшим в его составлении высылается бесплатно один экземпляр. Наш адрес Dr. S. Koester-Thoma, Freie Universität Berlin, Garystraße 55, 1000 Berlin 33.

ДВА ВЗГЛЯДА НА ОДНУ ПРОБЛЕМУ

Светлые, серые, зеленые, голубые ... зрачки?

Откроем новый четырехтомный академический словарь на 622-й странице: «Зрачок, -чка, м. Отверстие в радужной оболочке, через которое свет проникает внутрь глаза. *Расширение зрачка*». В словарной статье приводится и пример употребления данной лексемы в контексте: «*Большие, внимательные и спокойные, с золотистыми искорками вокруг больших зрачков, они (глаза) были очень хороши*. В. Кожевников. Март—апрель». Синонимичны рассматриваемому существительному *зрачок* архаизмы *зрак* и *зеница*.

Казалось бы, все ясно и недвусмысленно. Однако в реальной речевой практике слово *зрачок* весьма часто и неоправданно употребляется в значении «радужная оболочка, радужка». Насколько распространено указанное семантическое недоразумение, свидетельствуют приводимые ниже примеры из произведений русскоязычных авторов разных времен и поколений:

...в одну минуту горница опустела, и все стало тихо вокруг Степана Михайловича, у которого еще долго темны и мутны были голубые зрачки глаз, долго и тяжело он дышал, и грудь его высоко подымалась, потому что он сдержал свое бешенство, не удовлетворил своему разгоревшемуся гневу (С. Аксаков. Семейная хроника. Молодые в Багрове);

Девочка медленно закрыла глаза. Когда она вновь их открыла, то Григ заметил, что зрачки у нее зеленоватые и в них поблескивает огоньками золотая листва (К. Паустовский. Корзина с словыми шишками);

Большие карие глаза, зрачки которых чуть уходили под верхние веки... (В. Ардов. Этюды к портретам. Владимир Маяковский);

Олешу нельзя было назвать волком. Но глаза у него были лесные. Знаете — такие светлые-светлые, даже зрачки кажутся светлее белков (В. Ардов. Этюды к портретам. Юрий Олеша);

Спокойные серые зрачки буравили мои глаза (Москва, 1982, № 4, с. 135);

Глаза у Оксанки были крошечные, как и пальчики, как ручки, как курносый Сашенькин носик, а зрачки огромные, голубые, заполнявшие все глазное яблоко... (Ф. Горенштейн. Искушение//Юность, 1990, № 12, с. 29);

Когда глянешь в эти глубокие глазницы, похожие на совиные кратеры, на дне которых светлые немигающие зрачки, в них только и успеешь прочесть: «Все!» (А. Гиневский. На клиента//Аврора, 1991. № 10, с. 131).

Вероятно, ряд подобных словоупотреблений может быть продолжен. В компетенции лексикографов решить, свидетельствуют ли наблюдаемые факты о необходимости кодифицировать словоупотребление такого рода и констатировать развитие у существительного *зрачок* нового значения: «радужная оболочка, радужка».

Э. Д. Головина,
профессор кафедры русского
языка Кировского педагогического института

В ОПРАВДАНИЕ «НЕОПРАВДАННОГО»

В заметке профессора Кировского педагогического института Э. Д. Головиной обращается внимание на несоответствие целого ряда цитируемых употреблений слова *зрачок* в художественной литературе его словарным толкованиям. Сама Э. Д. Головина называет эти словоупотребления «неоправданными», «недоразумением», а в письме к редакции «Русской речи», сопровождающем рукопись заметки, определяет их как вызванные «вопиющим и стойким семантическим заблуждением». В некотором (не скажу — вопиющем, но все-таки заметном) противоречии с такой оценкой приводимых фактов находится сквозящая в конце заметки готовность «констатировать развитие у существительного *зрачок* нового значения». Если налицо «вопиющее заблуждение», то нет проблемы; если же есть проблема, то целесообразно ли ее изложение предварять столь жестким и безапелляционным суждением? То есть, как бы сначала выносятся приговор, а уж потом предлагается рассмотреть дело...

Дело же действительно любопытное и заслуживает более пристального взгляда.

Всякое описание языка, его устройства и функционирования является некоторым упрощением реальности. В полной мере это относится к толковым словарям. Они всегда стремятся представить систему значений более четко, выпукло и контрастно, чем она явлена в реальном каждодневном языковом опыте. Прежде всего в словари не включаются (в виде иллюстративного материала, а тем более как основа для суждений о семантической структуре слова) такие словоупотребления, которые характеризуются неопределенностью значений, диффузностью, случаи нейтрализации — погашения семантической противопоставленности и т. п. Лексикографы хорошо знают, как при составлении словаря трудно бывает «распределить по значениям» текстуальные иллюстрации. Разные лексические значения нередко предстают не столько областями с твердо выявляемыми границами, сколько некими точками семантического притяжения, между которыми вибрирует языковая материя. Словарное описание неизбежно упрощает и оголяет семантическую картину, исключая из нее случаи смысловой неопределенности. Авторитет-

ный лексиколог академик Д. Н. Шмелев по поводу наблюдаемых фактов семантической нейтрализации и диффузии заметил: «То, что лексикографические описания не отражают этого (более того, именно стремятся освободить словарные статьи от «неопределенных» примеров) существенно искажает представление о семантической структуре описываемых слов».

Со словом *зрачок* вышло так, что лексикографы, движимые понятной жаждой определенности, сосредоточились лишь на одном из возможных полюсов семантического варьирования, упустив другой. Самые обычные контексты существительного *зрачок* (например, *отразиться в зрачках, направить зрачки, сдвинуть зрачки к переносице* и мн. под.) не дают возможности вполне ясно сформулировать его значение — «проницаемое для света отверстие, сквозь которое он попадает в толщу глазного яблока и к зрительным рецепторам» или же «iris», способная сокращаться радужная каемка вокруг этого отверстия». Эти значения можно описать как разные, но четкое их различие в конкретном контексте обычно затруднительно. И не в силу «неумения» носителя языка их разграничить, а по той простой причине, что нам, как правило, нет большой нужды в столь строгом анатомическом анализе. Ведь говорим же мы *голубые глаза, карие глаза, черные очи*, не задумываясь о том, что голубым или черным у человека является, собственно, не весь глаз, а только iris, радужка. Уточнения подобного рода в обиходной речи покажутся непозволительным среди нормальных людей педантизмом.

Можно предположить, что категорическое разграничение словарями значений «светопроницаемое отверстие» и «радужная каемка» поддерживается традицией, корни которой лежат в специальной сфере — в анатомической терминологии, где появление словосочетания *радужная оболочка* (искусственность, ненародный характер которого ощущается весьма явственно) вызвано как раз стремлением преодолеть «диффузность», семантическую «нечленораздельность» народного *зрачок* (ср. еще *зеница, зенко* и т. п.). Ориентация на строгость анатомической терминологической традиции вряд ли в подобных случаях убедительна. Иначе мы вынуждены были бы «исправлять» себя в употреблении, например, слова *плечо*. Мы его понимаем как «часть туловища от шеи до руки» (ср. *взвалить на плечи*), а анатомы — как «верхняя часть руки от подмышечной впадины до локтевого сгиба» (я вспоминаю свое недоумение, когда в школьные годы узнал, что *предплечье* — это часть руки от локтя до кисти: мне это показалось тогда жуткой терминологической несусветицей).

Оценка семантики обычных слов по меркам терминологической лексики привела проф. Э. Д. Головину к тому, что «заблуждением» сочтены были примеры использования слова *зрачок* такими добротными писателями и, без сомнения, знатоками языка, как С. Аксаков и К. Паустовский (между прочим, цитата из «русскоязычного»,

как его обозначил наш оппонент, Аксакова показывает, что значение «радужка» у интересующего нас слова отнюдь не является, вопреки Э. Д. Головиной, новым).

Мне кажется, что решение проблемы, которой касается Э. Д. Головина, предложено ею самою: констатировать в толковых словарях наличие у слова *зрачок* значения «радужная каемка». А может быть, лучше — давать в объяснительных лексиконах определение «отверстие вместе с окаймляющей его радужкой». Оно и смогло бы оправдать в наших глазах все «неясные», «противоречивые» и «вопиющие» контексты, которых избегают толковые словари. Полную аналогию последнему варианту представляют словарные толкования технического понятия *диафрагма*, например, у Ожегова: 2. «Свстонепроницаемая преграда в оптических приборах с отверстием, пропускающим лучи». При таком определении не возникает желания объявить «недоразумением» употребления этого слова в стандартных контекстах *увеличить диафрагму, меньшая диафрагма*, увидев в них резкое противоречие контекстам типа *лепестки диафрагмы*.

А. Ф. Журавлев,
доктор филологических наук

ТОРЖЕСТВОВАЛ ЛИ ПУШКИНСКИЙ КРЕСТЬЯНИН?

И. А. ЕСТЬКОВА,
кандидат филологических наук

В нашумевших «Прогулках с Пушкиным» Абрама Терца (Андрея Синявского) есть такое место:

«Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь...

(Какой триумф по ничтожному поводу!)» (Октябрь, 1989, № 4).

Эти строки из «Евгения Онегина» привлекли внимание и Д. С. Лихачева, который тоже задастся вопросом «Почему „торжествуя“? Стало ли крестьянину легче ездить? Почему „обновление пути“ по свежевыпавшему снегу связано у крестьянина с каким-либо особым торжеством?»

В отличие от первого автора академик Д. С. Лихачев не считает повод для торжества «ничтожным». Напомнив читателю предшествующую (первую) строфу пятой главы романа, он пишет: «Если бы осенняя погода без снега простояла дольше, озимые погибли бы. Крестьянин торжествует и радуется снегу, ибо выпавшим снегом „на третье в ночь“ спасен урожай» (Лихачев Д. С. Раздумья. М., 1991. С. 249—250).

Эти оценки основаны на недоразумении. Оба автора не учли, в каком значении употреблен здесь Пушкиным глагол *торжествовать*. А употреблен он в совершенно ныне утраченном значении «праздновать, отмечать какое-нибудь событие». Из «Словаря языка Пушкина» можно узнать, что в таком значении этот глагол встречается в текстах поэта 8 раз (а всего — 30 раз, причем остальные случаи приходится на значения, свойственные и языку наших дней).

В наше время решительно невозможно сказать: «Я торжествую завтра свой день рождения» или «Он собирается торжествовать в ресторане свою докторскую защиту», а Пушкин не один раз употребил глагол *торжествовать* именно так — как переходный, требующий дополнения в винительном падеже. Например:

По старине торжествовали
В их доме эти вечера...

Евгений Онегин

Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

19 октября

С. М. Бонди (столетие которого отмечалось в прошлом году) мечтал о создании популярного, адресованного широкому читателю словаря, в котором толковались бы слова, употребленные Пушкиным в ныне утраченных значениях. Этот словарь помогал бы понять, что «восстаньте, падшие рабы» — не призыв к восстанию, что «позор», который «являет Киев осажденный», означает „зрелище” и что глагол *торжествовать* не всегда значит у Пушкина «радоваться, ликовать по поводу успеха, победы».

В № 2 — 1992 прочитала замечательный рассказ М. В. Горбаневского о Собачьей площадке. Я хорошо знала это место — место моего детства. В 1900—1915 гг. я жила в доме № 8 по Трубниковскому переулку. Знаю, что близ Собачьей площадки жила Марина Цветаева, она училась в музыкальной школе — не в доме ли Хомяковых у Гнесиных? Интересно, сохранился ли дом на Спасо-Сковской площадке, где В. Д. Полenov рисовал свой знаменитый «Московский дворик»?

Как жаль, что Москва утрачивает свои такие памятные, незабываемые уголки!

Хорошо еще, что сохранилась квартира-музей А. Н. Скрябина. Я училась в одном классе с его дочерью Еленой Александровной Скрябиной.

Примите мое уважение и почтение за память к истории Москвы.

А. И. Кечеджи,
Рязань

«ЗОВИТЕ МЕНЯ ПРОСТО...»

А. А. ШУНЕЙКО

Многим памятен популярный в эпоху застоя анекдот: Л. И. Брежнев, слушая привычное обращение в свой адрес «Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, верный ленинец, выдающийся деятель международного рабочего движения» и т. д. и т. п., перебивает говорящего словами: «Зовите меня просто — Ильич!» Этот анекдот метко характеризует личность тогдашнего вождя и «выдающегося деятеля...», стремившегося к все большему количеству почестей, наград и званий, доходящего до желания приобрести титул «творец революции». *Ильич* здесь противопоставляется отчеству В. И. Ленина, которого так часто называли: «Очень многие товарищи его обожали, искренно считали добрым, милым, благожелательным человеком. Он был Ильич; Плеханов никогда не был Валентинычем» (Алданов Марк. Самоубийство. Октябрь. 1991. № 3).

Указание на эту черту развивается во многих анекдотах про Л. И. Брежнева, например, рассказ о замене надписи на мавзолее *Ленин* на *Лёнин*, или повествование о мальчике, подсказавшем В. И. Ленину точную дату Октябрьского восстания, которого звали *Лёня*, и т. д. Все это тем более показательно, что в народном сознании две эти личности и их имена были тесно связаны. Вот только два примера из малых жанров фольклора: «Чем отличается субботник 1921 года от субботника 1971 года? Бревно то же, а Ильич другой»; или очень похожие загадки: «Это что за большевик? Лезет он на броневик. Он большую кепку носит, букву «р» не произносит, очень добрый и простой, догадайтесь, кто такой?» (Владимир Крупин. Москва. 1991. № 12); «Это что за бармалей лезет там на мавзолей? Брови черные густые, речи длинные, пустые, он и маршал и Герой, догадайтесь, кто такой? Кто на это даст ответ, тот получит двадцать лет».

Патроним (то есть отчество) *Ильич* сигнализирует о связи с формой уважительного именования, широко употребительной в народной среде по отношению к пожилым людям, пользующимся в своем деле авторитетом, таких называют Пахомычами, Петровичами, Ивановичами.

Характеризуя личность Л. И. Брежнева, этот анекдот как нельзя лучше представляет и саму эпоху, во время которой социальный протест часто выражался именно в форме языковой игры; вспомним: *дуб-Лёнька* вместо дубленка или обиходное переименование горькой настойки «Стрелецкая» в «Брежнев на переподготовке» — тогда на ее этикетке был изображен дородный стрелец. В случае с

анализируемым анекдотом эффект комического связан с тем, что у слова *Ильич* актуализируются сразу два связанных с ним ассоциативных поля — отчество Ленина + уважительное употребление отчества, и первое ассоциативное поле вступает в противоречие со словом *проще*, так как наименование получается не проще, а почетнее, и аргументируется тщеславием.

Но, говоря о вожде и эпохе, анекдот генетически может быть не связан ни с вождем, ни с эпохой. Он имеет интересную историю. Приблизительно в то же самое время этот анекдот имел и иную огласовку. Михаил Козаков так вспоминает об одном эпизоде, связанном с известным режиссером, сыном поэта С. В. Михалкова, Андреем Михалковым-Кончаловским: «...во время съемок картины „Сибириада“, встретив сго с Никитой в Доме композиторов, я пошутил: „Слушай, Андрюха! Ну что у тебя за двойная фамилия такой непронизносимой длины: Михалков-Кончаловский? Не проще ли: Папин-Сибиряк?“ Андрон, чуть улыбнувшись, сказал: „Не приклесится“. „Вопрос...“ — ответил я. Буквально через неделю шутка облетела Москву и вернулась уже чужой ко мне» (Независимая газета. 1991. 1 июня). В этом анекдоте, как и в анекдоте про Л. И. Брежнева, *проще* (Папин-Сибиряк вместо Михалков-Кончаловский) актуализирует сразу несколько ассоциативных полей: отсылает к известному русскому писателю Мамину-Сибиряку, к отцу режиссера — Сергею Михалкову, к названию фильма (Сибириада), и иронически все это суммирует. Но и это еще не предельная точка истории анекдота.

Острословы времен застоя, создавая два эти анекдота, — по сути дела, один в различных огласовках, — просто использовали, вольно или невольно, уже существующую формулу, подставляя в нее актуальные для данного момента имена. При этом их сатирический дар проявлялся в оригинальности замены.

Что же касается самой исходной формулы, то она была хорошо известна еще в конце прошлого — начале нашего века. Вл. Гиляровский, рассказывая об известном банкире Л. С. Полякове, пишет: «Про него ходил такой анекдот: — Ну и хочется вам затруднять свой язык? Лазарь Соломонович, Лазарь Соломонович! Зовите просто — ваше превосходительство!» (Вл. Гиляровский. Соч. в 4 т.: Т. 4. М., 1967). Несложно заметить, что и здесь *просто* равно почетнее и значительнее.

Возвращаясь непосредственно к анекдоту о Л. И. Брежневe, можно сказать, что в основе его возникновения лежат две традиции, определяющие историю самой формулы *проще*, *то есть почетнее*: культурологическая и речевая. Первая связана с восприятием вождей как царей: «„Вожди“ — те же цари, только что не легитимные, а самозванные, и не случайно мы ведем исторический счет „по царствованиям“, как принято в старинных хронографах: сталинский период, хрущевский, брежневский и т. д. Очередной властитель придумывает себе роль и реквизит...» (Панченко А. М. —

Знамя. 1992. № 1). Вторая традиция связана с обычаем в разговорной речи повышать подчиненными своих хозяев в ранге: «Возвратился дворник и объявил, что боярин его дома: не дьяком назвал он его, боярином; а в этом было в древности различие» (Сумароков А. П. О думном дьяке, который с меня взял пятьдесят рублей. Русская сатирическая проза XVIII века. Л., 1986).

Анекдот имеет и более отдаленный по времени аналог: «Старый генерал Щ. представлялся однажды Екатерине II. — Я до сих пор не знала вас, — сказала императрица. — Да и я, матушка-государыня, не знал вас до сих пор, — ответил он простодушно. — Верю, — возразила она с улыбкой. — Где и знать меня, бедную вдову!» (Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века. М., 1990). Здесь формула «проще, то есть почетнее» не проявлена, но подразумевается: Екатерина II, произнося имя «бедная вдова», явно кокетничая, выдаст желаемое за действительное (так как вдовой она стала исключительно по своей воле и отнюдь не бедной). Здесь за внешней простотой предлагаемого имени стоит установка на приписывание себе в глазах окружающих добродетельных черт.

Такова история одного сюжетного ряда анекдотов. Многие из которых кажутся нам оригинальным проявлением современного общественного сознания, на самом деле, в своем развитии обнаруживают давнюю традицию. Это связано с тем, что подвергаемые осмеянию в анекдоте человеческие пороки живучи и постоянны, равно как исчислимы и языковые приемы, используемые при описании этих черт. Ограничимся указанием только на один недавний факт. Еще два года тому назад популярны были всевозможные обыгрывания имени Е. К. Лигачева, связанные с глаголом *объегорить* — «обмануть». Но и здесь, как и в случае с Л. И. Брежневым, мы сталкиваемся с давней традицией. Так, еще Вл. Гиляровский, рассказывал о Егоре Егоровиче Быстрове, прекрасном провинциальном актере, заядлом картежнике и бильярдисте: «Егор Быстров, игрок-профессионал, кого угодно умел обыграть и надуть: с него и пошел глагол «объегорить» (Ук. соч.).

Комсомольск-на-Амуре

Уральские разговоры

А. М. ВИКТОРОВ,
геолог

В начале тридцатых годов я проводил геологические изыскания на Среднем Урале, в районе г. Егоршино, известном разработками угля. Поселился в деревне Сарафанное. Здесь, в избе, за деревянной перегородкой мне была выделена комнатуха. Обработывая материалы дневного маршрута, я невольно слышал все разговоры хозяйки, которые она вела с трехлетним внуком, с гостями и со стариком-мужем. Внук — мальчишка с голубыми глазами — очень ясно и четко произносил слова, по-местному окая и выпевая окончания.

«Не шевели, Толинька, запон (не хватай за передник), не славно будет. Поди лучше на улку играть с ребятами», — говорит бабушка, выдергивая передник из рук непоседы-внука. — Я мале-стохонько (немного) погуляю». — «Да пошто сам-то? — замечает бабушка. — О, будь ты грех, несклды, чуешь (слышишь, знаешь), мне-то». Ребенок хнычет. «Ропотун, пошто ропчишь, бестужий? (привередник, почему капризничаешь, бесстыжий). Иди-от, — замечает бабушка, — робята на улке, до перемет (изгороди) дойди. Ну тупай (ступай), и я приду на речку ремчишки (половички) мыть».

Внук нехотя открывает низенькую дверь и, взяв кнутик, выходит во двор. С поля сдут колхозники на обед. С телеги спрыгивает отец и подхватывает ребенка на руки, затем сажает его на телегу и дает вожжи. А в избе тем временем бабушка торопится в «яму» (погреб), несет грибы.

Старик, муж хозяйки, лежит на полатах и изредка стонет. «Старик хворый седни (нынче), в лес грибы ломать ходил, лопотинешка (одежка) худая, да в дождь попал», — говорит сыну хозяйка. «Лихорадка, буди трои светом проклятая, стала, — вставляет со стоном свою реплику старик, — басче (лучше) было б не ходить».

Разговор, пока не поставлена похлебка, идет на темы дня: «Убирают овсы-те?» — спрашивает бабушка, разрезая пшеничный калач. «Косим литовкой (косой с граблями), народу дивно (множество)».

Небо нахмуривается. Бабушка, выглядывая в окно, замечает: «Поморачивает, опять будича дождь. С дождей не славно, все зелены-то овсы-те косить».

«Ой, я согрешила» — восклицает она вдруг, видя, что пустая миска ждет наполнения. Торопится к печи, бормоча: О, будь ты свято место, в завозне (пристройка к избе) крыша с дыркам, казала, делай ладом, так нет, и опять промачиват».

Отворяется дверь, пригибаясь, входит фигура в платке. «Хлеб да соль!» — «Милости просим, Пелагея Никитишна, садись на лавку», — отвечает хозяйка. Начинается разговор: «Почем ты, Пелагеюшка, не робишь?» — «Дык-че робить, колды на производство хить ладит Феденька. Корову-то продали, да боюсь не роботь он». — «Ничего, Пелагея, живите вместе и вся. На вещне баил (вскоре надумал) он ихать», — «Да как ихать, чужа сторона». Фигура всхлипывает: «Уж Феденька — от не торгавывал, не пировывал, как не роботь он?».

Старик, кряхтя, сползает с полатей. На нем домотканые, красные с серыми полосками, узкие штаны, как и у всех мужчин в селе. Берет ковш и пьет квас, который считает универсальным средством, потом молча лезет обратно на печь. Хозяйка, покосившись на него, продолжает: «Ланись (в прошлом году) ваши были в Егоршино, так и остались, И ты также». Разговор на этом заканчивается, Пелагея, поклонившись, уходит.

Более шестидесяти лет прошло с того дня, когда я услышал и записал эти разговоры сельских жителей Урала.

Распространение телевидения и радио, внедрение информационной техники до известной степени снисвелировали русскую речь, повлияли на ее образность и стиль. И, может быть, эта зарисовка послужит материалом для истории местных говоров, которыми был некогда богат русский язык, и будет интересна читателям «Русской речи».

**Тематический указатель статей,
опубликованных в журнале
«Русская речь»
в 1992 году**

Закон РСФСР «О языках народов РСФСР»	2
Слово к читателям	1
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	
Челышев Е. П. Российская наука и Андреевский монастырь	4
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	
Вомперский В. П. Российская академия (1783—1841)	3
ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
Афанасьев Э. С. «Как вы все серо живете, как много говорите ненужного»	3
Бабаев Э. Г. «О чем, прозаянк, ты хлопчешь?»	4
Бельская Л. Л. Современна ли современная рифма?	1
Вацура В. Э. Из записок филолога. Загадочная эпиграмма А. С. Пушкина	3
Гапоненко П. А. «Стройные слов сочетания в ясном сплетутся значенье...»	4
Гин Я. Н. «Неизбежная тирания материала...»	6
Гришунин А. Л. Из наблюдений над словоупотреблением А. Блока	1
Илюшин А. А. «Дарьялов дрался на дуэли...»	4
Красикова Е. В. Апокалипсис милосердия	1
Кременцов Л. П. Задыхающийся язык	4
Озернова Н. В. «Стихи к Блоку» М. Цветасвой	5
Петросов К. Г. «Как я люблю имена и знамена...»	5
Пичхадзе А. А. «Подражания Корану. I.» Источники и ассоциации	1
Тарланов Е. З. «Чужое слово» в поэзии Константина Фофанова	4
Тименчик Р. Д. Имя литературного персонажа	5
Умнова М. В. «Умение делать вещи нужные и веселые...»	2
Федякин С. Р. Стилистическая метаморфоза Виктора Конецкого	2
Фомичев С. А. Поэтическое завещание Рылсва	5
Фомичев С. А. У истоков онегинского замысла	1
Харджиев Н. И. Необычайные приключения поэмы Маяковского	4
Чистова И. С. «Люблю России честь...»	5

Шапир М. И. Об одном анаграмматическом стихотворении Хлебникова	6
Шульская О. В. Просторечие и жаргон в поэзии А. Межирова	6

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Волконский С. О русском языке	2
Горбаневская Н. Стихи о русском языке	1
Ильин В. Н. Мудрость скуки и раскаяния (О последней тайне земной судьбы Пушкина)	3
Мочульский К. В. Эссеистика	5
Пастернак Б.: Анкеты, заявления, ходатайства 1920-х годов	4

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Бобунова М. А. Не вырубишь топором	5
Граудина Л. К. Как назвать жителяницу Санкт-Петербурга?	3
Граудина Л. К. Мы, мода и язык	1
Грачев М. А. Третья волна	4
Дерябина А. С. Лавровый, лавровый...	6
Золотова Г. А. О слове и деле	1
Карпинская Е. В. Границы <i>транспарентные</i> или <i>прозрачные</i> ?	4
Катлинская Л. П. И все-таки <i>пятигорцы</i> , а не <i>пятигорчане</i> !	5
Козловская Т. Л. «Хочу сказать о языке сахарном, сладеньком, сусальном»	3
Лейчик В. М. Алиса — имя собственное	6
Морозова В. А. Страница современных терминов	4
Новикова И. В. Звонкое иноязычие	3-4
О состоянии русского языка. Материалы почтовой дискуссии.	2-6
Петухов А. С. Язык перестройки или перестройка языка?	2
Старкова Н. В. Имидж	5
Сычев А. С. От одного <i>поколения</i> к другому	6
Трифонов Н. В. В Республике Болгарии, в Республике Польша.	1
Хан-Пира Эр. Англоязычный, франкоязычный, русскоязычный и другие	5
Хан-Пира Эр. <i>Владыка</i> или <i>владыко</i> ?	1
Ширяев Е. И. Вместо хроники одной конференции о русском языке	1
Шмелева Т. В. Словарь одного события	4

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Якубинский Лев Петрович	6
-----------------------------------	---

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Аверьянов К. А. Сорок сороков	6
Аникин А. Е. Одескуй	3
Аннушкин В. И. «Риторическое искусство» в Древней Руси	2
Верховская Е. А. Гимн грамматическому учению	5

Елизаров А. С. Видел ли Карамзин гробницу графа д'Аркура?	2
Коротенко Л. Г. О моде, поясе и солнце	2
Малышева И. А. В щепяном ряду...	6
Невская В. А. «...Дней минувших анекдоты»	5
Никитин Ю. З. По первым буквам слов	3
Объяснение Символа веры, молитв и заповедей	1-5
Памяти преподобного Сергия Радонежского	6
Рогалев А. Ф. Откуда же шли предки белорусов?	3
Серебряная И. Б. «Бьют челом холопи твои...»	1
Трубачев О. Н. В поисках единства. IV. Смоленские мотивы	4-6
Трубачев О. Н. Ответ оппоненту	3

РУССКИЕ ГОВОРЫ

Житников В. Ф. <i>Лонісь, куміша, прокурят...</i>	1
Зорина Л. Ю. «С малиновой речью...»	1

ОНОМАСТИКА

Житников В. Ф. Диалектизмы в фамилиях	4, 6
---	------

ТОПОНИМИКА

Бушаков В. А. Солхат, Таврика, или Крым	5
Горбаневский М. В. В Москве, на Собачьей площадке... . .	2
Михайлова Л. В. Старый Валаам и его окрестности	3
Рогалев А. Ф. Гомель	6

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА. ПИСАТЕЛЬ И ФОЛЬКЛОР

Азбелев С. Н. Садко	6
Галахов В. К. <i>Балалайка</i> в народной поэзии	3
Карпенко Ю. А. Игра в отчества	2
Медриш Д. Н. Бурый волк и проказница-белка	3
Медриш Д. Н. «О чем же думал он?»	1
Медриш Д. Н. Речь и молчание в сказках Пушкина	5
Радунский В. Г. Чистое поле — дом — человек	4

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Аникин А. Е. Борода, бородка, бородавка	6
Барандеев А. В. Архипелаг	4
Белова О. В. Что мы знаем о <i>ехидне</i> ?	2
Гвоздарев Ю. А. Забытые фразы	5
Глухих В. М. Детей продам, жену <i>в прокат</i> отдам	6
Зеленин А. В. Респондент	5
Котлицкая О. Я. Про черта лысого	6
Крысин Л. П. <i>Путч, бунт</i> и другие	2
Ларионова Е. В. Менеджер	3
Ларионова Е. В. Спонсор и меценат	5
Маляренко Л. Н. Кто такие <i>фребелички-садовницы</i> ?	5
Миронеско Е. М. О <i>хомуте, дышле и рельсовом экипаже</i>	4
Мокиенко В. М. В какой <i>просак</i> попал простак?	1

Плотникова А. А. Гороху объесться	1
Сахно С. Л. Что называют «русским» русские и иностранцы?	2
Солодкин Я. Г. Смутное время	6
Шунейко А. А. Фармазон	3
Шустов А. И. Враг народа	5

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

Зданкевич В. Г. Правописание личных окончаний глаголов	3
Степанченко И. И. Запятые при оборотах с союзом <i>как</i> . .	4
Степанченко И. И. Красные цветы не могут быть синими .	1
Тихонов А. И. Членимость и производность слова	2

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Никитина Е. П. Как кружка стала бокалом, и что из этого вышло	1
--	---

СРЕДИ КНИГ

Агеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий . .	1
Войтенко А. Ф. Лексический атлас Московской области . .	2
Граник Г. Г., Бондаренко С. М., Концевая Л. А. Секреты орфографии	6
Павлова Л. Г. Спор, дискуссия, полемика	6
Подольская Н. В. Дар русскому языку (О словаре А. И. Солженицына)	1
Словарь разговорной лексики русского языка	6
Суперанская А. В. Имя — через века и страны	2

ХРОНИКА

Возрождение Общества любителей российской словесности .	6
Вячеслав Иванов: поэт и мыслитель	2
Шаг навстречу друг другу	1

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Два взгляда на одну проблему	6
Викторов А. М. Уральские разговоры	6
Еськова Н. А. Торжествовал ли пушкинский крестьянин? .	6
Морозова Л. А. Деловой человек	5
Отклики читателей	6
Павлова Е. С. Ты и Вы	2
Ридель Л. Д. Как мы говорим	3
Хан-Пира Эр. Лица кавказской национальности или кав- казцы?	3
Шунейко А. А. «Зовите меня просто...»	6